Васіль Быкаў

На крыжах

Выступленні, артыкулы, інтэрв'ю

Мінск
«Беларусь»
1992

ББК 84 Бел 7 Б 95

Серыя заснавана ў 1991 годзе

Быкаў В. У.

На крыжах: Выступленні, артыкулы, інтэрв'ю. — Мн.: Беларусь, 1992. — 271 с. — (Сер. «Плошча Свабоды»),

ISBN 5-338-00981-1.

У кнізе публіцыстыкі народнага пісьменніка Беларусі сабраны выступленні, артыкулы, інтэрв'ю часоў перабудовы. Некаторыя матэрыялы друкуюцца ўпершыню. У іх — роздум пра мінулае і пра сённяшні дзень роднага краю, пра балючыя праблемы, якія ставіць жыццё перад грамадствам і чалавекам.

Для шырокага кола чытачоў.

ISBN 5-338-00981-1

©В. У. Быкаў, 1992

ВЫСТУПЛЕННЕ НА V З'ЕЗДЗЕ СП БССР

Чэрвень 1966 г.

Можна шмат гаварыць пра поспехі беларускай літаратуры ў духу некаторых учарашніх дакладчыкаў, але мне здаецца, што наш з'езд Саюза пісьменнікаў усё ж не юбілейны, і таму лепей гаварыць пра іншае.

Шкада, але я не магу пагадзіцца з выказаным тут аптымізмам адносна выдатных дасягненняў нашай літаратуры. Усім вядома, як крытыкавалася літаратура на XXIII з'ездзе партыі. Два гады запар камітэт па прэміях не прысуджае прэміі ў галіне літаратуры. Літаратура не толькі траціць павагу да сябе з боку кіраўніцтва, але і губляе сілу ў барацьбе за чытача, якога сотнямі тысяч адбіраюць у нас стадыёны ў якасці нечуванай, я б сказаў ганебнай, для цывілізацыі з'явы — арміі агалцелых балельшчыкаў. Не ведаю, як каго, мяне, ж гэтыя факты наводзяць на сумныя развагі. І сапраўды, як гэта атрымалася, што наша літаратура, якая заўжды ўражвала чалавецтва геніяльнасцю сваіх твораў, дажылася да таго, што за два гады не знаходзіцца кнігі, якую можна было б адзначыць Дзяржаўнай прэміяй? У чым справа? У чым справа таксама, што нашы нацыянальныя прэміі, мякка кажучы, зусім не ў пашане, і то прысуджаюцца, то пра іх нібыта «забываюць, і месяцы не чуваць, што вылучана і калі будзе прысуджэнне.

Па ўсім відаць, нашая літаратура перажывае крызіс. І гэта, можа, каму-небудзь падасца дзіўным: столькі пра яе гавораць, праяўляецца такі клопат. Чаму ж тое дзіця такое хілае?

Мне здаецца, што прычыны таго заняпаду ляжаць якраз там, дзе планаваліся поспехі. Адбылася вельмі простая з'ява: у адносінах да літаратуры дзесьці згублена мера, ёю закіравалі, яе заняньчылі.

Калі ў гаспадарцы валюнтарызм неяк асуджаны, дык у літаратуры ён дагэтуль у пышным росквіце. У народнай гаспадарцы ўжо не так камандуюць, як у літаратуры. Вытворчыя адносіны там намагаюць ладзіць з некаторай натуральнасцю і заканамернасцю. Літаратура ж застаецца тым, чым была сельская гаспадарка ў нядаўнім мінулым, — кожны мае да яе адносіны і пры выпадку не супроць патаптаць яе і без таго не надта ўрадлівы агарод.

Але вельмі і вельмі памыляюцца тыя, хто лічыць, што ў мастацтве і літаратуры няма няўмольных законаў, што іх можна папіхаць, як захочацца. На жаль ці на шчасце, такія законы ёсць.

Галоўная цяжкасць для мастака заключаецца ў тым, што законы мастацтва нярэдка не супадаюць з дзеючымі на кожным этапе законамі грамадскага жыцця. Больш таго, яны амаль заўсёды ў супроцьстаянні. У жыцці ідэальнае грамадства тое, дзе як мага меней канфліктаў, а ў мастацтве наадварот. Для жыцця найлепей характары роўныя і празрыстыя, а для мастацтва — складаныя і супярэчлівыя. Мастак у творы або раздвойваецца паміж гэтымі рознаскіраванымі мэтамі, або схіляецца ў нейкі адзін бок. Вось чаму нават для самага вопытнага празаіка пісаць кожную новую кнігу — значыць пачынаць усё спачатку. Увесь яго ранейшы вопыт траціць сваё значэнне, ён заўжды бездапаможны, калі новы жыццёвы матэрыял увасабляецца ў пэўныя мастацкія формы. Прытым немагчыма падпарадкаваць законы мастацтва законам жыцця, таксама як і наадварот. Патрэбна гармонія, мера, тое, што прынята называць мастацтвам і што вызначаецца толькі талентам мастака. Ажыццяўляць дыктат у гэтай справе абсалютна немагчыма без таго, каб не задушыць мастацтва.

Але ці ўсе ў нас разумеюць гэтую даволі банальную ісціну? Баюся, што далёка не ўсе. У жыцці на кожным кроку мы сустракаем горкае неразуменне літаратуры, неразуменне, якое выклікае сум і роспач, асабліва калі вядомыя ідэалагічныя рупліўцы пачынаюць рабіць паспешлівыя палітычныя вывады.

Дзіўна, што ў наш час, на 49-ым годзе Савецкай улады, ў адносінах да літаратуры грэбуюць тым, што некаторым трэба б засвоіць яшчэ ў школьным дзяцінстве. І я перакананы, што высокія аўтарытэты, ідэйныя абгрунтаванні, хоць бы і спасылкі на вайну ў В'етнаме, тут абсалютна не маюць рацыі. Усе беды тут — ад непісьменнасці, нізкай эстэтычнай культуры, а то і дыпламаванага абскурантызму тых, хто прыстаўлены кіраваць літаратурай.

Першай і галоўнай праявай таго абскурантызму, на мой погляд, з'яўляюцца адносіны да адмоўнага ў літаратуры. Яшчэ вялікі Бялінскі ў сваім артыкуле «Ответ «Московитянину» пісаў: «Творчество по своей сущности требует безусловной свободы в выборе не только от критиков, но и от самого художника. Ни ему никто не вправе задавать сюжеты, ни он сам не вправе направлять себя в этом отношении. Он может иметь определенное направление, но оно у него только тогда может быть истинно, когда без усилия, свободно сходится с его талантом, его натурой, инстинктами и стремлением. Он изобразил вам порок, разврат, пошлость: судите, верно ли, хорошо ли это сделал, а не толкуйте, зачем он сделал это, а не другое, или вместе с этим не сделал и другого. Говорят: что это за направление —

изображать одно низкое и пошлое! А почему бы и не так?" — пытаецца Вісарыён Бялінскі і ў іншым месцы гэтага артыкула адказвае: «Это — не один дар выставлять ярко пошлость жизни, а еще более — дар выставлять явления жизни во всей полноте их реальности и их истинности.»

Так, мастацтва — не адвольны твор мастака, але і не планавы прадукт грамадства, яно — душа гэтага грамадства. Нельга дастаць і як сабе хочаш перарабіць тую душу без таго, каб не перайначыць характар грамадства. Абое яны існуюць у адзіным узаемазалежным цэлым.

Літаратуры даводзіцца цяжка, асабліва калі мець на ўвазе не гэтак тэарэтычныя высновы, як яе жыццёвую практыку. У наш час зусім нярэдкія з'явы, калі нават выдатныя тэарэтычныя пастулаты на справе ператвараюцца ў штосьці, што найболей нагадвае свайго роду неакласіцызм. Пра тое не прынята гаварыць, але не сакрэт, што ў літаратуры час ад часу запаноўваюць характэрныя адзнакі менавіта такога літаратурнага напрамку: калі губляецца рэалістычны характар рэчаіснасці, грэбуюць жыццёвай праўдай, рэальнае выцясняецца яўна ідэальным. Я ахвотна пагаджуся, што мастацтва так званага сацрэалізму не дапускае ў сабе безідэйнасць, бяскласавасць, абстрактны гуманізм і гэтак далей. Але бясспрэчна, што і іхнія супрацьлегласці, узведзеныя ў катэгарычны абсалют, — не меншае зло, хіба што з іншым, адваротным знакам. Менавіта гэтае зло нанесла немалую шкоду нашаму мастацтву. І гэта зразумела, калі мець на ўвазе знакамітыя словы У. Леніна, які ў сваёй працы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» пісаў, што «самое верное средство дискредитировать новую политическую (да и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы во имя защиты ее довести ее до абсурда».

Хіба не зразумела, што голы рацыяналізм, імкненне падпарадкаваць літаратуру ды мастацтва патрэбам кожнага сёння, таксама як загадзя распланаванага заўтра, ігнараванне жыццёвых складанасцяў, дыялектыкі развіцця наносяць непапраўную шкоду не толькі літаратуры, але і ўсяму грамадству.

Мастацтва — гаючы дождж грамадства, якое без яго крытычнага ўздзеяння непазбежна пакрываецца плесенню і загнівае. Апалагетыка без разбору, бяздумнае сцвярджэнне ўсяго існага — па сутнасці не што іншае, як магільшчык грамадства, і вельмі шкада, што мы дасюль не зразумелі ўсёй небяспекі тае з'явы. Вельмі шкада, што і сёння шмат хто кіруецца думкай, нібы людзі, што бачаць заганы ў жыцці, тым больш адважваюцца крытыкаваць яго, заражаны духам

буржуазнай ідэалогіі, паклёпнікі або нават ідэалагічныя дыверсанты. Няўжо ёсць патрэба даказваць, што такая думка па меншай меры неразумная, што праўда, якой бы непрыемнай яна ні была, калі яна сумленна выказана, не можа пашкодзіць дабру, што сапраўдныя, а не прыдуманыя ворагі ўсіх часоў выдатна маскіруюцца самай артадаксальнай фразеалогіяй, выконваюць ролю самых верных служак. Хіба трэба пераконваць, што ўсе ўрадавыя перавароты, усе ўдары ў спіну, усе змовы і здрады рабіліся людзьмі прыбліжанымі, заўжды вельмі лаяльнымі.

Безумоўна, каб пісаць праўду, апроч таленту, патрэбна немалая мужнасць. Але не меней мужнасці патрэбна і для таго, каб успрыняць праўду ва ўсёй яе паўнаце і складанасці. І ў гэтым сэнсе варта выказаць жаль, што некаторыя нашы кіраўнікі, тыя, каму больш за іншых павінна быць уласціва гэтая якасць, апынаюцца, мякка кажучы, не на вышыні. На словах прызнаючы крытыку за рухаючую сілу грамадства, яны тым не менш імкнуцца надаць гэтай крытыцы толькі адзін кірунак — зверху ўніз. Але для літаратуры не існуе ні верху ні нізу. З'яўляючыся чалавеказнаўствам, яна з аднолькавым правам даследуе і даярку, і міністра, радавога члена партыі і сакратара ЦК.

Вядома, што, як і кожная манаполія, манаполія на крытыку — прыемная рэч для таго, каму яна належыць. Няма патрэбы гаварыць, якая «карысць» з яе ў іншых сферах грамадскага жыцця, але для літаратуры яна — згуба. Літаратура без крытычнага пачатку — забава для гультаёў, абывацельская цацанка. Хіба мала ўрокаў такога парадку дала нам сумнай памяці тэорыя і практыка бесканфліктнасці? Папрок жа ў адрас літаратуры за так званае ачарніцельства ці паклёп — з'ява банальная па сваёй распаўсюджанасці, супраць яго ва ўсе часы змагалася літаратура. На гэты конт я зноў дазволю сабе звярнуцца да аўтарытэту Бялінскага. «Самое сильное и тяжелое обвинение, которым писатели риторической школы думают окончательно уничтожить Гоголя, состоит в том, что лица, которых он обыкновенно выводит в своих сочинениях, оскорбляют общество... Подобное обвинение больше всего показывает незрелость нашего общественного образования. В странах, упредивших нас развитием целых веков, и понятия не имеют о возможности подобного обвинения. Никто не скажет, чтобы англичане не были ревнивы к своей национальной чести: напротив, едва ли есть другой народ, в котором национальный эгоизм доходил бы до таких крайностей, как у англичан. И между тем они любят своего Гогарта, который изображал только пороки, разврат, злоупотребления и пошлость английского общества его времени. И ни

один англичанин не скажет, что Гогарт оклеветал Англию, что он не видел и не признавал в ней ничего человеческого, благородного, возвышенного и прекрасного. Англичане понимают, что талант имеет полное и святое право быть односторонним и что он может быть великим в своей односторонности. С другой стороны, они так глубоко чувствуют и сознают свое национальное величие, что нисколько не боятся, что ему могло повредить обнародование недостатков и темных сторон английского общества. Но и мы можем жаловаться только на незрелость общественного образования, а не на отсутствие в нашем обществе чувства своего национального достоинства... Чем сильнее человек, чем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Еще больше можно сказать это о народах, которые живут не человеческий век, а целые века. Народ слабый, ничтожный или состарившийся, изживший всю свою жизнь до невозможности идти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны: он знает, что они смертельны, что его действительность не представляет ему ничего отрадного и что только в обмане самого себя может он находить те ложные утешения, до которых так падки слабые и дряхлые. Таковы, например, китайцы или персияне, послушать их, так лучше их нет народа в мире, и все другие народы перед ними — ослы и негодяи.» Далей ён піша: «Не таков должен быть народ великий, полный сил и жизни, сознания своих недостатков, вместо того, чтобы приводить его в отчаяние и повергать в сомнение в своих силах, дает ему новые силы, окрыляет его на новую деятельность», і далей: «Писатель выведет в повести пьяницу, а читатель скажет: можно ли так позорить Россию? Будто в ней все одни пьяницы? Положим, что читатель умный, даже очень умный человек, да следствие-то, которое он вывел из повести,— нелепо. Нам скажут, что искусство обобщает частные явления и что оно уже не искусство, если представляет явления случайные. Правда, но ведь общество, и особливо народ, заключает в себе множество сторон, которые не только повесть, целая литература не исчерпает».

Прашу прабачэння за даўгую цытату, але мне здаецца, што сказанае Няіставым Вісарыёнам мае самыя непасрэдныя адносіны не толькі да Гогаля, але і да нашай сучаснай літаратурнай практыкі. Калі б нашы выдаўцы і крытыкі часцей чыталі Бялінскага ды лічыліся з яго аўтарытэтам, можа б, яны зразумелі ўсю недарэчнасць шмат якіх уласных прэтэнзій да літаратуры, якія болей за сто гадоў таму разбіў вялікі крытык-дэмакрат. Гэта ж праўда, што з 1847 года, калі былі напісаны гэтыя словы, у нашай літаратуры не шмат змянілася, паранейшаму ў яе адрас усё тыя ж папрокі. Варта напісаць не надта

прывабнага генерала, як адразу ж раздаюцца абвінавачванні ў падрыве прэстыжу савецкіх палкаводцаў; варта намаляваць адмоўны персанаж чыгуначніка, як ужо пішуць пра паклёп на слаўных савецкіх чыгуначнікаў. Абскурантызм з поваду знявагі гонару мундзіра ў апошні час набыў пагрозлівы характар. Я мог бы прывесці красамоўныя прыклады з уласнай практыкі, з жыцця ўсім нам вядомага Аляксея Карпюка, які за наіўную спробу напісаць праўдзівую літаратурную аўтабіяграфію свайго, я б сказаў гераічнага, жыцця паплаціўся ўжо шмат чым і, мабыць, паплаціцца яшчэ.

У кожнай прафесіі важнейшае значэнне мае думка спецыяліста, майстра пэўнага рамяства, але не ў літаратуры. У адносінах да літаратуры здарылася так, што ісціна вызначаецца па прынцыпу субардынацыі. Як кажуць, чым вышэй пасада, тым бліжэй да бога. У канцы пятага дзесятка гадоў Савецкай улады мы марым аб тым жа, пра што ў свой час клапаціўся Луначарскі, які яшчэ у 1931 годзе казаў, што «вопрос надо ставить не так, чтобы Центральный Комитет писал лозунги, а писатели подыскивали иллюстрации к ним, а так, чтобы партия, Центральный Комитет среди других информационных материалов читали и писателей и получали от них импульсы для своих постановлений и лозунгов».

Напісаць добры твор нялёгка ва ўсіх адносінах, але яшчэ цяжэй яго надрукаваць. Гэта ж факт, што ў нас лёгка друкуюцца толькі пасрэдныя творы, тыя, у якіх нічога няма, якія падобны на сотні папярэдніх, ужо выпрабаваных выдаўцамі і крытыкай. А тое, што не адпавядае афіцыйным устаноўкам, сустракаецца з недаверам і пераадольвае магутнае супраціўленне ва ўсіх сферах. Практычна аўтар апынаецца перад дылемай: або прыняць патрабаванні выдавецтва і спаскудзіць твор, або той ніколі не пабачыць свету. Нярэдка ў выдадзеным творы дужа няшмат застаецца ад аўтара і ягонай канцэпцыі. Дзіўны і незразумелы гэты ўзаконены недавер да таленту, недавер, які абразлівы сам па сабе для кожнага літаратара і прыніжае літаратуру.

І тым не менш мы мусім пісаць. Мы стаім на парозе вялікіх падзей нашай гісторыі. У нас ёсць пра што пісаць і ніколі не было недахопу талентаў. Літаратура пачалася не ўчора і скончыцца не заўтра. Беларуская літаратура — не толькі тое, што выдадзена ў ведамстве Захара Пятровіча. Дзённікі і нататкі Даўжэнкі, Нікалаевай, Кузьмы Чорнага, шматпакутныя творы Гарэцкага, рукапісныя творы ўсіх часоў і народаў — не менш літаратура, чым шматтомныя шэрагі ў лідэрынавых вокладках. І мне здаецца, што трэба пісаць не толькі пра жыццё народа, але і пра жыццё літаратуры. Варта памятаць, што

Лукаш Бэндэ ўвайшоў у нашу культуру гэтак жа назаўжды, як і тыя пакутнікі, якіх ён загубіў. Трэба часцей напамінаць пра той горкі вопыт нашай культуры. Асабліва для тых, хто ўсё яшчэ не страціў ахвоту ў падкутых ботах пагойсаць на яе здратаваным агародзе.

Магчыма, гэтыя словы не ўсім спадабаюцца. Можа, замест іх камусьці хацелася б пачуць ад мяне пакаянне ў духу Го Мо Жо. Але ў наш час такія пакаянні, як гэта красамоўна засведчыў А. Макаёнак, не шмат чаго варты. Таму не будзем крывіць душой. Мы не ворагі народа і не падрывацелі асноў Савецкай улады, адданасць якой у свой час засведчылі ўласнай крывёй. Да таго ж мы не патрабуем незвычайнага, мы толькі просім болей цярпімасці. Пастаўце сябе на нашае месца, і вы зразумееце, што выбар у нас невялікі: або літаратура, або нелітаратура. Сярэдзіны — няма.

У заключэнне хачу адзначыць, што, нягледзячы на шмат якія невясёлыя выказаныя тут думкі, я веру ў стваральную сілу літаратуры і ў дабразычлівасць тых, хто пастаўлены ёю кіраваць. Яшчэ хачу падзякаваць шмат якім пісьменнікам, што праявілі ўласную мужнасць і пісьменніцкую салідарнасць з поваду вядомага выпаду ў мой адрас. Покуль мы будзем з'яднаны па важнейшых пытаннях нашага жыцця і будзем гаварыць пра тое адкрыта, беларускі народ можа спадзявацца на добры лёс сваёй літаратуры.

ВЫСТУПЛЕННЕ НА ВЕЧАРЫ РЫГОРА БАРАДУЛІНА

Люты 1985 г.

Барадулін — гэта чараўнік.

Найперш — чараўнік паэтычнай стыхіі, якая жыве ў ім, мабыць, з дня яго нараджэння і які сам жыве ў ёй, вольна і радасна, як жыве птушка ў палёце, рыба ў вадзе, самаадданая жанчына ў каханні. Паэзія для Барадуліна — не варштат, не тачка, не прафесія ўрэшце. Паэзія для яго — бажэсцвенная стыхія, у якой ён нявольнік і ўладар адначасна. Віртуоз і маэстра! Вобразы ягонай паэзіі, гнуткія і хлёсткія, нечаканыя і ўтончаныя, — грацыёзныя служкі яго бязмежнай фантазіі і яго думкі — афарыстычнай і парадаксальнай, мужнай і чалавечнай.

Барадулін — дзіця народнай стыхіі, ён увасабляе яе без знарочыстасці і натугі — проста, натуральна і лёгка, бо тая яго народнасць — сапраўды ад народа, з якога ён выйшаў і якім жыве. Увесь барадулінскі розум — ад глыбіннага сялянскага рацыё, ажыўленага і аздобленага шчырым, трапяткім, чыста барадулінскім эмоцыё. У

ягонай народнасці — спрадвечна сялянскае, амаль язычніцкае адчуванне прыроды, уласнага кутка і жытла, мілай несамавітай Ушаччыны, сардэчныя гімны якой, не перастаючы, гучаць у ягонай паэзіі.

Для каго паэзія!— гэта космас і гмахі, веліч і гучнасць, для Барадуліна ж гэта найперш першазданная існасць: лес, поле, залева, прыпар, золак, дасвецце. Але таксама і драма жыцця і смерці, вайна, чалавек, каханне. Ягоныя вершы поўняцца пошумам дрэў, травянымі пахамі, сельскімі радасцямі. Часам аздоблены сялянскім досціпам, а то і папулерным вясковым слоўцам, у якім не столькі ад злосці, колькі ад мілай бяскрыўднасці.

Барадулін — чараўнік народнага слова.

Пэўна, як ні ў каш іншага з ягоных сучаснікаў паэтычнае слова ў Барадулін» зіхаціць і пераліваецца ўсімі колерамі, гучыць, як бубен, і спявае, бы скрыпка. І ўсё з такім спрытам і густам, на якія толькі і здольна сапраўды паэтычнае слова. Нават самыя непаслухмяныя, каструбаватыя словы нашае мовы, усе гэтыя празаізмы, дыялектызмы, варварызмы і няўклюдныя неалагізмы, трапіўшы ў барадулінскі радок, дзівосна пераўтвараюцца, робяцца надзіва зграбныя і гнуткія. Ці трэба казаць, як гэта важна цяпер, калі сім-тым з дзяцей Беларусі роднае слова ўжо замінае ў іх «вышэйшай» культурнасці ў імпартных джынсах з японскімі «магамі».

У Барадуліна роднае слова гучыць так натуральна і мілагучна, як спрадвеку гучаць у сусветнай паэзіі італьянскае, французскае, расейскае словы. Бо яно, гэтае слова, набывае мілосці і пекнаты з самых глыбіняў закаханага ў яго майстра, сапраўды народнага паэта Беларусі.

Пра паэзію Барадуліна і яго самога можна гаварыць бясконца, ды ўсё роўна сказанае не вычарпае ягонай сутнасці. Барадулін як чалавек і паэт невычэрпны. Бо ён арганічна таленавіты. І яшчэ ён зменлівы. Зменлівы, як кожная жывая істота, як талент, які бярэ ад жыцця на шматпакутнай святой зямлі пад сонцам любае Бацькаўшчыны.

І гэта выдатна. Толькі жывы талент здольны нарадзіць жывую паэзію, якая ў сваю чаргу жывіць культуру, народную самасвядомасць. Паэзія Барадуліна напэўна ж будзе з таго нешматлікага, што, наспатолеўшы духоўную прагу часу, пяройдзе парог стагоддзяў.

Пяройдзе нашаю класікай.

Таму што Барадулін ужо і цяпер, пры жыцці, выдатны наш класік, гонар беларускай культуры, і хоць аб тым пакуль не напісана ў падручніках, не абвешчана з літаратурных кафедраў, гэта так. (Зрэшты, Пушкіна таксама не песцілі ні імператар, ні ягонае міністэрства асветы, затое яго прыняла літаратурная вечнасць.)

ВЫСТУПЛЕННЕ НА ПЛЕНУМЕ СП БССР

Чэрвень 1985 г.

Падзеі такога роду, як наш юбілейны пленум, адметны пэўнаю дадатнай якасцю — яны даюць магчымасць зазірнуць у мінулае, агледзець свой шлях, каб нешта ў ім зразумець. Звычайна, у наш вельмі дзелавы, прагматычны і хуткаплынны век гэта зрабіць няпроста, людзі занятыя важнымі справамі, і для таго, каб азірнуцца на сябе і сваё мінулае, у сучаснага чалавека проста не хапае часу. А можа, і вялікага жадання таксама.

А між тым памяць — гэта матэрыяльная сіла, галоўны элемент чалавечай духоўнасці, яна не толькі здольна ўзнаўляць мінулае, але і вызначаць будучае. І ў катастрафічныя моманты гісторыі ворагі-заваёўнікі ў адносінах да народа-ахвяры перш за ўсё спрабавалі пазбавіць яго гістарычнай памяці, пасля чаго з ім можна было зрабіць, што хочаш. Многія народы выстаялі ў сваім гістарычным існаванні (нягледзячы на тое, што былі напалову фізічна знішчаны ці на стагоддзі пастаўлены на калені) менавіта з дапамогай пісьменнасці і мастацтва, у якіх увасобілася памяць аб мінулым, што з цягам часу дала ім магчымасць узрадзіцца. Успомніце гісторыю балгар. У той жа час адсутнасць пісьменнасці, гістарычнае бяспамяцтва зводзілі ў нябыт нават магутныя плямёны і народы, пра якіх мы і ў XX стагоддзі мала што знаем. Як пра нашых суседзяў яцвягаў, напрыклад.

Так, мы маем развітое мастацтва, высокамастацкую літаратуру, якія надзейна асэнсоўваюць і захоўваюць для нашчадкаў духоўную сутнасць нашай культуры, узбагачаюць народную самасвядомасць. І ў іх, вядома, адно з самых шаноўных месцаў належыць тэме мінулай вайны з нямецкім фашызмам, у якой мы панеслі небывалыя ў гісторыі страты, але і здабылі таксама найвялікшую ў гісторыі перамогу.

Далося гэта, як вядома, няпроста і патрабавала неверагодных намаганняў. Мы цяпер хораша гаворым пра непахісную ўпэўненасць у нашу перамогу, якая нас ніколі не пакідала. Што датычыць гэтай упэўненасці ў гістарычным плане, дык гэта, мабыць, і так. Але ўся справа ў тым, што гісторыя творыцца грамадствам, а грамадства ў сваю чаргу складаецца з індывідаў, існаванне якіх на зямлі, на жаль, не суладна з гістарычнымі маштабамі; чалавек так ці інакш жыве свой вельмі кароценькі адрэзак часу, і многія з нашых людзей так і не дачакаліся перамогі. Ішла вайна, і яны загінулі па шляху да яе. Адны ўлетку 41-га, другія вясной 45-га. І я не ведаю, чыя смерць была шчаслівейшай — тых, пасля якой наперадзе была яшчэ ўся доўгая

вайна, ці тых, хто да яе канца не дабег на некалькі тыдняў, дзён ці нават гадзін. І такіх было ў нас болей як 20 мільёнаў. Ці можа наша мастацтва спакойна ўспрымаць гэты гістарычны факт?

У друку, літаратуры ды і размовах нярэдка можна пачуць залішне катэгарычныя меркаванні аб тым, што важней для грамадства, для гісторыі і для мастацтва — наш гаротны шлях адступлення ад Брэста да Волгі ці наадварот — пераможнае шэсце ад Валгаграда да Эльбы. Мне думаецца, што такая пастаноўка пытання негрунтоўная як сваёй катэгарычнасцю, так і пэўнай наіўнасцю. Ужо так заведзена на зямлі, што гісторыя кожнага народа найбольш памятлівая на перамогу ўласнага войска, і гэта зразумела. Але ўсё ж такі мастацтва імкнецца спасцігнуць ісціну, усю праўду пра чалавека, і таму няцяжка зразумець, што ў мінулай вайне для мастацтва аднолькава важны абодва яе этапы — як гаротны шлях на ўсход, так і пераможнае шэсце на захад. Таксама, дарэчы, як і нашыя зусім удалыя аперацыі на франтах, якіх было нямала, так і аперацыі не зусім удалыя, якіх таксама было не меней за цалкам удалыя. Як героі, што сваім умельствам і адвагай набліжалі нашу перамогу, так і тыя з нашых суайчыннікаў, што так ці інакш памагалі не нам. Як светлыя і самаадданыя парывы чалавечай душы, чым па праву ганарыцца нацыя і грамадства, так і пачуцці іншага парадку: трудна падуладнае чалавеку адчуванне страху, нерашучасці або проста фізічнай нямогласці, што стрымлівалі ягоную самаадданасць. Чалавек — істота сацыяльная, гэта даўно вядома, залежная ад многіх знешніх уплываў, але яшчэ і біялагічная, з устойлівай геннай асновай, пэўным чынам запраграмаванай у дагістарычным мінулым. І тое — не віна чалавека і не ягоная вартасць, тое — яго асаблівасць, з якой ён не можа не лічыцца нават у век небывалага росквіту навукі і тэхнікі.

Мастацтву падуладны ўсе бакі чалавечага існавання, і ў тым яго сіла. Але гэтая яго сіла — не нейкая вольная стыхія — у рэалістычным мастацтве яна мае свае вельмі канкрэтныя рысы і выдатна рэгулюецца вялікім крытэрыем — Праўдай жыцця. Праўда жыцця, абставін і паводзін чалавека ў пэўных жыццёвых акалічнасцях — вось магутны крытэрый нашага рэалістычнага мастацтва.

Калі гэта так у адносінах да чалавечага існавання наогул, дык ці трэба многа даказваць, як гэта важна ў дачыненні да такой экстрэмальнай з'явы, якой з'яўляецца вайна. І з усіх войнаў — наша вялікая вайна з нямецкім фашызмам. Якая тут патрэбна дакладнасць, выверанасць агульнага і праўдзівасць прыватнага.

На жаль, трэба прызнаць, што ў некаторых сучасных творах літаратуры і асабліва кіно пра вайну гэтыя крытэрыі гранічнай

праўдзівасці нярэдка страчваюцца і тым самым вольна ці не размываецца праўдзівая памяць народа аб самым цяжкім і велічным перыядзе яго існавання. Асабліва тут прыкра тое, што гэтая размытасць ідзе галоўным чынам па лініі эмоцый і псіхалогіі — самага тонкага і самага адчувальнага элемента рэалістычнага мастацтва. Некаторым, можа, здаецца, што гэта якраз і неістотна, былі б захаваны знешнія дэталі і рэаліі таго часу, а псіхалогія гэта эфемерыя, і чым яна прасцей — тым лепш. Але яшчэ ад Талстога мы ведаем, што «можно выдумать что угодно, но нельзя выдумать психологию». Дык вось, у такіх творах найбольш вольна абыходзяцца менавіта з псіхалогіяй, зводзячы яе да прымітыву, да псіхалагічнага знака. Але без праўды псіхалогіі няма мастацтва, ёсць хіба прадукт бяздумнай масавай культуры, што гэтак пашыраецца ў масах спажывецкага грамадства. Але нам у нашым гістарычным мінулым, з нашай вялікаю самаахвярнай вайной, з нашай выдатнейшай класікай, ці нам гожа грэбаваць праўдай жыцця, паглыбленым рэалізмам. Цяпер, ва ўмовах нагнятання новай глабальнай пагрозы для чалавецтва, важна і дорага кожнае слова праўды пра мінулую вайну, слова, сказанае разумна, з талентам і тактам як у адносінах да жывых, так і ў дачыненні да паўшых. Так як гэта робяць лепшыя прадстаўнікі ваеннага мастацтва і літаратуры, старэйшыя, што самі са зброяй у руках змагаліся з фашызмам, трохі маладзейшыя за іх, чыё дзяцінства прайшло ў голадзе і холадзе акупаваных ворагам гарадоў і вёсак, і нават тыя, што нарадзіліся пасля вайны, але атрымалі яе з геннаю спадчынай ад бацькоў і імкнуцца расказаць пра яе калізіі — праўдзіва і без упрашчэнства.

Пакуль чалавецтва будзе ўсведамляць і памятаць, што яно перажыло ў сярэдзіне XX стагоддзя, што страціла і чаго дамаглося — новая вайна немагчыма. Я ў тым упэўнены.

ВЫСТУПЛЕННЕ НА ПЛЕНУМЕ СП БССР

Лістапад 1985 г.

Мы жывём у час трывог ад страшэннай пагрозы вайны на знішчэнне, час — рысу, якая падзяляе існаванне чалавецтва на ДА- і ПАСЛЯатамную эпоху і тоіць у сабе пытанне: ці наступіць наогул гэтая пасля-эпоха? Менавіта такі клопат-трывога нязбыўна жыве ў душах людзей, свядомасці цэлых народаў і накладвае незвычайны па ступені адказнасці абавязак на нас, працаўнікоў культуры.

Але культура можа нармальна развівацца толькі ва ўмовах міру, бо яна — прадукт цярпімасці, суіснавання і адначасна фермент высокай чалавечай духоўнасці, якая толькі і можа цяпер супрацьстаяць усяленскаму ядзернаму шаленству. Яна — тое, што тонкай, але надта жывой і неабходнай ніткай злучае ў жыцці мінулае з будучым. Здаўна вядома, што сувязь часоў — не абстрактнае паняцце, гэта катэгарычная прадумана міру і паступальнага развіцця грамадства, і гора таму грамадству, дзе гэтая сувязь ірвецца. Утвараецца пустка, якую, як вядома, не трывае прырода; духоўная ж пустка не толькі спыняе развіццё нацыі,— яна адкідвае яго да нуля. І тады зноў патрэбны стагоддзі высілкаў, подзвігаў апосталаў духу, каб вярнуць нацыю і грамадства ў іх гістарычны рад. Прыкладаў такога роду безліч у гісторыі, мы мелі магчымасць назіраць іх на працягу нашага жыцця — у Азіі, Еўропе, у Лацінскай Амерыцы.

Так, сёння мы з'яўляемся сведкамі развітой эканомікі нашай рэспублікі, сельскай гаспадаркі, з'яўляемся ўдзельнікамі пэўнага развіцця нацыянальнай культуры. Мы маем права ганарыцца дасягнутым, але дух часу, задачы пераўтварэння, якія стаяць перад краінай, нарэшце, рашэнні XXVII з'езда КПСС абавязваюць нас найбольш гаварыць пра нашыя недахопы, якіх у нас таксама нямала.

Я хацеў бы перш за ўсё звярнуць увагу шаноўных калег на тую несумненную ісціну, што нашыя поспехі і няўдачы найперш звязаны з вечнаю праблемай літаратуры, якая хвалявала майстроў слова ўсіх часоў і народаў: для каго пісаць? Хто нас чытае? І калі ў чыста рытарычным плане заўжды ёсць выразны адказ на гэта пытанне, дык часам яго нестае ў свядомасці, у практычных справах пісьменнікаў. Канешне, на тое ёсць шмат прычын: гэта і яўнае зніжэнне ў наш час значнасці друкаванага слова, якое знаходзіцца ў стане жорсткай канкурэнцыі з тэлебачаннем і відэаэлектроннымі сродкамі, гэта і пэўнае звужэнне моўнага нацыянальнага арэалу, і павышаны тэмп жыцця, і славуты паток інфармацыі, ад якога ўжо нікому і нідзе няма паратунку. І тады шмат каму пачынае здавацца, што даволі абстрактнае паняцце «народ» найлепш атоесамляецца з надзвычай канкрэтным паняццем бюракратычных інстанцый — ва ўсёй багацейшай разнастайнасці іх праяўлення. Асабліва яшчэ, калі тыя інстанцыі могуць даволі адчувальна ўшчуваць прыгожае, але і далікатнае пісьменства. І з'яўляюцца творы, яўна разлічаныя на лёгкую «прахадзімасць», на тое, каб хутка дагадзіць тым, ад каго залежыць іхняя ацэнка да друку, у друку і пасля выхаду з друку. Але ў жыцці, на шчасце ці на бяду, шмат што адбываецца не так, як плануецца: чаргуюцца кампаніі, мяняецца начальства і ягоныя густы.

А самае, можа, галоўнае — мяняецца сам час, і творы такога роду канчаюць сваё жыццё ў літаратуры раней, чым паспее выйсці збор твораў іх паважанага аўтара. І гэта зразумела, бо падобныя творы — не што іншае, як прадукт кан'юнктурнага разліку, сезонны тавар шырспажыву, акт ператварэння высокае творчасці ў рамяство. Менавіта ў гэтым мне бачыцца прырода той самай шэрасці, параднасці і алілуйшчыны, якія з нейкага часу сталі пагрозаю для літаратуры і аб якіх нямала гаварылася з трыбуны XXVII партыйнага з'езда. Канешне, гэта не адзіная прычына нашых заган, ёсць і некаторыя іншыя, але гэтая — безумоўны вынік разліку, аглядкі на ласку рэдактара, без меры прывярэдлівага Галоўліта, некаторых кансерватыўных (літаратурных і нелітаратурных) начальнікаў.

Аднак што ж вынікае з дадзенай акалічнасці, які ўрок можа засвоіць з яе літаратура? Мне думаецца, найперш той, што свой кожны радок, кожнае слова і вобраз пісьменнік павінен адрасаваць народу, выказваць ягоныя клопаты і ягоны боль і рабіць гэта з гранічнай праўдзівасцю. Могуць запытацца: а як уведаць пра гэтыя клопаты і гэты народны боль — з народам жа не параішся? На жаль, не параішся, гэта праўда, але тут трэба даверыцца таленту, калі толькі ён ёсць. (Талент, між іншым, тым і адрозніваецца ад няталенту, што выдатна адчувае народны клопат, бо сам ім жыве, а зусім не тым, што ўмее прыгожа апісаць усход сонца ці зіхаценне расы на аксамітнай траве, як нядаўна яшчэ лічылі некаторыя вучоныя кніжнікі.) Яшчэ трэба памятаць, што талент мае права гаварыць народу ўсю праўду пра ягонае існаванне, часам горкую і балючую праўду, якая ёсць у гісторыі кожнага народа. Канешне, няма ніякай гарантыі таго, што аўтара неадкладна засыплюць кветкамі (могуць закідаць і каменнем), але калі ягоная праўда з вялікай літары, дык пройдзе час, і яму той жа народ паставіць прыгожы помнік на самай прыгожай плошчы свайго сталічнага горада. Але гэта пасля, бо пры жыцці «нет пророка в отечестве своем» — ісціна, добра вядомая з часоў першых хрысціян, і кожны з нас, творцаў, павінен памятаць гэта.

Калі гаварыць яшчэ пра нашу беларускую літаратуру, дык мне здаецца, што пры наяўнасці несумненных талентаў і сапраўды значных твораў ёй усё ж моцна шкодзіць пэўны рацыяналізм, галаўны, калі можна так сказаць, падыход да многіх з'яў жыцця і мастацтва. Асабліва прыкра, што гэты недахоп паступова, але няўхільна запаноўвае таксама і ў нашай паэзіі. Мала непасрэднасці светаўспрымання, арганічнасці пачуцця. Сярод вялікае колькасці паэтычных радкоў і зборнікаў апошніх гадоў дужа мала, аднак, водбліскаў той страсці, якая хвалюе свет, грамадства і якая заўжды так ярка

вызначае вершы нашага старэйшага і заўжды маладога Пімена Панчанкі, ці няўрымслівага Генадзя Бураўкіна, ці чараўніка беларускага слова Рыгора Барадуліна, той мудрай шчырасці адчування, якая сціпла і добра жыве ў радках таленавітай Жэні Янішчыц, той нечаканай стыхійнай натуральнасці, што ёсць у вершах маладога Леаніда Галубовіча. Што датычыць прозы, дык, няледзячы на паяўленне цэлага рада сапраўды добрых кніг на тэмы сучаснасці, вайны, публіцыстычных і драматургічных твораў, галоўная кніга накшталт мележаўскай эпапеі яшчэ усё наперадзе. У нашай літаратуры застаецца белая пляма на месцы незабыўнага Уладзіміра Караткевіча, чалавечы лёс да якога, дарэчы, паставіўся так няўдзячна. Але, мабыць, так ужо заведзена на белым свеце, што да сапраўдных апосталаў дабра і справядлівасці лёс заўжды ставіца няўдзячна: перш іх распінае, каб затым узвысіць...

І тут я хачу кінуць папрок маладым, тым, што увайшлі ў літаратуру і ўжо набылі літаратурнае імя, а таксама тым, хто ў яе ўваходзіць. Здаўна было так у нашай літаратуры, што яе аблічча ў значнай меры абнаўлялі маладыя, якія нярэдка, часам, можа, і залішне катэгарычна, адвяргалі пісьменніцкі кансерватызм старэйшых, смела ўрываліся ў трудную сацыяльнасць жыцця, даволі плённа для сябе, а галоўнае для літаратуры ўступалі ў жыццёвыя канфлікты сучаснасці. На жаль, цяпер гэтая справа выглядае інакш: некаторыя нашы маладыя самі дужа лёгка і ахвотна засвойваюць ахраніцельскі кансерватызм, уласцівы старэйшым пакаленням, і калі распачынаюць канфлікты са старэйшымі, дык зусім не на літаратурнай глебе.

Аднак будзем аптымістамі і не пакінем спадзявацца, што, перамогшы шмат што, пераможам і ўласныя заганы. Адмовімся ад разліку, заўжды несумяшчальнага з высокім мастацтвам. Набудзем непасрэднасці і безагляднасці. Запомнім прытым, што сапраўдны талент рэдка разлічвае на міласэрнасць і палёгку, у сваім мастакоўскім лёсе ён мусіць прымаць усё, як належнае. Урэшце час і народ ацэняць па справядлівасці. Жыццё зменлівае, але народ вечны, як вечныя законы чалавечага існавання, над якімі мы не ўладарны. Мы можам хіба імкнуцца спасцігнуць іх логіку і адлюстраваць яе ў мастацкіх вобразах, тым саслужыўшы сваю духоўную службу грамадству, да якога належым, і Радзіме, у якой жывём.

ГАЗЕТА «ЛИТЕРАТУРНА УКРАИНА»

Апрель 1986 г.

Я знаю Ивана Драча почти четверть века — половину всех прожитых им лет, и по возможности читаю все, что выходит из-под пера этого замечательного поэта, мыслителя, одного из самых лучших мастеров слова никогда не скудевшей талантами братней Украины. Когда-то нас познакомил, наилучшим образом представив его, наш общий друг, другой честный и напряженный мыслитель и столь же честный художник слова Алесь Адамович, безукоризненный вкус которого к знакомству и дружбе общеизвестен у нас, в Белоруссии. Высокое мнение Адамовича об его украинском друге вскоре подтвердил незабвенной памяти Микола Платонович Бажан, который в одном конфиденциальном разговоре со мной, когда речь зашла о молодых украинских литераторах, сказал, что Драч — настоящий народный интеллигент, в избытке наделенный всем для того, чтобы стать великим поэтом Украины.

Наверное, это так. Во всяком случае в течение многих лет, за которые в нашем изменчивом мире столь многое изменилось в своем качестве, нередко вынуждая переоценивать недавние авторитеты, как и наше отношение к ним, человеческая и писательская репутация Ивана Драча лишь крепла и утверждалась прежде всего его замечательным творчеством, исполненным передовой современной философии и жизнеутверждающего народного пафоса. Я люблю его стихи, в которых всегда дышит подлинная поэзия, неподдельное человеческое чувство и, что, может быть, важнее всего, — напряженная живая мысль о времени и нашей скоропреходящей жизни. Иван Драч — достойный сын своего народа с его богатой и драматической историей, огромной культурой, что благодатнейшим образом отражается как в его творчестве, так и в его мировоззрении. И это прекрасно, если учесть к тому же, что поэтическое выражение его Я всегда исполнено с предельной человеческой искренностью, без позы и бравады.

Мне хотелось бы сказать еще о безупречном гражданском облике Ивана Драча, о его незамутненном чувстве причастности ко всем радостям и болям времени, когда это чувство выражается не только в его строках, но и не менее того — в его поступках. Приходится лишь завидовать живости его связей с проблемами огромной страны и ее республик — у него всегда достает внимания и сил, чтобы тратить их на многочисленные ближние и дальние поездки и работу — работу ради людей.

Так уж в нашей жизни заведено, что мы не часто встречаемся, а при тех редких встречах, что нам дарит случай, не имеем обыкновения говорить друг другу, может, о самом главном, что живет в сердце, — о нашем дружеском расположении, любви и преклонении перед мужеством и талантом. Чаще всего это лучшее уносим с собой, чтобы тихо пестовать в душе до новой, как правило, нескорой встречи. Пользуясь настоящим, действительно очень подходящим поводом, хочу нарушить эту не самую лучшую мужскую традицию и передать замечательному певцу братской Украины, честному художнику страны, мыслителю и брату выражение моей искренней любви и уважения.

Живи долго, Иване, и пиши много. Мы тебя любим!

ВЫСТУПЛЕННЕ НА СХОДЗЕ, ПРЫСВЕЧАНЫМ 150 УГОДКАМ З ДНЯ СМЕРЦІ А. ПУШКІНА

Студзень 1987 г.

Пушкін — адна з вяршынь сусветнай культуры, нязгасны светач духоўнасці — пражыў недаўгое, складанае жыццё, надзвычай багатае ўрокамі для людзей і для чалавецтва ў цэлым.

Ён належаў да тых волатаў духу, якіх у свой час або шчыра любілі, або гэтак жа шчыра ненавідзелі. У адносінах да яго размежаванне было гранічнае: або — або.

Дзеля справядлівасці трэба зазначыць, што гэтаксама адносіўся да свету, у якім жыў, і сам Пушкін. Адных ён усім сэрцам любіў (сяброў па ліцэю, некаторых разумных дам і немітуслівых літаратараў, проста шчырых, адкрытых людзей), другіх ненавідзеў (пустых царадворцаў, безгаловых чыноўнікаў, цэнзараў, традыцыйна ўсёмагутную ў Расіі тайную паліцыю).

Вядома таксама, што Пушкін недалюбліваў сентыментальныя раманы і велерэчывыя гістарычныя сачыненні. «Ни наших университетов, ни наших театров Пушкин не любил», — сведчыць адзін з яго блізкіх сяброў Павел Воінавіч Нашчокін. Дзіўна, але чалавек высокай культуры, майстра слова, ён не так ужо шанаваў прозу. Ёсць яго асабістае сведчанне, якое ў перадачы ягонай сяброўкі Аляксандры Андрэеўны Фукс гучыць так: «Как жалки те поэты, которые начинают писать прозою; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернила». Калі гэта сапраўды так, дык чалавецтва ўдзячна тым яго «обстоятельствам», якія так ці інакш былі ім перажыты; мы нават удзячны тым

невясёлым абставінам, якія затрымалі паэта на некалькі тыдняў у далёкім Болдзіне і тым садзейнічалі нараджэнню бессмяротных радкоў ягонай прозы — маленькіх аповесцяў і маленькіх трагедый. Цяпер ужо няважна, як да гэтага ставіўся сам аўтар, які, дарэчы, схаваўся тады за прыдуманым іменем Івана Пятровіча Белкіна і нават сачыніў яго псеўдабіяграфію, няважна, што некаторыя з сяброў сустрэлі паяўленне ягонай прозы ў друку без асаблівай радасці, нават малаважна і тое, што разумны і праніклівы Бялінскі назваў іх нявартымі ні таленту, ні імені Пушкіна. Час паказаў, што Пушкін стварыў шэдэўры, значэнне якіх ніколі не зменшыцца.

Пушкін з'явіўся вялікім рэфарматарам літаратуры, усіх яе жанраў. Ён пераўтварыў тагачасную літаратурную мову, паэзію і, канешне ж, не мог абысці сваім наватарствам прозу.

Вядома, што проза — гэта перш за ўсё мова ў яе жывой натуральнасці, не перасаджаная з французскай ці якой-небудзь іншай, не штучны сурагат, а народная і жывая, якой тады не шмат было ў пецярбургскіх салонах, — затое ёю поўнілася народная стыхія, расійская глыбінка. Пушкін быў першы з расійскіх літаратараў, хто не пабаяўся шырока пусціць яе, занядбаную і пагарджаную, у расійскую славеснасць, у сваю паэзію, а затым і ў прозу — ад «Арапа Пятра Вялікага» да несумненнага пушкінскага шэдэўра, знакамітай «Капітанскай дачкі». Ён жа затым і сфармуляваў яе славутае неўміручае крэда: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

Урокі Пушкіна-празаіка так ці інакш адбіліся на творчасці геніяў сусветнай літаратуры, але найперш рускай. Лермантаў, Гогаль, Талстой, Чэхаў, Бунін тварылі пад несумненным уплывам Пушкіна. Ягонага ўплыву ў гэтым сэнсе не абмінуў ніводзін з сур'ёзных беларускіх пісьменнікаў, асабліва ў ранейшыя дзесяцігоддзі. (Гэта цяпер мы распісаліся, і не столькі думак у нашай прозе, колькі слоў. І тамоў.)

Але Пушкін вялікі не толькі паэтычнымі ці празаічнымі ўрокамі. Усё ягонае жыццё — змястоўнейшы ўрок этыкі, годнасці і маралі. Нават ягоныя чалавечыя слабасці — урок для многіх пакаленняў пісьменнікаў, дзеячаў культуры.

Ён быў волатам духу і заставаўся звычайным чалавекам свайго складанага часу. Ён не любіў царскі двор, але не меў сілы адмовіцца ад пакутніцкага жыцця пры ім. Вядома, што за якіх два гады да сваёй гібелі ён падаў прашэнне аб адстаўцы і нават атрымаў дазвол ад цара, ды забраў тое прашэнне назад. І мы цяпер думаем, як бы,

мусіць, інакш склаўся ягоны лёс, калі б ён выйшаў у адстаўку, паехаў з сям'ёй у сваё Міхайлаўскае... Але не, умяшаліся сябры і з іх самы лепшы — Жукоўскі. Як гэта нярэдка бывае — з самых лепшых пачуццяў і найлепшых жаданняў. Але тое ўмяшанне павяло паэта прамой дарожкай да гібелі.

Вядома, што жыццё і гісторыя багаты на крутыя павароты і нечаканасці, далёка не ўсё ў іх можна прадугледзець нават у наш камп'ютэрызаваны век. Часам не ўсё разумеў і Пушкін. Як сведчаць сучаснікі, ледзь не да апошніх гадоў жыцця ён як бы саромеўся звання літаратара, «сачыніцеля», як тады гаварылі. Ён хацеў быць патомным расійскім дваранінам, належаць да знаці. Ён невысока ставіў Акадэмію славеснасці, да членаў якой належаў, і дбаў пра членства ў Акадэміі навук, куды яго ўпарта не пушчаў сам міністр асветы граф Увараў. Шмат год не хацеў верыць Пушкін у сваю вялікую нацыянальную місію, якая зрабіла бессмяротным яго імя. Але ж хіба адзін Пушкін? І хіба тое здаралася толькі ў часы Пушкіна? Поезд справядлівасці, як даўно вядома, нярэдка спазняецца, і «нету пророка в отечестве своем». У поўным сэнсе вялікім прарокам Пушкін стаў пасля смерці, затое ён будзе такім заўжды. Даўно сцерліся з людской памяці імёны цароў і царадворцаў, розных «сильных мира» пачатку XIX стагоддзя, усіх тых, перад кім пачціва цягнуўся Пушкін. А Пушкін жыве. І ён будзе жыць, пакуль будзе існаваць чалавецтва, бо ягоная вялікая, жывая душа ў наш не толькі жорсткі, але і жудасны век з'ядноўвае людзей пачуццямі дабра, злучае разарваную сувязь часоў і дае надзею.

Надзею выжыць, не ператварыцца ў атамных дзікуноў, не толькі выхаваць сучасны высокарацыянальны розум, але і не занядбаць душу, здольную на дабрыню, чалавечнасць, а часам — і слабасць. Калі-нікалі так бывае ў гісторыі, што апроч сілы патрэбна і слабасць, бо слабасці патрэбна справядлівасць. Сіле ж нічога не трэба.

І гэта выдатна разумеў Пушкін.

Няхай жа навек ён застанецца на зямлі прарокам дабра і справядлівасці.

ГАЗЕТА «ЛІТАРАТУРА І МАСТАЦТВА»

Верасень 1987 г.

Аднойчы, яшчэ даўно, у выпадковай размове адзін вядомы маскоўскі літаратар, прачытаўшы ў часопісе публіцыстычны артыкул Алеся Адамовіча, запытаўся ў мяне пра аўтара і, пачуўшы ў адказ,

што гэта малады беларускі празаік і літаратуравед, здзівіўся: адкуль у таго такое глыбокае разуменне чалавека, такое рашучае непрыняцце фальшы і крывадушна, такое дасканалае веданне часу, літаратуры і яе няпростых заканамернасцяў.

Адкуль? Хто ж яго ведае, але што тое здаўна і ў поўнай меры ўласціва Адамовічу, дык гэта пэўна. Я, напрыклад, не ведаю другога такога літаратара ў Беларусі, хто б так глыбінка і дакладна разумеў свет і прыроду чалавечых заганаў, асабліва ў наш час, калі столькі ўжо выплыла на паверхню і яшчэ больш тоіцца, чакае на сподзе, то даючы надзею, то павяртаючы ў роспач. Чалавецтва ўвачавідкі падышло да свае жахлівай мяжы, калі выратаваць яго ад пагібелі можа толькі катаржна-плённая праца душы, у пакутах народжаная духоўнасць. Шматпакутны лёс нашай зямлі сёння, як ніколі раней, залежыць ад высілкаў кожнага, ад нашай крыштальнай сумленнасці і самаахвярнае безагляднасці. І нам прыемна ўсведамляць, што ў гэтай справе ёсць выдатныя прыклады, адным з якіх з'яўляецца шматгадовая літаратурная і грамадская дзейнасць нашага земляка, выдатнага пісьменніка і мысліцеля Алеся Міхайлавіча Адамовіча.

Так, ён перш за ўсё мысліцель, філосаф сучаснай ядзернай эпохі, які яшчэ задоўга да пачатку перабудовы, у гады так званага застою, не толькі заклікаў іншых, але і сам актыўна і паслядоўна дбаў пра новую свядомасць, якая б паклала асновы мірнага суіснавання народа. Праўда, тады многія ягоныя пастулаты крыкліва адвяргаліся дагматыкамі, іх выкаранялі з ягоных артыкулаў і выступленняў, іх аўтара вусна і пісьмова абвінавачвалі ў... У чым толькі яго не абвінавачвалі! Але, як пісаў нядаўна выдатны літаратурны крытык Ігар Дзядкоў, «шчасце і няшчасце мастака, што некаторыя важныя рэчы ён гаворыць раней за іншых, І не таму, што разумнейшы за некага. Дастаткова, калі мае перавагу ў маральнай паслядоўнасці і сіле спачування». Гэта так. Адамовіч, вядома, пераўзыходзіў многіх як сілай аналітычнага мыслення, так і безумоўнай маральнай непахіснасцю перад няпраўдай. Не зважаючы ні на што, ён праз гады застаецца сабой, і цяпер тыя яго высновы пяці- і дзесяцігадовай даўнасці сталі заканамернымі імператывамі нашай міжнароднай палітыкі і шырока падтрымліваюцца дэмакратычнымі коламі свету.

Талент Адамовіча надзвычай шматгранны. Можна нават сказаць, што гэты чалавек — творца універсальных магчымасцей, які бліскуча засведчыў сябе ў розных жанрах літаратуры. І ўсё ж ён пісьменнік, празаік шырокага жанравага дыяпазону — ад лірычнай аповесці да эпічнага рамана. Яго аналітычна-філасофская проза, найбольш ярка прадстаўленая «Хатынскай аповесцю» і «Карнікамі», бе-

зумоўна, з'яўляецца вяршыняю беларускай і савецкай ваеннай прозы. На многіх старонках гэтых твораў знайшло дзівоснае па гармоніі паяднанне Адамовіча-мастака і Адамовіча-правідца, часам роўнага па сіле таленту Дастаеўскаму. Чытаючы іх, не перастаеш здзіўляцца, якім чынам спасцігнута ўсё гэта, з якіх завулкаў чалавечай душы здабыта? Мусіць, тое ж можна сказаць і пра яго «Апошнюю пастараль» — гэты здзіўляючы літаратурны вопыт сучаснага апакаліпсіса, які можа здасца пачварнай фантастыкай, постядзернай антыутопіяй. Але Адамовічу можна паверыць. Як ніхто з сучасных мастакоў слова ён адчувае надта абвострана маштабы ядзернай пагрозы чалавецтву і як ніхто з сучаснікаў гатовы без аніякага разліку, накшталт рыцара сумнага вобразу, з адным аголена-балючым сумленнем кінуцца супраць пагрозы. Часам тыя, што заўжды стаяць убаку і, канешне ж, адчуваюць сябе разумнейшымі, грэбліва ўсміхаюцца: «Хіба так можна нешта зрабіць? Там жа сцяна!» Але Адамовіч не прывык вагацца ці разлічваць свае шанцы і, здараецца, насуперак логіцы робіць! Ці не сведчанне таго — ягоны безразважны ўдзел у ліквідацыі пагрозы чарнобыльскай катастрофы — учынак, што, як вядома, каштаваў Адамовічу немалых страт, затое дапамог людзям засцерагчыся ад вялікай нечаканай бяды. І цяпер многія і не падазраюць, каму абавязаны жыццём і здароўем. Але, можа, гэта і добра. Адамовіч ужо пэўна не з ліку славалюбівых.

Не славалюбівы — гэта безумоўна. Ужо будучы прызнаным пісьменнікам, вучоным-літаратуразнаўцам, прафесарам універсітэта, ён кінуў усе свае літаратурныя клопаты і разам з Брылём і Калеснікам падаўся ў народ запісваць — не сваё — народнае веданне вайны, ратаваць ад забыцця трагічныя лёсы «хатынскіх вёсак». Некалькі гадоў беспрытульнага блукання па глухіх кутках Беларусі, сотні сустрэч і кіламетры магнітафонных стужак далі нацыянальнай літаратуры унікальны твор, своеасаблівую антыфашысцкую біблію. Менавіта гэтая кніга шчасліва ўсчала новы жанр ваеннай дакументалістыкі, бліскуча прадоўжаны затым «Блакаднай кнігай»(усё таго ж А. Адамовіча і Д. Граніна), усёй творчасцю С. Алексіевіч і іншых.

Але калі не зваблівы покліч славы, дык што ж тады рухае ім, што кіруе ягонаю апантанасцю? Мабыць, гэта, аднак, абвостраная прага справядлівасці, глыбокачалавечая цяга да праўды, да якой спрадвеку так трудна бывае дапяцца. Мусіць, гэта было таксама ў аснове адамовічавага звароту да толькі што адкрытай па тым часе творчасці выдатнага класіка беларускай літаратуры Максіма Гарэцкага, проза якога намаганнямі Алеся Адамовіча была ўведзена ў літаратурны абарот рэспублікі і краіны. Зрэшты, калі аб тым гаварыць, дык аўта-

рытэт Адамовіча як крытыка-літаратураведа здаўна надзвычай высокі ў савецкай літаратуры. А ў Беларусі тым больш. З канца 50-ых гадоў і да нашага часу, мабыць, ніхто з крытыкаў так плённа і рашуча не ўплываў на нацыянальны літаратурны працэс, як гэта рабіў Адамовіч. Ён жа сваім рупным прыкладам і беззаганнай прынцыповасцю садзейнічаў выхаванню цэлай плеяды выдатных крытычных талентаў, якія цяпер шырока вядомы і па-за межамі рэспублікі. Гэты ягоны ўплыў на літаратуру краіны толькі мацнее з гадамі, бо забяспечаны крэдытам высокай навуковасці і маральнай чысціні ягонай асобы.

Верны высакародным ідэалам гуманістычнага мастацтва, Алесь Адамовіч здаўна, можа, яшчэ з канца 50-ых гадоў, вядзе бязлітасную барацьбу супраць шэрасці, бяздарнасці і канфармізму, якія сталі ваяўнічаю пошасцю ў нашай літаратуры. Вядома, тое не прыносіць яму суцэльных поспехаў, часам яму помсцяць жорстка і балюча; мусіць, літаратурная барацьба — справа не меней жорсткая, чым барацьба класавая, хай сабе і ў межах аднаго грамадства. Літаратура, аднак, даўно ўжо прывыкла, што адамовічавы прысуд пэўнаму твору — неабвержны і канчатковы, бо заўжды заснаваны на скрупулёзнай доказнасці і бездакорным літаратурным гусце. Абвергнуць крытычныя адамовічавы вярдзікты яшчэ не ўдавалася нікому. Вядома таксама ягоная непрыязь да неўтаймаванай бюракратызацыі літаратуры, да эфемерных літпасад, прэмій і званняў. І гэта зразумела. Самому Адамовічу не трэба ніякіх званняў, апроч літаратурнага імя, здабытага талентам і сумленнем. І гэта выдатна.

Буйнамаштабнаму таленту Адамовіча, аднак, заўжды цесна ў рамках аднойчы абранай ім галіны, нават аднаго мастацтва. І ягонае свядомае імкненне да універсальнасці і шырыні не магло не прывесці да самага сінтэтычнага мастацтва сучаснасці — кіно. Кінематаграфічны лёс Адамовіча, на шчасце, быў да яго літасцівы, мабыць, таму, што даў яму адэкватнага па таленту рэжысёра ў асобе Элема Клімава. За шмат гадоў напружанай працы, пошукаў і знаходак, апантанай барацьбы з тагачаснай кінабюракратыяй быў створаны сапраўдны шэдэўр — «Ідзі і глядзі», які трыумфальна абышоў экраны ўсіх кантынентаў. Гэты фільм стаў падзеяй сусветнага кінематографа, адзін з самых лепшых майстроў якога, амерыканец Стэнлі Крамер, нават прапанаваў Адамовічу сваё супрацоўніцтва ў стварэнні сумеснага савецка-амерыканскага фільма. Беларускае кіно такім чынам выходзіць на сусветную арэну, і ў тым немалая заслуга нашага славутага земляка.

Алесь Адамовіч нямала зрабіў для росквіту нацыянальнай літаратуры, усёй сучаснай гуманістычнай культуры. Можна сказаць, што ягоная проза і публіцыстыка, густа насычаныя думкамі і ідэямі, сёння актыўна спасцігаюцца чалавецтвам. Але, думаецца, увесь Адамовіч яшчэ як след не засвоены грамадствам. Мабыць, у поўнай меры ім суджана быць спасцігнутым пасля — ВЯЛІКАЕ БАЧЫЦЦА на адлегласці. У дадзеным выпадку — на адлегласці часу, які, калі ён наступіць, расхіне ўсю веліч гэтага чалавека, мысліцеля і мастака, якога дала свету наша беларуская зямля.

ПРАДМОВА ДА КНІГІ А. ЛУКАШУКА

Цяпер нярэдка можна пачуць і нават прачытаць у друку: «Усё пра Сталіна ды рэпрэсіі, надакучыла, колькі можна!». Сапраўды, пішуць пра тое шмат, можа нават трохі густавата і часта для якіх пары гадоў. Але ж таму ёсць тлумачэнне: дзесяткі гадоў не пісалі, не гаварылі, баяліся нават успомніць, каму было што ўспамінаць.Тэрор буяў па краіне, атруціўшы душы страхам: сябра баяўся сябра, муж не давяраў жонцы, сын даносіў на бацьку. І ўсё гэта было ў перыяд «разгорнутага будаўніцтва сацыялізму».

Але ці можна такімі метадамі і ў такой атмасферы пабудаваць што-небудзь прыстойнае, не кажучы ўжо пра справядлівае сацыялістычнае грамадства?

Так, каб перамагчы загану, трэба яе ведаць, каб здабыць урокі з гісторыі, трэба ведаць тую гісторыю. Але ці была ў нас гісторыяграфія? Гісторыя — навука, гэта — праўда, а не афіцыйная хлусня, падпісаная нават тытулаванымі імёнамі. Добра, што хоць і са спазненнем амаль на семдзесят гадоў мы зразумелі гэта і хочам даўмецца праўды. Светлая душа заўжды прагне праўды, якой бы тая ні была, а маладыя людзі, як водзіцца, ад нараджэння маюць светлую, яшчэ не замутнёную душу, таму ім праўда даражэй за ўсё.

У гэтай невялічкай кніжцы — самая балючая, але і самая святая праўда, здабытая яе аўтарам па кроплі, па слову, па зжоўклым лістку архіўнага дакумента. Гэтая праўда крычыць і рыдае пякучымі слязьмі: па горы абрабаваных, знявечаных сялян, іхніх згаладнелых дзяцей, па крушэнні спрадвечных спадзяванняў першых кіраўнікоў рэспублікі аб лепшай долі для свайго народа, па зняважанай чалавечай годнасці ў барацьбе за фальшывую ідэю, а па сутнасці за ўратаванне ўласнага жыцця, па барацьбе, якая ахапіла верхнія эшалоны ўлады на канцы трыццатых гадоў, ды не ўратавала нікога. І абвінаваўцы, і абвінавачаныя, і каты, і ахвяры — усе скончылі ад-

нолькава. Хіба што некаторыя перад тварам смерці забыліся на сваё чалавечае паходжанне і паводзілі сябе... не надта каб добра. Але хто сёння возьме на сябе маральнае права кінуць у іх каменем, сам не апынуўшыся ў іхнім становішчы?

Аўтар склаў кніжку са сваіх ранейшых газетных, журналісцкіх артыкулаў і нарысаў. Але гэта не звычайная журналістыка. Гэта — летапіс народнай трагедыі. І гэта — аўтарскі подзвіг у многіх адносінах.

Толькі чалавек светлай душы здолеў падняць усё гэта з забыцця і аддаць на суд людзям.

Будзем жа ўдзячныя яму.

ЖУРНАЛ «ДРУЖБА НАРОДОВ», № 9

1987 г.

Слухи и отрывочные сведения, касающиеся ненормального состояния национального языка в Белоруссии, давно распространились за ее пределы и в общем соответствуют истине. При довольно интенсивно развивающейся общей культуре в республике, сплошной грамотности населения, заметных успехах национальной литературы, искусства сфера распространения белорусского языка неуклонно сужается. Такое явление не может не вызвать определенной озабоченности людей, занятых проблемами культуры, да и просто образованных людей, и мы нередко слышим вопросы: в чем же дело? Что происходит в этой республике, одной из суверенных республик СССР, учредителе и члене ООН? Какие объективные причины вынуждают семь миллионов белорусов, испокон веков населяющих собственную землю, отрекаться от исконно родного языка, довольствоваться в жизни «основным языком межнационального общения»? Разумеется, причины эти существуют давно и объективно, хотя они и не просты для их скорого постижения, часто запутанны и почти не изучены ни специалистами-языковедами, ни социологами, ни историками. Многие годы на них лежала негласное табу, как и на всей языковой проблеме, делался вид, что таковой не существует вовсе. Я не имею возможности здесь исчерпывающе осветить эту многосложную проблему и коснусь только некоторых ее сторон. Истоки проблемы, как мне кажется, лежат в нашем недавнем прошлом.

Теперь уже только специалисты-ученые да люди пенсионного возраста «со стажем» могут рассказать о всех перипетиях становления Советской власти в республике, о двадцатых годах с их сложной внут-

ренней борьбой различно ориентированных сил, национальным и политическим энтузиазмом трудовых масс, общественных и культурных деятелей, их надеждами и разочарованиями. Именно в результате победы Октября появилась возможность образования самостоятельной социалистической республики, впервые в истории белорусский народ обрел реальное право на суверенное существование. В двадцатые годы в Белоруссии началось небывалое прежде бурное развитие культуры, массовый выпуск литературы на белорусском языке, заработали белорусские театры. Может быть, несколько волюнтаристски, в чрезмерной спешке, без обеспечения должной народной грамотностью были приняты правительственные меры по т.н. «белоруссизации» в области языка: основное количество газет и журналов стало выходить на белорусском, делопроизводство было целиком переведено на белорусский язык, преподавание в школах и вузах тоже. Были созданы: Институт белорусской культуры и впоследствии выросшая из него первая национальная Академия наук, образовались творческие союзы, литературные объединения. Культурное движение в республике на национальной основе приобрело поистине массовый характер: одно лишь литобъединение «Молодняк» насчитывало в своих рядах около полутысячи членов. Были вновь созданы нормативная грамматика белорусского языка, многие учебники для вузов и школ, по которым темные крестьянские массы приобщались к элементарной грамотности.

Однако все это поистине исполинское культурное движение нации было прекращено почти в одночасье и надолго с далеко идущими последствиями, полностью не устраненными и поныне.

Распространение репрессий, связанных с культом личности Сталина, обычно принято относить к тридцатым годам, некоторые склонны ограничивать их лишь 1937-38 годами. Не знаю, как в других местах нашей огромной страны, но что касается Белоруссии, то массовые репрессии по отношению к различным слоям населения здесь развернулись уже в двадцатые годы и не прекращались до начала Великой Отечественной войны. Уже в конце двадцатых годов были подвергнуты разгрому Академия наук БССР (первый президент которой В. Игнатовский покончил с собой), на рубеже тридцатых годов начался погром среди писателей Белоруссии, в других творческих объединениях. Уже в те годы был нанесен непоправимый урон национальной культуре, полностью прекращена не успевшая дать сколько-нибудь ощутимые результаты политика «белорусизации». Белорусское слово в городах республики снова, как и во времена царизма, становилось олицетворением «нижайшести», провинциаль-

ности и необразованности. К традиционному пренебрежению национальным языком прибавилось повсеместное чувство страха и опасение быть причисленным к «нацдемовщине». Сотни тысяч деятелей национальной культуры — писателей, ученых, журналистов, учителей, а также служащих, рабочих и крестьян очутились в тюрьмах НКВД, на Колыме и Воркуте, чтобы никогда оттуда не возвратиться. Янка Купала и Якуб Колас выступили в печати с поразительными по своей нелепости саморазоблачениями в якобы многолетней контрреволюционной, антисоветской деятельности. Однако даже эта крайняя мера не уберегла Купалу от ареста, во время которого тот совершил попытку самоубийства. Покончили с собой руководители республики А. Червяков, Н. Голодед — все из страха перед ни на чем не обоснованным, но губительным обвинением в «нацдемовщине», к которой автоматически присовокуплялись обвинения в шпионаже и вредительстве. Репрессии, основанные на «нацдемовщине» и других мнимых преступлениях (шпионаж в пользу панской Польши, вредительство, намерение отторгнуть Белоруссию от СССР), охватили всю нацию — от верхних эшелонов власти до самых демократических низов. Множество людей было лишено жизни и свободы, но были профессиональные группы, пострадавшие больше других, и среди них — преподаватели белорусского языка и литературы. Эти представляли собой готовых «националистов», вина их лежала на поверхности, ее не приходилось даже инспирировать. Наверное, с той поры и надолго в национальном самосознании белорусов понятие «национализм» прочно соединилось с ощущением самой большой опасности. Из собственного драматического опыта они усвоили, что обвиненным в этом «ужаснейшем из преступлений» мог быть любой, рожденный в здешних местах и разговаривавший по-белорусски. Недавно еще бурно расцветавший белорусский язык стал увядать на корню и железной метлой выметался из учреждений, вузов, Академии наук, организаций и органов власти. Право пользования им осталось (пока) за несколькими газетами, двумя театрами да Союзом писателей, который незадолго перед войной сократился до двух десятков членов. Остальные были уничтожены или находились в лагерях на востоке страны.

Наверное, в этой чудовищной атмосфере репрессий не лучшим образом повели себя и творческие союзы. Парализованное страхом руководство СП БССР не только не попыталось как-либо защитить своих членов, но и активно развернуло охоту на «врагов народа» в собственных рядах. По-видимому, унизительный конформизм стал единственным способом удержаться на свободе и сохранить жизнь, хотя и удалось это далеко не всем. Со временем нравственная

неразборчивость этих людзей обрела характер открытого угодничества ради личной корысти, удовлетворение которой стало единственной реальной возможностью для поколении руководителей. Последовательно проводя соглашательскую политику с руководящей бюрократией и карательными органами, строя все отношения с ними на принципах беспрекословного подчинения, литначальство способствовало накоплению национальных проблем, почти полной ликвидации народных традиций в области культуры, сужению сферы языкового применения. Определенная статья Конституции БССР о признании государственности белорусского языка была изменена таким образом, что белорусский язык был из нее исключен. И этот прискорбный факт происходил на сессии Верховного Совета БССР при молчаливом участии депутатов-писателей и под председательством народного писателя республики. Табу на многае безотлагательные вопросы языка просуществовало вплоть до периода перестройки. В республике не только не стремились к их разрешению, но даже избегали их упоминания. Десятки писательских мероприятий — от тривиальных заседаний секретариата до многоречивых съездов — были заняты одним: наиболее эффективным и громогласным словословием вокруг действительных и мнимых успехов текущей пятилетки (семилетки). Насущным предметом литературы становились не люди и характеры, но мероприятия, в которых преуспевала всевозможная бюрократическая рать, в том числе и писательская. Настроенная исключительно на исходящую сверху бюрократическую волну, она долгие годы пренебрегала не только интересами народа, но и памятью своих же погибших в известные годы коллег, произведения и имена которых были прочно забыты и исключены из литературного процесса республики. После почти семидесятилетнего забвения только в этом году издан сборник стихов поэта поразительного таланта, сподвижника Купалы и Коласа — Алеся Гаруна. Основатель Белорусской Советской Республики, большевик-ленинец Тишка Гартный, уничтоженный в тридцать седьмом году, до сих пор не может дождаться своей полной реабилитации. В наше время не может не вызвать удивления тот факт, что с этим безотлагательным делом в республике по-прежнему не спешат, опять выжидая и откровенно перестраховываясь. Трудно понять, чем руководствовались авторы газеты «Советская Белоруссия», выступившие в конце 1986 года с серией статей, имеющих по существу целью оправдать репрессии тридцатых годов, относящиеся к «нацдемовщине», и обелить их непосредственных исполнителей. Дело дошло до курьеза: автор одной из таких статей В. Пепеляев многословно убеждает читателей в невозможности оправдания мни-

мых националистов, в числе которых называет имя расстрелянного академика С. Некрашевича, еще в 1957 году постановлением Верховного суда СССР полностью реабилитированного за отсутствием состава преступления. Читатели не могут скрыть удивления: что это? Банальное авторское недомыслие или тайное желание запустить старую мельницу по новому кругу? Не таится ли здесь намерение некоторых кругов реанимировать прежний страх, который за последнее время несколько утратил свое столь результативное действие?

Наверно, нетрудно понять, что такое отношение к прошлому создает в республике известную напряженность и нередко приводит к нежелательным последствиям.

Проявления низкопробного заискивания перед властями, равно как и рецидивы вульгарного "местного патриотизма", время от времени дают о себе знать в некоторых выступлениях органов печати, творческих союзов, хотя и находят пока частное, локальное выражение. Большей частью они характерны в отношениях к определенным лицам, чем-либо не угодившим гипертрофированному национальному чувству. Долгое время в Союзе писателей республики шла неприкрытая групповая борьба против одного из самых честных и талантливых белорусских литераторов; в основе этой борьбы лежало скрытое недовольство тем обстоятельством, что означенный автор писал свои произведения по-русски. Руководство СП БССР, ряд лет безучастно наблюдая со стороны поединок «зубра со стаей волчат», никак не влияло на эту непристойную возню, усугубляя тем и без того напряженную атмосферу в писательской среде. Эта нестабильность время от времени подогревается устными или даже письменными выпадами против самых авторитетных деятелей национальной культуры со стороны всевозможных экстремистских элементов — от замшелых антисемитов типа скандально известного В. Бегуна до активистов не менее известной «Памяти», давно уже ведущих свою подрывную работу в столице республики. Именно их руками в 1986 году было вылито столько помоев на виднейшего художника столетия, нашего земляка Марка Шагала, стала возможной газетно-журнальная война с А. Адамовичем, подвергнуты оскорбительным нападкам известный литературовед В. Коваленко, талантливая писательница С. Алексиевич.

Безосновательные наскоки на деятелей культуры прошлого нередко носят отпечаток дремучего, мстительно-злорадного чувства: если, мол, нет музея «нашего» Калиновского, то пусть не будет его и у «вашего» Шагала. Слов нет, трудно найти сколько-нибудь разумное объяснение тому, что республика за семьдесят лет своего существования не удостоилась музея-памятника одному из самых легендарных

ее сынов К. Калиновскому, но в этом ли причина для неприятия ею другого выдающегося сына — художника М. Шагала? Есть ли необходимость доказывать, насколько это не только не демократично для нашего времени, но и откровенно реакционно. Наличие подобных «несообразностей» в обществе не может не причинить серьезного ущерба прежде всего национальной культуре, равно как и формированию интернационального сознания белорусов, как известно, немалое время проходившему в антагонистической атмосфере классовой, национальной, религиозной разности. Вместо того, чтобы действовать в духе столь актуальной теперь демократизации, мы нередко питаем старые, давно скомпрометировавшие себя, поистине «бесовские» страсти. Образ врага и связанное с ним непременное чувство страха глубоко въелись в наше сознание: долгие годы мы искали врагов там, где было возможно, и даже там, где найти их было немыслимо. Но времена изменились, и, наверное, самый опасный враг теперь тот, который, будучи порожден нашим достопамятным прошлым, скрывается в нас самих. И тут, как, впрочем, и по многим другим аспектам, нельзя не согласиться с остроумной сентенцией И. Дедкова, заметившего, что «там, где занимаются розысками массонов, инородцев, культура стоит в углу, отвернувшись к стене». Не слишком ли долго в прошлом стояла лицом к стене наша страдалица-культура, чтобы и теперь все под тем же одряхлевшим предлогом не давать ей повернуться к народу и его живой жизни? Не пора ли признать самоочевидную несостоятельность известного лозунга, антитезой которому время взяло другой, более испытанный и человечный: тот с нами, кто не против нас.

Давно замечено, что в сфере межнациональных отношений первостепенное значение имеет этика, та неуловимая деликатность, наличие которой ничего не стоит, а отсутствие неизменно оплачивается дорого. Всякое честное национальное чувство достойно уважения, особенно это важно по отношению к малым народам, длительное время в прошлом несшим на себе печать пренебрежения и дискриминации. В этом смысле нельзя не признать, что далеко не все люди другой национальности, пребывая среди коренных жителей республик, ведут себя достойным образом и нередко бравируют пренебрежением к национальной культуре. Даже родившись и проживая на здешней земле, не удосужатся за многие годы хоть в малой степени выучить ее язык, понять ее традиции и обычаи, прежде чем осуждать их. У нас давно уже бытует негативное отношение не только к религиозно-христианским праздникам, но и к безобидным дохристианским обрядам, благодаря народному почитанию дожившим до

наших дней. Несколько лет назад в Минске было силой разогнано этнографическое молодежное мероприятие, известное под названием «Гуканне вясны», организованное, между прочим, при участии Союза художников БССР. Много лет чинятся препятствия проведению народного праздника «Купалле», как это произошло в прошлом году в Заславле. Традиционный день поминовения предков «Дзяды» многословно поносится в печати как религиозное мероприятие, хотя оно давно таковым не является. Мне могут возразить: все это ваши внутренние дела. Эти препоны в развитии национальной культуры — дело рук вашей национальной бюрократии без какого-либо вмешательства со стороны. И это будет справедливо. Но все дело в том, что в основе этих печальных явлений лежит пресловутая перестраховка, если не сказать — прежний страх, опасение, как бы чего не вышло, — чувства, впитанные бюрократами от рождения, преобретенные в процессе воспитания, обучения или просто существования в определенных общественных условиях. Страх перед реальным, а чаще мнимым национализмом глубоко проник в наше сознание и стал почти генным, унаследованным чувством.

В наше время на семинаре библиотечных работников милая специалистка с университетским образованием спрашивает: «Можно ли считать националистом человека, ежедневно разговаривающего по-белорусски?» И вот на семидесятом году Советской власти приходится объяснять разницу между патриотизмом и национализмом, которые в чьем-то воспаленном сознании слились однажды в нерасторжимое крамольное целое. И приходят письма из сельских школ все от тех же преподавателей белорусского языка и литературы с жалобами на дискриминацию в преподавании их предмета, оплату учительского труда, ущемление в жилье и проч. Конечно, ущемления возможны по отношению к любому преподавателю, но на стороне учителя русского языка — несомненная забота государства, выражающаяся хотя бы в недавнем повышении зарплаты. А какие свидетельства подобной заботы есть у белорусского преподавателя? Постоянное в течение десятилетий пренебрежение к его труду, сокращающиеся учебные часы в связи с сокращением количества учащихся, уменьшение его зарплаты...

Возвращаясь, однако, к языку, нелишне заметить, что одна из многочисленных проблем состоит также в несомненном дисбалансе его чисто структурных утрат и приобретений. Будучи рожденным на сельских, лесных просторах, многие столетия выражавший душу и дух белорусского крестьянства, этот язык плохо адаптируется к новым, далеко не крестьянским условиям. Великолепно приспособленный к

сельской природе, крестьянскому быту, он оказался чуждым среди каменных громадин города, в бензиновом чаду урбанизированного общества. Здесь он потерял за ненужностью большую часть своей великолепной лексики, гармонию языкового строя. А что приобрел? Приобретения его оказываются не только сомнительными, но и откровенно антиэстетичными. Всеохватная политизация языка, идущая от средств массовой информации, вытесняет из него все неподходящее ей, замещая его совершенно невозможными прежде словообразованиями. По сути, формируется новый язык, где все меньше остается от языка традиционного, народного. Однако вся беда в том, что и этот новый язык тоже не может удовлетворить общество, кроме разве его бюрократии. И здесь можно понять М. Хинта в его озабоченности целостностью родного языка, сохранением его от чуждых влияний. Дело в том, что в авангарде языка «межнациональных отношений» шествует массовая бюрократическая продукция в виде многозвенных сцеплений канцеляризмов, которые и на языке, их породившем, стали не меньшим бедствием, а уж будучи скалькированными на другой языковой строй, создают почти неразрешимую проблему. Бесчисленные вариации на темы «решения вопросов», «выполнения поставленных задач», «ведения работ», «ширящегося соревнования» и многие, многие другие, лишенные конкретного смысла трескучие словообразования с давних пор стали языковой нормой нашей всесоюзной прессы, радио и телевидения, деловых бумаг и законодательных актов и вызывают стойкое неприятие у любого грамотного человека, не лишенного элементарного вкуса к языку. Можно легко представить себе, как они режут неизвращенный слух эстонца, литовца или белоруса тоже. Я далек от языкового снобизма, сам в значительной степени поражен казенными языковыми «прелестями», но до сих пор не могу привыкнуть ко многим порождениям типа пресловутого названия автомобиля «Жигули», которое, не имея единственного числа, привело к вынужденному образованию слова-уродца «жигуль». А вот еще не менее парадоксальное название трактора «Беларусь», в котором имя нарицательное и собственное относятся к разным родам. Возникает вопрос: чей это язык? Я думаю, что не русский и не какой-либо другой из всех 78 современных языков народов СССР. Конечно же, это — безграмотное творение бюрократии, столь широко распространенное по миру. Печально, но факт: великий и могучий русский язык, так пленявший человечество в прошлом, тоже оскудевает на наших глазах, сохраняясь разве что в части русской художественной литературы. Сфера его употребления также сужается

под воздействием все того же мощного и вездесущего бюрократического суррогата. Как к этому явлению должны отнестись нации, обладающие тысячелетним развитым языком с давно установившимися письменными традициями?

Языковая проблема — часть всеобщих проблем, встающих перед лицом перестройки. Она — насущная забота всех языков, старых и молодых, окраинных и в не меньшей мере — языка «межнационального общения». Наверно, частичное решение ее — в биллингвизме. Хотя следует признать, что подобное решение не равноценно для различных регионов страны: то, что для Киргизии — несомненное благо, для Эстонии, очевидно, благо сомнительное, поскольку предполагает овладение русским языком в ущерб нормальному функционированию национального... И здесь я вполне разделяю основные аспекты выступления М. Хинта. Что же касается Белоруссии, то биллингвизм для нас — не единственный выход в сложившихся условиях, так как предполагает вторым языком белорусский. Мы за такое решение, когда национальному языку возвращаются его исконные права в республике. Однако возвращение этих прав лишь в законодательном порядке — только частичная мера, явный поллиатив. Известно, что законодательное регламентирование — в общем дело достойное, хотя оно и мало что решает на практике, достигая должного эффекта, лишь когда обеспечено реальными стимулами, которые регулируются законом. У нас принимается немало хороших законов, стремящихся буквально все охватить и регламентировать, но даже если число их удесятерить, они не смогут регламентировать всего разнообразия жизненных проблем. Эти проблемы будут увеличиваться пропорционально попыткам их урегулирования. Саморегулирующиеся системы экономики и культуры — вот идеал общества, но — увы! — видно, до этого нам далеко.

В изложенном выше — разумеется, не единственная причина того положения, в котором очутился белорусский язык, но одна из многих. Может, одна из главных причин, от устранения которой зависит будущее национальной культуры, в значительной мере основана на родном языке. Только людям недалеким или заблуждающимся кажется, будто художественная культура, изобразительное искусство, художественная самодеятельность, танцы не связаны с языком и не зависят от его состояния, могут развиваться самостоятельно. На самом деле с языка начинается все остальное — через литературу, средства массовой информации культура обретает свое содержание и уж безусловно — неповторимый национальный облик,

форму, без которой она не существует. Приходится лишь сожалеть, что надобно говорить о подобных азбучных вещах, что наш во многом драматический опыт так мало нас научил. Поистине, история ничему не учит. Зато она спрашивает, как утверждал В. Ключевский, иногда очень строго. В этом мы теперь убеждаемся.

В заключение хочется задать сакраментальный вопрос: что есть язык? Конечно, в ученых определениях этого явления недостатка не существует, но все же. Если чисто прагматически, то все понятно: язык — средство общения между народами, классами, индивидуумами. В организованном обществе чем выше степень владения им, тем, наверное, лучше. Высокоорганизованное производство, политизированные общественные формирования, армия требуют четких и доступных команд на общепонятном языке в целях их точного и своевременного исполнения. Но только ли для того служит людям язык? И только ли для общения? А для мышления? Для его полноты и искренности?.. Когда в былые времена вечером возвращалась с поля жнея, она пела вовсе не в порядке общения — для себя, для выражения своей души. Но каким должен быть язык, выражающий душу? Язык как продукт души и душа — в известном смысле как продукт родного языка?

Пожалуй, стоит задуматься...

ГАЗЕТА «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Февраль 1988 г.

Как можно понять из подписей, наши уважаемые авторы — люди ученые и склонны соблюдать высокую культуру дискуссий. Есть политоценка, есть политобвинение, пишут они, и путать одно с другим недопустимо. Добавлю от себя, что есть и еще некоторые жанры такого рода, весьма популярные в свое время. Не столь уж редкие признаки их легко можно обнаружить в трудах наших уважаемых ученых, что, несомненно, расширяет круг их научных интересов. Но сейчас речь не о том — речь о более важном.

Наверное, многим еще памятны последний визит в нашу страну премьер-министра Великобритании госпожи Маргарет Тэтчер и ее выступление по телевидению, когда «железная» леди с завидной выдержкой (кстати, не хватившей нашему тележурналисту) излагала британскую политику сдерживания, основанную на обладании ядерным ракетным оружием. В последующих выступлениях наших телекомментаторов эта безусловно несостоятельная в наш век

политика была подвергнута обоснованной и уничижительной критике. Казалось, у самого ленивого телезрителя не осталось малейших сомнений во всей бессмысленности абсурдной идеи ядерного сдерживания. Даже ученику четвертого класса понятно, что всякое ядерное нападение заключает в себе самом и акт беспощадного возмездия. Ядерный выстрел в противника (а тем более залп) есть не что иное, как выстрел в себя со всей нелепостью самоубийства, потому что в ядерной войне победителя быть не может. Именно эти элементарные и непреложные истины с некоторых пор стали официальной доктриной нашей внешней политики, и именно их с завидной неутомимостью пропагандирует наш писатель и общественный деятель Алесь Адамович.

Казалось бы, кто из мало-мальски образованных и сколько-нибудь здравомыслящих людей нашего времени станет оспаривать их, утверждая противоположное? Оказывается, нашлись такие ученые-философы в Минске, как и органы печати, с готовностью предоставившие им свои страницы, как это делает приобретший скандальную известность журнал «Политический собеседник», издающийся тоже в Минске. «Правда о возмездии состоит в том, — пишут наши ученые-оппоненты, — что его неотвратимость есть фактор, способный в решающей степени воспрепятствовать потенциальному агрессору осуществить свои замыслы». Чем не аргумент в пользу государственной политики ядерного сдерживания Соединенного королевства! Можете рукоплескать, уважаемая премьер-министр: в Минске у вас появились единомышленники по имперской философии — философии, вполне пригодной для генералов-атомщиков, но весьма сомнительной для философов-марксистов. Да еще в годы перестройки и так широко признанной необходимости выработки нового общественного сознания.

Увы, здесь ни одного намека на новое сознание, все здесь — от замшелого «застойного» и «дозастойного» периодов, когда так привычны и естественны были сентенции вроде вот этой: «Да, жизнь достойна защиты в силу своей уникальности во Вселенной. Но опять-таки чья жизнь?» — с поразительной наивностью вопрошают уважаемые авторы. Жизнь рода человеческого, отвечу, неужели эта самоочевидность все еще требует разъяснения ученым философам из Белорусской Академии наук.

Вполне допускаю, что уважаемым оппонентам очень хочется принять участие в процессе перестройки, в активном искоренении накопившихся за десятилетия ошибок и недочетов, которых и в Белоруссии тоже немало. Оказался под угрозой исчезновения национа-

льный язык, ряд деятелей науки и культуры, репрессированных в тридцатые годы, все еще ждет своей реабилитации, против которой, как это ни странно, с трудно объяснимым упорством выступают некоторые ученые коллеги Бегуна и Бовша. Иные из них (как, например, В. Щербин), не утруждая себя поисками современной аргументации, по пунктам переписывают из архивов ежовско-бериевские обвинения против репрессированных, словно за полвека решительно ничего не изменилось в стране. Общественность республики много лет безуспешно добивалась снятия вздорных обвинений против писателя и общественного деятеля Белоруссии Тишки Гартного (подумать только: участвовал в похоронах шурина по христианскому обряду (с попом), одевался по-европейски (с галстуком). Но нет, оказывается, это поприще милосердия и справедливости не слишком привлекает оппонентов в период перестройки, им подавай жареное — новых скрытых врагов. Но неужто для того из десяти миллионов жителей республики отыскался один А. Адамович, не маловато ли? Наверное, маловато, и они ищут.

Известно, что один из подписавших выше помещенную статью в свое время весьма преуспел в разоблачении мирового сионизма как автор многих широко известных трудов с очень оригинальным мышлением, правда, слегка подпорченным некоторыми заимствованиями у другого, еще более известного теоретика тридцатых годов. Другой же, его соавтор, человек изумляющей бдительности, сумел распознать, как одновременно с перестройкой «в идеологический оборот вводятся определенные мировоззренческие концепции — философские, эстетические, этические и даже политические, содержание которых далеко не всегда согласуется с ленинизмом, а часто является его прямым отрицанием в пользу проповеди то ли сионизма, то ли пацифистских воззрений, то ли привнесения в наше общество других разновидностей чуждой нам идеологии». Свои сногсшибательные наблюдения он тут же, на пленуме Минского горкома КПБ, подкрепляет не менее обескураживающими примерами: «Поэт А. Вознесенский выступил инициатором крикливой кампании в связи с днем рождения художника-модерниста М. Шагала», а автор рецензии на роман А. Рыбакова «Дети Арбата» О. Кучкина «использует в положительном смысле буржуазное понятие сталинизма и одобряет трактовку А. Рыбаковым нашей политической системы при Сталине, подпадающую под злобную антисоветскую теорию тоталитарного общества». Из всего вышеприведенного становится ясно, что Адамович в республике не одинок, есть и еще «идеологические дивер-

санты» — в Москве и в других городах и весях нашей необъятной страны. Как и за ее пределами.

С запредельными территориями дело упростилось элементарно, как только на горизонте замаячила старческая фигура прославленного Марка Шагала, чей столетний юбилей по решению ЮНЕСКО отмечал весь цивилизованный мир. К юбилею художника в республике не было напечатано ни одной статьи, зато после, вдогонку, был выпущен оглушительный залп все тех же и некоторых других авторов, в котором трудно сказать, чего больше — дремучего невежества в вопросах культуры или сыскного усердия людей, поставивших себе целью дискредитировать этого художника, который своим творчеством снискал себе мировую славу, но имел несчастье родиться в Белоруссии.

В этом смысле удивляет прежде всего то обстоятельство, что некоторые из современных белорусских художников предъявляют Шагалу требования, уместные разве что в стенах своего творческого союза. Позволительно ли забывать, однако, что М. Шагал — художник все-таки иного художественного мира, человек сложной личной и художнической судьбы, наделенной особым даром и особенной творческой манерой, которую тем не менее понял и принял мир. Но которую, к сожалению, не приняли на его родине. Все многочисленные попытки общественности добиться организации музея М. Шагала в Витебске или в его родном Лиозно до сих пор разбиваются о нерушимую стену смехотворных обвинений вроде тех, что Шагал — не наш, что он сионист, потому что, видите ли, расписал синагогу в Иерусалиме. О том же, что его руками расписана знаменитая гранд-опера в Париже, а его витражами украшен Реймский собор во Франции и здание ООН в Нью-Йорке, что он великий художник современности, все творчество которого основано на образах нашего Витебска, а его поэзия исполнена редкой по силе тоски и боли за судьбу его родины во время немецко-фашистской оккупации, — эти факты начисто игнорируются поборниками упоенно-разоблачительной «правды о Шагале».

Впрочем, что там музей! Борьба с Шагалом в Белоруссии со страниц «Политического собеседника» перенеслась в область практических дел, и вот на художественной выставке в Витебске недавно была распилена скульптурная композиция с целью отделить образ ненавистного художника от его сподвижников по Витебской художественной школе, которой он отдал годы труда и жизни. Вот это перестройка — с помощью топора и ножовки, «ученое» обоснование которым столь убедительно дано в выступлениях и трудах уважаемых оппонентов.

Что же касается школьной постановки пьесы М. Шатрова, то каюсь: мы ее не видели. Мы полагали, что достаточно того, что ее посмотрел вполне зрелый и идейно выдержанный педагогический коллектив школы. Но позвольте здесь выразить удивление тому факту, что они ее видели! Удивление от того, как далеко от Академии наук распространилось их рвение досматривать и контролировать — вплоть до школьной художественной самодеятельности, где, оказывается, то же — поиски тайных врагов. Кругом враги: сионисты, масоны, писатели. А тут еще и школьники. Не слишком ли много! В свете некоторых последних событий становится, однако, понятно, почему их философия не в состоянии защитить себя «без милиции». Наверное, этим же объясняется и их излюбленная манера обращаться к правосудию. Но в таком тонком деле, как мораль и философия, правоохранительные органы — тоже ненадежная опора.

И, наверное, потому им неуютно и они жалуются на «отлучение». Удивительно! Но и примечательно. Все-таки времена разительно изменились и, кажется, не слишком способствуют реализации разоблачительно-обличительных тенденций уважаемых философов. Главное — трудно кого-либо «взять». Одни успели умереть и по этой причине стали недосягаемы, другие зло огрызаются на страницах центральной печати. Когда это было возможно?

Но вот возможно!

И, думается, надолго.

Так что придется привыкать, уважаемые авторы философских наук.

ГАЗЕТА «СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ»

Март 1988 г.

Считая себя некоторым образом причастным к малопочтенной у нас категории «доморощенных реабилитаторов», о которых снисходительно упоминается в недавней статье Валентина Пепеляева («Советская Белоруссия» № 296 за прошлый год), я попытаюсь ниже объяснить существующую разницу в наших взглядах на основную проблему. Ради экономии газетного места лишь бегло коснусь других, как мне кажется, явно несостоятельных положений статьи, вроде толкования древних «дзядов» как религиозного и, стало быть, неприемлемого для советских людей обряда. Или призыва «освободиться от всех пут», внести в него (обряд. — В. Б.) некоторые современные элементы, тем более, что уже разработан и «ритуал, который

учитывает всю силу и глубину народных традиций», а издательство «Беларусь» выпустило в свет несколько сценарных сборников. Согласно мысли автора, все оказывается хорошо и просто, беда лишь в том, что современная молодежь не очень-то прельщается новейшими «сценарными сборниками» и питает склонность отмечать полюбившиеся ей «дзяды» по-старому, хотя бы и «с налетом архаичности и религиозности». Но вряд ли возможно оспаривать данное пристрастие молодежи на том основании, что тех же «дзядов» «пытаются использовать в своих целях наши идеологические противники» за рубежом, а с ними, разумеется, и весь порочный западный мир. Нельзя не признать все-таки, что, несмотря на трогательную заботу о молодежи ревнителей «новых традиций», древние «дзяды», наверное, еще долго будут отмечаться по-старому.

«Дзяды — дзядамі», но сейчас многих людей нашей республики, разбуженной революционными идеями перестройки, занимает нечто гораздо более важное. Именно об этом свидетельствует активность народа в его извечном стремлении к правде и социальной справедливости, не задавленная даже в годы мертвящего застоя, его желание разобраться во многих вопросах нашего недавнего прошлого, заполнить истинным знанием «белые пятна» истории, в изобилии оставленные нам отечественной историографией. Самая активная часть общества, его молодежь, не перестает задавать вопросы вроде того: как могло случиться столь вопиющее нарушение социалистической законности, в результате которого погибли тысячи невиновных людей? Тысячи, а может, миллионы? Как явствует из большой статьи В. Пепеляева, помещенной в «Советской Белоруссии», ее автор, превосходно осведомленный в такого рода статистике, очевидно, почерпнутой из не для каждого доступных «спецхранов», скрупулезно подсчитывает потери гитлеровской Германии в прошлой войне, приводит весьма любопытную сводку наших потерь. Но при всем этом он странно умалчивает о количестве репрессированных в годы культа личности Сталина, словно бы эти цифры не заслуживают серьезного внимания советских людей. Но люди, в том числе и молодежь, ищут четких ответов на кардинальные вопросы того времени, важнейшим из которых, несомненно, является вопрос о палачах и жертвах. Сегодня уже становится бесспорным, что общество не в состоянии завоевать полное доверие молодежи, а следовательно, и осуществить сколько-нибудь эффективную перестройку духовной жизни народа без исчерпывающего освещения его исторического прошлого. Все усилия в данном случае будут обречены на бесплодное топтание на месте, бесконечную борьбу не только мнений (что само по себе

естественно и правомерно в атмосфере демократии и относительного плюрализма), но и бескомпромиссное противоборство двух позиций, одна из которых заведомо не права. Не права уже потому, что отстаивает интересы вчерашнего дня и тех политических сил, которые определяли репрессивный характер его внутренней политики.

События 1 ноября 1987 года в Минске, а также некоторые публикации в республиканской прессе последнего времени как нельзя лучше свидетельствуют о такой ситуации, когда одна часть общества, обуреваемая «проклятыми» вопросами о прошлом, с неизменным упорством продолжает задавать их, а другая, не желая или не имея возможности правдиво на них ответить, уводит разговор в сторону. Испытанный прием в таком деле — непременная ссылка на наших идеологических противников с их готовностью использовать против нас любой наш недостаток и уж наверняка — любое наше признание в собственных ошибках. Все попытки что-то объяснить из драматических событий тридцатых годов авторы двух публикаций в «Советской Белоруссии» А. Майсеня и В. Пепеляев, по существу, сводят к доказательству того, что многие руководители, культурные и научные деятели республики были репрессированы вполне обоснованно, что веских причин для пересмотра их дел не имеется. Удивление вызывает то обстоятельство, что все это происходит в наше время, когда в общественной жизни страны на свое законное место возвращаются имена и произведения многих людей, репрессированных в годы пресловутого культа. Когда стала возможной широкая публикация наследия из запрещенной ранее, изъятой, т.н. эмигрантской, русской литературы, деятельность ряда партийных и государственных руководителей, уничтоженных в свое время, находит новое, объективное освещение. И мы узнаем, что Бухарин, Рыков, Рудзутак, Раскольников и другие вовсе не «враги народа», какими мы привыкли считать их в течение десятилетий, а верные сыны народа, для счастья которого они отдали свои кипучие жизни, хотя в сложной борьбе первых лет строительства социализма и допустили политические и другие ошибки. Но эти ошибки были ими признаны и прощены партией, во главе которой тогда стоял Ленин, эти люди отмежевались от своего прошлого и всей своей последующей деятельностью полностью себя реабилитировали. Теперь их имена — в ряду лучших сынов Родины. И это стало возможным благодаря новому ветру в общественной и политической жизни страны.

К сожалению, этот ветер справедливости и обновления общественного сознания слабо проникает на белорусскую землю, натыкаясь на старые догматические барьеры, в свое время осужденные партией,

но на практике устраняемые с огромным трудом. Не так редки здесь настойчивые и довольно успешные попытки оставить все, как было, в полной неприкосновенности, не допустить никакой переоценки давнишнего и далеко не всегда справедливого по отношению к ряду лиц из числа творческой и научной интеллигенции прошлого. Правда, объективности ради нельзя утверждать, что здесь ровным счетом ничего не сдвинулось, — есть некоторые скромные результаты, едва ли оправдывающие гигантские затраченные для того усилия. Так, например, около семидесяти лет потребовалось для признания и реабилитации доброго имени одного из самых выдающихся поэтов начала века, соратника Купалы и Коласа — Алеся Гаруна, еще до массовых репрессий умершего своей смертью, но на которого тем не менее было наведено столько облыжных наветов и обвинений, что почти все послевоенное время он практически находился за рамками национальной культуры. Продолжается многолетняя борьба за партийную и общественную реабилитацию белорусского писателя, первого председателя СНК БССР Змитрока Жилуновича (Тишки Гартного), мотивы обвинений против которого нынче нельзя назвать иначе как смехотворными. Не вдаваясь в подробности биографий всех перечисленных в статье В. Пепеляева лиц, напомню только, что, например, тот же Я. Лесик, «требовавший», как пишет автор, «национально-территориальной автономии Белоруссии в составе Российского государства» и тем, по мнению автора статьи, совершивший непростительное преступление, на самом деле следовал популярному в то время ленинскому положению о территориальном самоопределении наций вплоть до полного отделения. Выйдя из Белорусской социал-демократической партии, Лесик сразу же после гражданской войны порвал с прежней деятельностью и с 1921 года работал преподавателем в вузах республики, публиковал повести и рассказы, издал «Граматыку беларускай мовы», по которой в школах и на ликбезах овладевали грамотой миллионы белорусов. В 1928 году он избирается академиком АН БССР и плодотворно работает в литературе и языкознании вплоть до ареста и расстрела в 1938 году. Легко, но вряд ли справедливо сейчас, с высоты нынешнего исторического знания обвинять бывшего президента Академии наук БССР В. Игнатовского, участника революции 1905 года, в неправильной оценке этой революции, упрекать этого члена партии большевиков с 1920 года в том, что он «в своих трудах не показывал всей сложности социалистического развития на разных этапах, не давал надлежащей марксистской характеристики эпохи», как это делает БелСЭ или академик И. Игнатенко в своей статье. Допустимо ли пренебрегать в таких

случаях известным марксистским требованием о необходимости конкретно-исторического подхода в оценке сложных вопросов борьбы за власть, которая на Белоруссии сразу после Октября, в годы гражданской войны и иностранной оккупации, несомненно, оказалась более чем сложной — во всяком случае куда сложнее, чем это кажется сегодня. Многие наши национальные деятели, несомненно, стремясь к справедливому народовластию, в то время еще не владели в достаточной степени теорией марксизма-ленинизма, некоторые из них были выходцами из других, буржуазных и демократических партий и шли к своим целям не всегда верным путем, познавая истину методом проб и ошибок. Важно, однако, что эти ошибки рано или поздно были ими признаны. По крайней мере теми из них, кто порвал со своим прошлым и вернулся в Советскую Белоруссию, чтобы сознательно и активно включиться в строительство Советской власти. Многие из них стали впоследствии известными учеными, писателями, были избраны членами молодой Академии наук республики. И последующее их обвинение задним числом в грехах многолетней давности есть не что иное, как грубое попрание права и социалистической законности по отношению к этим людям, равно как и к тысячам других, погибших в заключении, ссылках, расстрелянных без всяких к тому оснований. Общеизвестно, например, что лишь по чистой случайности подобной участи избежали наши прославленные классики Янка Купала и Якуб Колас, вынужденные в 1931 году выступить с публичным саморазоблачением своей насквозь вымышленной контрреволюционной, националистической, шпионской деятельности. Янка Купала даже пытался покончить с собой, не вынеся унижения и позора, и если бы это ему удалось, вполне возможно, мы бы читали сегодня в той же статье В. Пепеляева или кого-либо другого страшный перечень его абсурдных преступлений, взятых из старых архивных дел, о которых, несомненно, позаботились бы его далеко не сентиментальные «следователи».

Так не в том ли состоит долг ныне живущих, наших научных кадров, интеллигенции, правоохранительных органов, чтобы объективно и беспристрастно разобраться поименно во всех жертвах прошлого с позиций нового, более высокого коммунистического сознания, с высоты наконец ставшего возможным милосердия, о котором мы с таким жаром принимаемся говорить сегодня. Вместо того мы видим в ряде публикаций республиканской прессы («Советская Белоруссия», «Звязда», «Политический собеседник») запоздалые и очень знакомые по прежним временам попытки реанимировать во многом забытые обвинения, заимствованные ныне из пожелтевших архивных дел, обвинительных заключений и приговоров пресловутых «троек»,

«особых совещаний», «военных трибуналов», клеветнических доносов стукачей, — обвинений, которые и теперь заставляют содрогаться неискушенных читателей. Следует ли удивляться, что в приснопамятные времена эти фантастические «сочинения» безошибочно приводили к расстрелу.

Как мне кажется, именно здесь мы подходим к самой болевой точке проблемы, которая таит в себе ключ к разгадке многих современных загадок.

Иногда даже в наше время трудно удержаться от недоумения: откуда такая нетерпимость к прошлому и его людям, идеям, влияние которых на нашу жизнь практически утратило свое сколько-нибудь заметное значение и стало в иных случаях лишь досадным фактом нашей истории (в смысле заблуждений и ошибок)? Откуда такой поразительный максимализм людей, не испытавших и десятой доли того, что довелось в силу различных, чаще всего исторических, причин испытать другим? Почему мы теперь, с высоты безусловно победившего правого дела не можем проявить элементарную терпимость или снисходительность к нашим предшественникам, общественным деятелям прошлого, пусть и в самом деле допустившим некоторые ошибки в своей общественной деятельности и лишенным за это жизни — тем самым разве не искупившим эти свои ошибки? Однако все дело в том, как мне думается, что, признав несомненную противозаконность репрессий 30-х годов, мы не можем уйти от настигающего нас вопроса: кто виноват? На тех самых "дзядах" 1 ноября 1987 года именно этот вопрос эмоциональнее других звучал в ломких молодых голосах выступающих, и, как видно, именно он более всего обеспокоил авторов публикаций в "Советской Белоруссии". Так, касаясь репрессий 30-х годов, Валентин Пепеляев пишет: "Непросты причины культа личности Сталина. Скоропалительность и однозначность оценок здесь неприемлемы. Не упростить бы, не скатиться в категоричность". Согласимся сразу и охотно: упрощать не следует, возникновению культа личности способствовал целый комплекс причин и следствий. Но вот категоричности оценок в таком вопросе, по-видимому, не 63

избежать, как бы этого кое-кому ни хотелось. Рано или поздно общество вынуждено будет вполне однозначно выразить свое отношение к каждому факту культа, к каждой его жертве и со всей категоричностью осудить методы такого рода "жертвоприношений". Напрасно автора другой статьи в той же "Советской Белоруссии" А. Майсеню настораживает"...требование публично назвать поименно не только тех, кто пострадал в годы репрессий, но и всех тех, кто в 30-е

годы совершал "преступления". И далее в статье А. Майсени следует пассаж, достойный того, чтобы привести его целиком. "Возьметесь ли вы доказать, — пишет автор, — что все те, кто принимал участие в репрессиях в ту трагическую пору, были сознательными преступниками, то есть шли на это, в полной мере осознавая, что чинят произвол и беззаконие в отношении невинных людей? Нам сегодня с позиции времени достаточно видно, что многие из тех, кто осуждал, обвинял, совершенно искренне верил, что их действия — не что иное, как торжество правосудия от имени всего трудового народа, что это продолжение революционного насилия (это спустя двадцать лет после революции, в условиях победившего социализма? — В. Б.), совершенно необходимого и неизбежного во имя победы социализма, во имя претворения в жизнь извечной мечты о равенстве и справедливости? Да, они не понимали и не могли понять, что 30-е годы отличались коренным образом от послереволюционной ситуации, когда беспощадная борьба за политическую власть, за диктатуру пролетариата, борьба не на жизнь, а на смерть, требовала применения революционного насилия к классовому врагу. Да, они заблуждались, уверовав в сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере построения социалистического общества, послуживший оправданием гибели сотен тысяч невинных людей. Да, они жестоко ошибались, когда считали Сталина достойным преемником Ленина, а сталинизм — продолжением ленинской политики. Но ведь многие из них были искренни в своем заблуждении..." и т. д. Надеюсь, однако, странная логика данной цитаты знакома читателю, поэтому позволю себе воздержаться от комментария этого поразительного по своей откровенности текста, в котором желание во что бы то ни стало "оправдать подзащитных" опережает элементарную логику мысли. Странно видеть в современной газете этот поток умилительного добросердечия к тем, кто губил или способствовал гибели тысяч, и при этом повсеместно натыкаться в статье на трудно объяснимую непримиримость к посмевшим выразить свои, пусть даже ошибочные, взгляды. Все дело, однако, как мне кажется, в плохо спрятанной обеспокоенности за честь "подпачканного мундира", намерении утопить в мутной воде велеречивых рассуждений неблаговидные дела прошлого и избежать возможных последствий. Что ж, в общем это удается. При огромной массовости жертв прошлого достоянием гласности стало неадекватно ничтожное количество имен, с ними связанных. Лишь в последний год мы узнали фамилии клеветников, сгубивших гордость отечественной науки — академика Н. Вавилова: всей стране стал известен истязавший его на четырехстах (!) допросах

полковник госбезопасности Хват. Газета "Московские новости" в номере за 3 января 1988 года сообщила потрясающие подробности о недавней реабилитации Верховным судом СССР группы московских девушек, осужденных в 1939 году за "контрреволюционную деятельность", которая, конечно же, была инспирирована определенными лицами, тут же и названными в газете: сержант органов госбезопасности Макеев, некто Кабулов, лейтенант Якушин. Примечательное сообщение! Пленум Верховного суда СССР не только реабилитирует жертвы, но и называет палачей. Но это в Москве. А что же у нас, в Белоруссии? Где имена людей, сгубивших в своем «искреннем заблуждении» партийных и государственных руководителей республики Червякова, Голодеда, Шаранговича? Писателей Тишку Гартного, Платона Головача, Максима Горецкого, Михася Зарецкого, Владислава Голубка и многих, многих других? Какие конкретные условия и причины породили массовое уничтожение национальных кадров, кому это было на руку и кто столько лет радел о том, чтобы все концы были надежно спрятаны в воду? Можно пересмотреть все писательские справочники, 12 томов БелСЭ и не обнаружить ни намека на драматические события 30-х годов, а массовую смертность общественных деятелей в 1937-38 годах скорее отнести на счет непонятной массовой эпидемии. Множество вопросов в этом смысле вызывают упомянутые авторитетные издания, только ответа на них не будет. И, как показывает энергичное выступление республиканской печати с оправданием происходившего, никто на них отвечать не собирается.

Мне думается, однако, что такое положение совершенно аномально для нашего времени и на все эти вопросы ответить придется. Так долго и тщательно оберегаемые от стороннего взора «спецхраны» и другие архивы в конце концов придется открыть, как это уже делается в Москве и других городах. И будут написаны новые статьи, в которых назовут имена, приведут настоящие факты и иные цитаты, способные пролить свет на все темные пятна прошлого. И все это будет сделано не по чьей-то злой или доброй воле, а в силу объективных законов истории, развивающейся в направлении разума и справедливости. И потому напрасны любые, самые научно-изощренные попытки затормозить этот ход в наше время, тем более повернуть его вспять.

История обратного хода не имеет.

ГАЗЕТА «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

Июнь 1988 г.

Переосмысление прошлого, каким бы оно ни было, — всегда благо в жизни общества, непременное условие его поступательного движения вперед. «Верное средство поумнеть — почувствовать себя глупым» — гласит народная мудрость. Но дело-то в том, что дурак никогда не посчитает себя глупым, а потому и не поумнеет, особенно если это ему и не требуется. Нередко дураку живется лучше, чем умному, последнего чаще настигает знаменитое «горе от ума». За много лет мы уверились в том, что работать плохо — выгоднее, чем хорошо, что инициатива наказуема, что если хочешь жить спокойно, то приспосабливайся и не высовывайся.

Времена, однако, меняются, и великий, поистине грандиозный сдвиг общества видится уже в том, что мы всерьез заговорили об очевидном, что еще лет десять назад было подсудной крамолой. Все, оказывается, относительно в этом мире. Может быть, это и хорошо. Но это и страшно. Да, страшно, если общество было вынуждено существовать в условиях безграничного релятивизма, с правом, которое нередко было направлено не на защиту интересов общества, а против него, и уж, безусловно, против гражданина, человека. Дегуманизация общественной жизни в недалеком прошлом стала делом привычным, повседневным, и это, конечно, самое горькое из всего нашего прошлого. Во имя неких, часто фиктивных либо спекулятивных идей жизнь, по существу, отвернулась от своего сознательного носителя — человека, что было изощренно использовано определенными силами — автократическими, тоталитарными, бюрократическими. Люди примолкли, подавленные и изверившиеся, временами благодарные уже за то, что стали меньше сажать, чем, скажем, в тридцать седьмом. Уже за одно это мы готовы были полюбить Брежнева и боготворить Хрущева, который вернул миллионы невинно заключенных из-за Полярного круга.

Как же порой немного надо для счастья, думаем мы сегодня. Но человек всегда стремился быть человеком. Каждый, кто родился человеком, уже фактом своего рождения приобретает право на высокую человеческую судьбу. Это доказывают огромные библиотеки философских и литературных трудов, десятки, если не сотни, деклараций, конституций народов мира. Человеку должно быть хорошо, тогда и от человека можно ждать доброты. Иначе дело безнадежное. Авантюрное дело.

Так это человек. А если целый народ?

Народ безмолвствует — это известно давно. Народ — чистый лист бумаги, на котором можно написать любой иероглиф, недавно еще самоуверенно вещал Мао Цзэдун.

Увы, подобные высказывания небезосновательны: каждый народ в своей истории немало и безмолвствовал, и немало на его спине писалось разнообразных иероглифов. Правда, случалось, что и народ проявлял крутой нрав, и у него находились защитники, преимущественно из числа «чудаков» или интеллигентов из народа, которые не безмолвствовали и самой своей жизнью перечеркивали всяческие претенциозные иероглифы.

Следует благодарить судьбу, которая одарила нас небывалым шансом, именуемым перестройкой. Общество всколыхнулось. Посмотрите, как поднялась духовная активность народа, как поникла привычная опаска «как бы чего не вышло». Какие письма идут в газеты, как оживилась молодежь и как умно, с полной отдачей стали работать лучшие представители нашей интеллигенции.

Однако надо признать, что демократизацию и гласность наша белорусская литература встретила не подготовленной ни в творческом, ни в нравственном отношениях. Более того, некоторые из нас склонны гордиться тем, чего по крупному счету следовало бы стыдиться. Так, чего стоит высказывание одного белорусского писателя и ученого, заявившего перед аудиторией, что, мол, не в пример русской литературе мы не создавали «подпольных» произведений, произведений «в стол». Что ни писали — все печатали. Услышав такое, я подумал: видно, оратор рассчитывает на аплодисменты. Но аплодисментов все же не последовало. Видно, аудитория все-таки поняла, что есть наша беда, чтобы обывательскую мораль не возвести в ранг национальной доблести.

Да, малоподготовленными оказались мы, белорусские писатели, к духовной и творческой перестройке. Если бы не проза восставших из небытия Б. Микулича, А. Мрия, поэзия П. Панченки, некоторые стихи А. Бачилы, С. Граховского, так на почин перестройки нам не с чем было бы выступить перед читателем. Впрочем, оно и понятно. Долгие годы у нас ставили в пример тех, кто хлопал в ладоши, своим благозвучным талантом «литературно оформлял» рожденные в бюрократических недрах прожекты и постановления. Именно в такой атмосфере конформизма родилось и процветало поколение мастеров изящной словесности, которые неплохо устроились сами, не забывая и о детках, зятьях и невестках, внуках и правнуках. Этим не нужна ни гласность, ни перестройка, ни демократия. Им сгодится любой культ

или застой, лишь бы заслужить начальственную благодарность, от которой всецело зависит собственное благополучие. И пусть не лицемерят от лукавого те поборники «высокой художественности», которые будто бы не «досчитываются» ее в «Детях Арбата», «Белых одеждах» и других, потрясших общество произведениях. Не дефицитом «высокой художественности» обеспокоены они, а крушением кровавого престижа Сталина. Теперь они воспылали последней, старческой любовью к «мертвому льву», потому что боятся разоблачения кое-каких малопочтенных поступков, совершенных некогда во имя «льва живого».

Да, в республике с трудом расстаются с традициями застойных лет, когда привычно творился «верняк», обывательское чтиво и хором пели аллилуйную власть предержащим. Когда литературой, по существу, руководили, определяя, как ей развиваться, не правление Союза писателей, не М. Танк, не Н. Гилевич — литературой, по существу, заправляли различные литературные специалисты в штатском. Именно под ними многие годы, угождая их вкусам и требованиям, ходили писатели и редакторы, литературоведы и критики. В самое застойное время нас всемерно отвращали от «негатива», упорно натаскивая на создание образа положительного героя, героя для подражания, у которого надлежало учиться, как делать жизнь. А в то же время агонизировал родной язык, рушились национальная культура, национальное самосознание, без которых народ превращался в некую абстрактную общность. Юг республики страдал от последствий Чернобыля, а на деревенских и городских кладбищах звучали нестройные залпы над цинковыми гробами молодых граждан республики, привезенных издалека. Но для многих из нас, литераторов, все это было несущественно или нетипично, мы старались не думать о том, не то чтобы писать.

Замшелый сталинизм, тоталитарная нетерпимость всегда стоят на пути воплощения национальной справедливости. От этого в одинаковой мерс страдают как большие, так и малые нации. Только в условиях демократического существования возможно подлинное уважение к интересам и правам всех наций. Даже самая малая из них, насчитывающая десять или сотню соплеменников, должна иметь равные права и возможности с великой, многомиллионной нацией. Интересы национальных меньшинств так же суверенны, как и интересы коренной национальности. Неуважение или пренебрежение в большом или малом оскорбляет не только того, кто стал ее объектом, но не в меньшей мере и того, от кого они исходят. Чтобы тебя уважали, сперва уважь ближнего, малого и слабого — таков исконный

закон природы, который, к сожалению, еще не стал непререкаемым общественным законом.

И здесь я хотел бы заметить, что в той атмосфере, которая образовалась в республике вокруг знаменитого художника Марка Шагала, — дело вовсе не в художнической манере этого мастера, дело в ином: в нашем отношении к собственной национальной культуре. И еще — в степени толерантности к инородцам. Поэтому сегодня, в период перестройки, нельзя пренебречь теми принципами, с которыми мы относимся ко всему культурному достоянию, которое, как известно, создавалось далеко не в стерильных условиях национальной герметизации. И это естественно. Только в условиях взаимообогащения культур и течений возникает нечто ценное. И наоборот: национальная, цеховая и всякая иная нетерпимость, ограниченность неизбежно дают нежелательные, если не целиком негативные, результаты. И если сегодня мы допускаем бесовский шабаш вокруг Шагала, то где гарантия того, что завтра подобное не произойдет по отношению к любому другому художнику, тем более «нечистокровному», белорусу? Если руководство БелСЭ изгоняет с работы научного редактора за апологетику творчества Шагала, то вполне может статься, что другого редактора уволят за апологетику творчества Михаила Савицкого. «Был бы человек, а статья найдется» — постулат живучий, и всегда будут те, кто не прочь им воспользоваться.

Самое пагубное из многочисленных человеческих заблуждений — считать, что враги — все, кто не такие, как мы, кто чем-то от нас отличается. Чем — всегда найдется: классовой или расовой принадлежностью, различием вероисповеданий или мировоззрения, даже художественной манерой. Мало ли нам было преподано подобных уроков, мало ли ущерба нанесла нашей культуре (а также науке, технике, экономике) многолетняя изолированность от зарубежной науки, культуры, технологии только на том основании, что они буржуазные и, стало быть, для нас неприемлемы. Теперь потребуются усилия не одного поколения, ломка сознания, чтобы преодолеть это.

Поэтому только широкий социалистический плюрализм и демократизация — безусловна, на всю глубину общественной жизни, по всему фронту. Демократия не может осуществляться на четверть либо наполовину с прагматическим ограничением под определенный исторический момент. Она может животворно служить обществу, лишь когда охватывает его целиком. Иначе демократия погибает от малокровия, если ее не задушат в колыбели. Душителей демократии хватало во все времена.

В стране совершаются грандиозные по своей революционной сущности перемены. Центральная печать полна материалов, утверждающих социалистическую справедливость, которая сегодня невозможна без реабилитации жертв сталинщины. Народу возвращены десятки имен известных деятелей культуры, науки, государственных и военных деятелей. Это приветствуют массы, воочию убеждаясь, что перестройка не очередная словоговорительная кампания, а всерьез и надолго.

А у нас, в Белоруссии? Что делается у нас в этом важнейшем деле перестройки, выработки нового общественного сознания? Или у нас некого реабилитировать? Или у нас мало было расстреляно, замучено в тюрьмах, вывезено на Соловки, выслано за 1001-й километр от Белоруссии? Конечно, есть сдвиги и у нас: вернули литературе замечательного поэта Алеся Гаруна, в республиканской печати появились публикации о бывшем Председателе СНК БССР А. Ковалеве, академике А. Жебраке, В. Шаранговиче. Что еще? Не сразу и припомнишь. Зато на памяти у всех серии крупноблочных статей в «Советской Белоруссии», «Политическом собеседнике», «Вечернем Минске» — статей, которые иначе как открыто перестроечными не назовешь. Столько в них охранительно-реставрационных пассажей, стремления оправдать репрессии и тех, кто их осуществлял, желания обмазать грязью лучших современных писателей, активистов перестройки. И явление совсем уж невероятное для нашего времени — вновь возводятся ежовско-бериевские обвинения против ряда белорусских деятелей культуры и науки, уничтоженных в 30-е годы и полностью реабилитированных после XXII съезда. При этом сам факт их реабилитации до сих пор держится в секрете. На всякий случай? Или на определенный случай, так недвусмысленно подсказанный известной статьей «Советской России», которая, кстати, не без энтузиазма была встречена партбюрократией Минска.

Можно быть признательными редакционному коллективу газеты «Знамя юности», который не допустил перепечатки этого манифеста антиперестройщиков на своих страницах. Но вот я думаю: а может, и зря не допустил? Пусть бы перепечатали, тогда, возможно, выплыли бы на поверхность некоторые кабинетные тайны, и мы бы узнали подлинных режиссеров антиперестройки. А так в который раз они оказались в тени и продолжают действовать методом звонков и намеков, как известно, не оставляющих следов в архивах.

Иначе, как подрывом трудного процесса демократизации, ударом по перестройке, нельзя оценить и публицистический залп «Вечернего Минска» против митинга в защиту Верхнего города и его

организаторов из неформального объединения. К сожалению, я не информирован о целях и структуре этого молодежного объединения и не знаком ни с кем из его членов. Но я знаю, что угрожает Верхнему городу, заповедному уголку нашей столицы, и достаточно осведомлен о методах хозяйничанья печально известного ГлавАПУ и метростроевцев. И я не могу не разделить законной обеспокоенности молодежи: ведь им жить в Минске, когда уже не будет на свете никого из ГлавАПУ, ни сегодняшних руководителей города, когда за их хозяйничанье слона в посудной лавке и спросить будет не с кого. В таких условиях нетрудно понять, что борьба молодежи за наше историческое наследие — дело справедливое и своевременное, ибо собор XVII столетия и другие исторические здания Минска все-таки под угрозой разрушения по той причине, что под ними на малой глубине проложили линию метро. (Чтобы не создать угрозы «очень ценному» административному зданию неподалеку, как разъяснил читателям тот же «Вечерний Минск». А собор можно и порушить — мало ли их уничтожено на нашей земле.)

Да, антиперестроечные силы не дремлют, в культуре и идеологии они действуют активно и небезуспешно. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, равно как и многочисленные людские судьбы. Пример тому — судьба нашего Алеся Адамовича, этой светлой головы в нашей отечественной литературе. В то время как он действовал открыто, средствами литературы и публицистики, на него воздействовали иными методами. И вот, прожив здесь всю жизнь, он покинул республику, уехал в Москву, где возглавил Всесоюзный научно-исследовательский институт киноискусства. Или еще пример. Недавно уехал из Белоруссии третируемый здесь годами замечательный ученый Вячеслав Степин, который в столице не только стал руководителем института, но и был избран членом-корреспондентом АН СССР. Примеры такого рода можно продолжить. Уезжают люди, достойные во всех отношениях, авторитетные ученые, люди с высоким уровнем совести. И если «утечка мозгов» — дело в общем понятное, то утечка совести — это уже что-то новое для Белоруссии. Зато по-прежнему здесь процветают и задают тон в науке и общественной жизни люди иного склада и иных жизненных принципов, о которых достаточно писала всесоюзная пресса, в том числе и «Советская культура». Кто измерит вред, который они нанесли нашей национальной науке, ее нравственной репутации? Милостью этих и еще некоторых «деятелей от науки» в конце XX столетия, на семидесятом году суверенного существования, республика не имеет своей историографии, ибо почти все, что издавалось под грифом

Института истории АН БССР, является по существу профанацией исторической науки. Вульгарный социологизм, пренебрежение фактами, подлаживание под модные в разные времена официальные концепции обесценивают даже лучшие исторические труды. И если мы все-таки что-то знаем о нашем давнем и недавнем прошлом, то в этом заслуга писателей-энтузиастов: покойного В. Короткевича, К. Тарасова, Э. Ялугина, В. Якутова, некоторых профессиональных историков, в душной атмосфере догматизма самоотверженно отстаивавших объективность и честь своей науки: братьев Грицкевичей, Г. Галенченко, В. Круталевича, З. Позняка, М. Ткачева. Теперь на них наша надежда.

Мы переживаем самый важный, судьбоносный период нашей истории, время, которое определит дальнейший путь страны, будущее народов. То, в каком направлении пойдет развитие общества, во многом, если не полностью, будет зависеть от нашей готовности к широкой демократизации жизни, радикальной перестройке устаревшего сознания. Я хочу уточнить: хотя бы готовности, которую мы, писатели, все еще не засвидетельствовали в достаточной степени. За годы приспособленческого существования даже лучшие из нас стали чересчур по-житейски умудренными, научились глубокомысленно рассуждать и выжидательно бездействовать. И это, несомненно, пошло во вред обществу. Но ведь народ смотрит на нас, и отступать нам некуда. Другого шанса история нам не предоставит. Ни развития родного языка, ни обеспеченной жизни, ни достойной нашего прошлого историографии нам не подарит никто. Все надо добывать самим. Вместе со своим народом, в условиях подлинной, не бумажной демократии, за которую еще предстоит долго и упорно бороться.

ГАЗЕТА «ЛІТАРАТУРА І МАСТАЦТВА»

Чэрвень 1988 г.

Як сведчаць некаторыя нашы даследчыкі (напрыклад, гісторык Ул. Якутаў), толькі ў Беларусі за час яжоўска-берыеўскіх рэпрэсій 30-х гадоў знішчана каля двух мільёнаў чалавек. Значная частка іх была выслана на ўсход і поўнач краіны (Салавецкія астравы, Варкута, Калыма), а астатнія ліквідаваны на месцы — непадалёк ад іх месца жыхарства. Апошняе было танней, не загружала і без таго заўжды перагружаны чыгуначны транспарт. Але дзе канкрэтна ліквідаваны гэтыя многія сотні тысяч, у якой зямлі тлеюць іх белыя костачкі?

Не трэба думаць, дарагі чытач, што гэта нейкая асаблівая, праклятая людзьмі і богам зямля, — па сутнасці, гэта тыя ж самыя мясціны, па якіх штодня ходзім мы, дзе адпачываем на лагоднай прыродзе ў выхадныя і святочныя дні, дзе весела гуляюць, нічога не ведаючы аб мінулым, нашы бесклапотныя дзеці. Так, яны не шмат што ведаюць з тых жахлівых часоў, ды і мы, дарослыя, інфармацыю такога роду пачалі атрымліваць толькі ў апошні час. Шмат год у краіне дзейнічалі сілы (яны дзейнічаюць і цяпер, хіба што іншымі метадамі), вельмі зацікаўленыя схаваць даўнія справы пад завесу «сакрэтнасці», утаіць ад народа свае крывавыя сляды. Толькі, як даўно вядома, злачынствы кепска ўжываюцца з самай найсакрэтнай сакрэтнасцю, рана ці позна яны вылягаюць на свет божы, каб лішні раз закляйміць зло і засведчыць неабходнасць пільнасці.

У нас ёсць нямала велічных помнікаў ахвярам нямецкага фашызму, сведчанне гераізму беларускага народа ў барацьбе з гэтым заклятым ворагам чалавецтва. Але нішто яшчэ ў нас не напамінае пакаленням аб ахвярах сталіншчыны. Тое няправільна і недаравальна! Мы павінны памятаць аб іх — не героях, а бязвінных ахвярах тырана — спрацаваных рабочых, галодных калгаснікаў, першых народных інтэлігентаў, мужчынах і жанчынах, — якія з куляю ў патыліцы кляліся ў самімі ж выкапаныя ямы, вымаўляючы не праклёны, не пратэст, а адзінае, марнае і трагічнае слова: «Завошта?»

Яны ўжо ніколі не пачуюць адказ на тое сваё пытанне, затое адказ на яго павінны зразумець мы.

Менавіта гэтай мэце і служыць змешчаная ніжэй публікацыя двух аўтараў, здзейсніўшых свой людскі абавязак перад народам і перад гісторыяй.

ЖУРНАЛ «ОГОНЕК»

Ноябрь 1988 г.

В недавно еще мирной, вполне деловой общественной атмосфере Белоруссии произошли разительные перемены, забушевали эмоции, словесные циклоны завихрились на общественных мероприятиях и в печати. Что касается печати, то ее удивительно единодушный хор и явился зачинателем шумной кампании разоблачения «коварных замыслов» врагов и подрывателей государственных устоев.

Кто же эти враги и где их предлагалось искать?

Искать, разумеется, надлежало в собственных рядах, потому что все они дьявольски маскируются под «своих» — эти отъявленные

националисты, сионисты и масоны. И еще особо ненавистные «клеветники», покусившиеся на незапятнанную честь полуторамиллионного города-героя, заподозрившие в нем антиперестроечную Вандею. В этом смысле досталось многим, по преимуществу людям творческих профессий — писателям, кинодеятелям, художникам. Особому поношению подвергся писатель Алесь Адамович, посмевший в одной из «огоньковских» публикаций употребить намек на сходство происходящего в Минске с некоторыми моментами французской буржуазной революции и назвать имена. По всей видимости, именно эта публикация А. Адамовича больнее всего задела непомерно чувствительные амбиции некоторых людей из числа белорусского республиканского руководства.

Теперь многие из них увиливают от прямого ответа, делают вид «неинформированных», «отсутствующих» в то трагическое воскресенье в городе, ссылаются на «необдуманную» инициативу местных властей. Однако так ли неожиданно случилось то, что случилось в погожий день 30 октября 88-го года?

На протяжении последних недель в печати велась размашистая кампания против молодежного объединения «Талака», дискуссионного клуба «Современник», других объединений «неформалов». В условиях все усиливающегося психологического прессинга четыре творческих союза республики (писателей, журналистов, кинематографистов, художников), а также отделение фонда культуры и редакция газеты «Літаратура і мастацтва» на представительной конференции в октябре приняли решение об учреждении историко-просветительского общества «Мартиролог Белоруссии». Это общество в качестве главной задачи взяло на себя выявление жертв сталинизма и их палачей, оказание помощи живущим жертвам репрессий 30-50-х годов, строительство мемориала в урочище Куропаты, ходатайство о проведении суда над Сталиным. Всю работу общества предполагалось вести в тесном сотрудничестве с партийными и советскими органами. В качестве первого шага общества было решено провести митинг-реквием в Куропатах под Минском, приурочив его к древнеславянскому Дню поминовения предков — Дзяды. О планируемом митинге была заблаговременно подана заявка в соответствующие органы и получено их разрешение. Правда, власти настояли, чтобы место митинга перенесли к Восточному кладбищу на окраине Минска.

Свое отношение к новообразованному обществу власти республики выразили уже на учредительной конференции, когда ответственный работник ЦК самыми низкопробными средствами пытался сорвать голосование. В последующие дни местная печать развернула

бешеную кампанию против общества, было проведено несколько общегородских собраний, где неинформированные (а точнее, дезинформированные) лица из числа бюрократического аппарата города и городских предприятий подвергли низкопробной пропагандистской дискредитации руководителей общества и его актив. Цели общества были искажены в печати и на собраниях и поданы как антиперестроечные, националистические. Робкая попытка-предложение на конференции «Мартиролога» о создании Народного фронта в республике была расценена властями как стремление к созданию внутренней оппозиции, ставящей своей целью отторжение Белоруссии от СССР, изгнание русских жителей и т. д. (Кстати, этот прием с успехом применялся карательными органами в 30-е годы, во время борьбы с т. н. «нацдемовщиной», за которую сотни тысяч людей поплатились жизнями. Испытанный прием!) Не было сделано ни одной попытки выслушать другую сторону, предоставить возможность выступить в печати ни одному руководителю «Мартиролога». Эта односторонняя, целиком инспирированная кампания, как и следовало ожидать, приобрела резко выраженный характер травли национальной интеллигенции («Я с 15 лет трудился, в шахте работал, а он ел мой хлеб и книги почитывал», саркастические обыгрывания в печати слов «письменник», «ученый оппонент» и др.). Досталось молодежным неформальным объединениям «Талака», «Современник», «Тутэйшыя», «Паходня» и др., которые еще недавно выступали с общественно оправданными инициативами по экологической защите Припяти и Западной Двины, против разрушения Верхнего города в Минске и др. Лучшие и самые активные деятели их подверглись злобной проработке в печати. Насколько далеко зашло дело дезинформации и дискредитации только что созданного общества, можно судить хотя бы по тому факту, что дочери репрессированных в 30-е годы государственных деятелей Белоруссии А. Червякова и Н. Голодеда, единогласно избранные почетными членами «Мартиролога», спустя несколько дней выступили в печати против данного общества с вздорными, целиком вымышленными обвинениями.

Апофеозом данной кампании явились драматические события в воскресенье 30 октября.

За несколько дней до того газета «Вечерний Минск» в скупой информации известила читателей, что проведение митинга-реквиема отменяется ввиду празднования 70-летия комсомола (это на кладбище у городской черты), а также по той причине, что газета «Вечерний Минск» еще не закончила общественного обсуждения срока праздно-

вания «Дзядов» (с дохристианских времен отмечавшихся в Белоруссии 1 ноября).

...Пополудни в воскресенье 30 октября в сторону Восточного кладбища потянулись массы людей. К этому времени было обнаружено, что все автобусные, троллейбусные маршруты, а также станции метро в направлении кладбища блокированы, и люди семьями, с детьми на руках и в колясках шли пешком. Запрет правого дела мало кого остановил. Это и понятно. Белоруссия, которая в годы Великой Отечественной войны потеряла каждого четвертого жителя, немало потеряла и в годы сталинских репрессий, когда, по оценке некоторых исследователей, было уничтожено около двух миллионов человек. Во многих семьях до сих пор не заживают кровоточащие раны 30-40-х годов, и культ памяти безвинно убитых с давних времен чрезвычайно популярен в народе. Это шествие, однако, вблизи кладбища было блокировано мощной стеной милиции и войск внутренней службы, тут же располагались колонны водометных машин, спецмашин для перевозки арестованных, едва ли не весь городской парк пожарных. Поблизости в спорткомплексе расположился в боевой готовности т.н. Белполк — несколько тысяч соответствующим образом экипированных солдат. За плотными милицейскими рядами виднелись знакомые лица из числа работников райкомов и горкома партии, другое городское начальство. Полковник милиции через мегафон грозным голосом приказывал разойтись.

Люди, однако, прибывали. Задние, не понимая, что происходит впереди, теснили передних. Недоумение сменилось испугом и даже страхом, когда на молчаливую толпу бросились люди в форме, с дубинками марки М-65 и выборочно, с определенным прицелом, стали хватать известных в республике людей, художников и писателей, преподавателей вузов, студентов. Перед тем, как заломить руки, в лицо брызгался слезоточивый газ (марки "Черемуха-10") из портативных аэрозольных баллончиков. 10-тысячная толпа дрогнула, забеспокоилась, раздались возмущенные крики: «Сталинисты», «Вандея». Однако люди не расходились. Спецмашины с зарешеченными окнами тем временем наполнялись полуослепленными, задыхающимися людьми, по мере наполнения их увозили. Были увезены без всякого на то основания художники М. Купава, А. Марочкин, И. Марочкин, журналист В. Мартыненко, ученый А. Тарасенко, журналист П. Марков, преподаватель университета А. Белый и многие другие. Ослеплены газом главный режиссер театра имени Я. Купалы В. Раевский, писатель В. Яковенко и десятки других. С корреспондентами республиканских и центральных газет обращались, как и со

всеми прочими, — угрозами и силой отбирали фотоаппаратуру, засвечивали пленки. По нечастым милицейским выкрикам и репликам вроде «Самостоятельности захотели!» или «Белорусы паршивые!» — можно было понять, что политическая подготовка милицейских рядов, а точнее, их дезинформация была, что называется, на высоте. Однако никто из толпы не вступил в противодействие, не оказал сопротивления, не применил силу, не бросил ни одного камня в милицию.

Некоторое время люди не могли понять, что происходит, а поняв, повернули в боковую улицу и нестройной толпой потянулись в сторону печально известного урочища Куропаты, расположенного неподалеку, за городской чертой. Это шествие заняло определенное время, и когда первые ряды идущих оказались на подходе к урочищу, выяснилось, что и там войска, пожарные машины и милиция. Путь и туда был перекрыт. Растянувшаяся пятитысячная толпа свернула с кольцевой дороги в чистое поле и остановилась на косогоре. Вперед вышли руководители «Мартиролога» — археолог З. Позняк, писатель В. Орлов. Чтобы лучше видеть выступающих, люди опустились на мерзлую землю, стали на колени. К собравшимся обратился В. Орлов, рассказал о значении исторической памяти народа, о жертвах сталинщины и Великой Отечественной войны. Зенон Позняк, полгода назад открывший многотысячные захоронения в Куроиатах, начал говорить речь и зачитал декларацию общества. С пламенными стихами о жертвах культа выступила молодая поэтесса. Не успел, однако, очередной оратор закончить речь, как на плотную толпу в поле двинулись не менее плотные тысячные ряды войск и милиции. Скоро участники митинга были заключены в сплошное кольцо, однако все продолжали сидеть. Но вот прозвучала команда, войска перестроились в острые клинья и с радиальных направлений врезались в плотную толпу сидящих. Послышались крики, плач. Сидящих людей — женщин и девушек стали хватать за руки, за одежду, срывать с мест. Прозвучала «милостивая» команда подполковника милиции: «Детей не трогать!». Детей в самом деле не трогали. Зато всем остальным досталось без ограничений. Когда толпа была рассечена, митинг прекращен, людей стали теснить к кольцевой дороге. Люди взялись за руки и так двигались с поля. Некоторым, правда, удалось вырваться из кольца, и тогда за ними вдогонку пускались команды милиционеров и солдат. Убегавшего или убегавшую настигали, ослепляли газом и били дубинкой. Охота продолжалась долго, распространилась в лесное урочище Куропаты, за кольцевую дорогу, в соседний микрорайон. Нечто похожее, между тем, происходило и в городе. После того, как основная масса людей отправилась из района

кладбища в Куропаты, часть оцепления из войск и милиции тоже устремилась на городские улицы, где продолжалась погоня за отставшими. Милиционеры настигали прохожих и окликали их. Если ответ звучал на белорусском языке, прохожий (или прохожая) получал удар дубинкой сзади. Разгон продолжался.

До наступления темноты продолжалась охота за участниками митинга. Сотки людей получили удары дубинок, были ослеплены слезоточивым газом. Вечером организаторы позорного побоища подводили итоги.

Город забурлил. Назавтра в творческих союзах, театрах, редакциях газет состоялись собрания, на которых давалась соответствующая оценка происшедшему. Редакция молодежной газеты «Чырвоная змена» подготовила полосу о событиях вчерашнего дня, которая была снята уже в типографии (опубликована впоследствии). Городские партийные и советские власти бросились тушить разгорающийся идеологический пожар своеобразным способом: усилили нажим на непокорных, и вот уже смягчаются резолюции партийных собраний, отменяются прежние формулировки. По телевидению выступили начальник УВД и зампредисполкома города Минска. Они оправдывали свое право на запрещение митинга ссылками на два указа, недавно утвержденных Верховным Советом страны. Однако выступления этих второстепенных руководителей мало кому показались убедительными, как и их смехотворные доводы. Примечательно, однако, другое.

Принятые в понятных целях упомянутые выше указы, к сожалению, гласно не регламентируют порядок и право местных властей в отношении мотивов и процедуры запретов общественных мероприятий. Создавшийся вакуум в законоположении, как показали драматические события в Минске, открывает неограниченные возможности в их применении и безнаказанном злоупотреблении, как правило, в антидемократических целях с далеко идущими последствиями. Иначе как объяснить тот факт, что грубая воинская сила на основе Закона запрещает осуществление традиционного и святого дела народа — почтить память павших в борьбе за социализм в годы сталинских репрессий, Великой Отечественной войны, погибших в недавнее время, таких, как П. Машеров, Ф. Сурганов, многих деятелей литературы и науки.

После всего происшедшего обстановка в городе напряжена. Общественность требует расследовать инцидент и призвать к ответу виновников небывалого даже в худшие годы, целиком спровоцированного конфликта, нанесшего несомненный и ощутимый удар по делу перестройки.

В последние дни в Белоруссии стало все более ощутимым стремление общественности к созданию Народного фронта, против идеи которого с таким ожесточением выступает белорусская бюрократия. В этой связи некоторым может показаться странным (если не вздорным) ее чувство страха перед такой представительной организацией за перестройку, каким предполагается Народный фронт. Если исходить из бесспорности положения, что и у народа и у его руководителей существует единая цель — справедливое устройство жизни на основах народовластия и демократии, то спрашивается: чего бояться? Однако, по-видимому, некоторые имеют все основания для опасений за собственную судьбу — особенно из числа тех, кто явился организатором и вдохновителем событий 30 октября. Вполне может быть, что по воле народа, выразителем которой явится Народный фронт Белоруссии, им придется расстаться с насиженными местами. В свете этого факта, как мне думается, и заключены многие ответы на насущные вопросы нашего тревожного времени.

ВСТРЕЧА СО СТУДЕНТАМИ И ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ МГУ ИМ. ЛОМОНОСОВА. «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

Январь 1989 г.

— Когда вы осознали сталинизм как страшное явление нашей истории? Как проходил переход в творчестве от личного лейтенантского опыта к судьбе народа, к судьбе деревни в предвоенные и военные годы?

— Может быть, это будет нескромно, но я хочу сказать, что сталинизм как явление постигался мной одновременно и параллельно с постижением жизни вообще. Я не отношусь к тем людям моего поколения (или чуть старше, моложе меня), которые узнали о преступлениях Сталина из решений XX и XXII партийных съездов или позже. В Белоруссии сталинизм постигался людьми рано, еще в пионерском возрасте. Потому что те вещи, которые в 30-х годах проходили перед нашим детским взором, были совершенно однозначны. Можно было еще поверить, допустим, что маршал Тухачевский — немецкий шпион или что шпионы другие высокие начальники. Но согласиться с обоснованностью массовых репрессий, которые совершались по отношению к простым людям, крестьянам, учителям, рабочим, мы уж никак не могли. Мы никак не могли поверить, что какой-нибудь малограмотный колхозник, трудяга, ничего, кроме земли и работы, на этой земле не знавший, является изощренным агентом

трех иностранных разведок. В это никто не верил. И нам не было нужды проникать в тайную деятельность далеких «врагов народа», «вредителей» — мы у себя под носом видели этих «врагов» на примере своих соседей. И, конечно же, как и многие, не могли не задаваться вопросом: кто виноват? Безусловно, были и какие-то иллюзии, вроде той, что Сталин всего не знает, что многое происходит по инициативе местных властей. Но ведь такое происходило не только в одном районе — по всей стране, об этом писали газеты. И неизбежно вставала фигура, являвшаяся творцом всех наших побед, нашего счастья, а стало быть, и наших несчастий. Безусловно, и в то время находились люди с зашоренным взглядом, которые не могли, а кто-то из-за привилегированного положения не хотел расценивать должным образом происходившее в стране. У меня же очень рано сложилось определенное отношение к Сталину и сталинизму, которое слегка просветлело в годы войны под впечатлением наших побед над фашизмом. Но в послевоенное время оно окончательно оформилось как отношение к беспросветной диктатуре.

Тут может возникнуть вопрос: почему мы молчали? Да, случалось, что некоторые теряли выдержку и не могли смолчать, но все они заканчивали одинаково: как враги народа, шпионы и диверсанты, укрывшиеся агенты гестапо, власовцы. И это боевые офицеры, прошедшие войну, кавалеры многих орденов! Вся страна существовала в атмосфере подозрительности, была пронизана системой слежки, доносительства. Можно было питать некоторую уверенность, что доверительный разговор останется без последствий, если он происходил между двумя близкими людьми. Если же в разговоре участвовал третий, то никакой гарантии не существовало, третий мог оказаться сексотом, и неприятности следовали незамедлительно.

Долгое время в своем занятии литературой я обходился собственным фронтовым опытом, так сказать, своеобразным следствием, проявлявшимся во фронтовой действительности, и мне понадобились годы, чтобы осознать необходимость причинности. Что касается темы войны, то причинность многих ее аспектов лежала в предвоенных годах, это виделось явственно, но необходима была определенная решительность начать ворошить почти запретные для искусства 30-е годы. Разумеется, решимость пришла не сразу, да и все наше общество в предыдущие десятилетия вряд ли было способно подобающим образом воспринять правду о 30-х.

— Не кажется ли вам, что сегодняшняя баталия вокруг Сталина и его приспешников, подобно прошлому повальному восхвалению

«достижений» социализма, отвлекает нас от более насущных проблем дня, направляя социальную активность не в ту сторону?

— В таком случае я хочу спросить: кто это «мы», которых все время что-то отвлекает, что-то не туда направляет? Откуда такое безволие и такая легкая управляемость? Это если иметь в виду подопытных лабораторных мышей, то, конечно, ими следует манипулировать, для того они и существуют. Или если это темные, невежественные толпы, которые управляются волей вождя, то, разумеется, их воля и отвлекается, и направляется в соответствии с волей вождя. Но ведь мы же просвещенное общество и развиваемся в направлении демократического обновления, где каждый человек должен сознательно определить свой выбор, как и свое отношение к тому или иному явлению. Кто его может отвлечь в сторону? Вот и противники рок-музыки бесконечно твердят о ее пагубной силе, которая якобы ведет молодежь в пропасть, черт знает куда. Но я полагаю: молодежь — не скопище незрячих существ, которых можно куда-то не туда завести. Молодежь теперь пошла волевая и идет туда, куда хочет идти. Попробуйте ее загнать, куда она не хочет. Не пробовали? Пора уже понять, что в демократическом обществе кое-что может зависеть и от воли граждан, не только от намерений власть имущих.

— Как вы относитесь к созданию у вас в республике общественных объединений и групп «Талака», «Мартиролог Белоруссии», «Тутэйшыя»?

— Известно, что партия, явившаяся инициатором перестройки, активизировала инициативу широких народных масс. В самом деле, после длительной спячки, инертности, политического нигилизма массы проснулись и желают включиться в живое творческое дело. Молодежь первой отреагировала на перестройку созданием так называемых «неформальных» объединений. У нас их несколько. «Талака», куда входит в основном учащаяся молодежь, может быть, самое массовое и самое активное. Что значит слово «талака»? Это известная с древних времен форма сельской взаимопомощи, работа сообща. Объединение носит характер просветительского, культурно-исторического общества и, надо сказать, многое сделало для республики. Естественно, своей активностью «Талака» очень скоро вошла в конфликт с бюрократией. Этот конфликт обострился после того, как «Талака» провела несколько митингов в защиту исторического центра Минска, оказавшегося под угрозой разрушения. Ее начали печатно обличать во всех явных и мнимых грехах. За «Талаку» заступилась интеллигенция, но дискуссия вскоре обрела односторонний характер

обличения почти всех неформальных объединений республики. «Неформалы» при этом были лишены какой-либо возможности высказаться в печати, объявить о своих целях или сделать попытку оправдаться. На заявку «Тутэйшых» о проведении митинга памяти предков городские власти ответили запретом. Это, разумеется, накалило обстановку в городе и создало атмосферу конфронтации между молодежью, «неформалами» и городскими властями. Возник конфликт, для которого не было сколько-нибудь убедительных причин, кроме разве что желания властей «поиграть мускулами» в виде милицейских формирований в касках и пуленепробиваемых жилетах.

Бюрократия пытается инцидент 30 октября представить как национальный, причислив его к разряду межнациональных отношений. Но это не так. То, что произошло 30 октября в Минске, менее всего затрагивает межнациональные отношения и является чистой воды покушением на развернувшиеся в республике демократизацию и перестройку. Рано или поздно это придется признать республиканскому руководству.

— Что же, Минск против перестройки?

— Минск не против перестройки. Более того, могу с уверенностью заявить, что ее идеалы он воспринял не только умом, но и сердцем. Но все дело в том, что у нас еще очень сильна инерция застойных лет, когда всякое движение в обществе осуществлялось лишь с позволения и по инициативе верхов. Теперь же эти верхи во многих случаях не продвинулись далее разговоров о перестройке, решительно сопротивляясь всяческим инициативам снизу.

Не успело, скажем, общество «Мартиролог Белоруссии» декларировать свои цели, как Министерство юстиции БССР объявило о незаконности общества. Оказывается, его учредители (три творческих союза и редакция газеты «Літаратура і мастацтва») не соблюли требования двух постановлений — ЦИК и СНК СССР от 1932 и 1935 г.г., то есть антисталинское общество создано в нарушение сталинских законоустановлений и потому подлежит ликвидации.

Отчего подобное происходит?

Тому много причин. Но главная из них, на мой взгляд, состоит в том, что мы еще не доросли до осознания необходимости демократизации общества, до понимания политической активизации народа как непременного условия раскрепощенного экономического развития. Длительная борьба национальной интеллигенции против забвения белорусского языка закончилась многословным паллиативна постановлением — типичным образцом бюрократического бумаготворчества прошлых лет. Экологическая обстановка в республике вопиет

о принятии срочных мер, но вместо них — снова многословные туманные постановления. В моду у руководящих бюрократов вошли долгосрочные прожекты — на период до 2000 года и далее, выполнение которых, разумеется, за пределами возможности их творцов и в которых, при всем к ним уважении, трудно усмотреть какие-либо шансы на выполнение. Эффективных же мер нет и пока не предвидится. Вместо них тратятся немалые усилия на борьбу с ее критиками — «неформалами», оргкомитетом Народного фронта, писателями.

Мы очень долго и упорно боролись «за» и боролись «против». И теперь, оказавшись перед пошатнувшимся «образом врага», растерялись. Надобность видеть перед собой коварного врага уже стала почти врожденной потребностью. Особенно это относится к нашей бюрократии, которая в таких случаях за неимением врагов действительных готова по первой подсказке наброситься на врагов воображаемых. В прежние времена они активно создавались соответствующими органами, теперь порождаются воспаленным охранительным сознанием некоторой части чиновничества.

— Как вы восприняли «Записки» К. Симонова «Глазами человека моего поколения»?

— Я знаю, что к этому произведению относятся по-разному. Дело в том, что многое из написанного в предыдущие годы может быть неадекватно сегодняшней нравственной и общественной атмосфере. Известно, что политика и атмосфера меняются. Но если написанное является честным свидетельством человека о событиях, в которых он участвовал или к которым был причастен, то значение написанного не убывает со временем. Очевидно, надо исходить из того, в каких условиях создавались «Записки». Ведь многие произведения того «застойного» или сталинского времени, которые мы сейчас перечитываем, кажутся нам пресными, недостаточными по глубине постижения правды, хотя в свое время они были весьма радикальными. Поэтому подходить к ним надо, пожалуй, конкретно-исторически. Я не нахожу в «Записках» Симонова какой-либо ущербной тенденции. Как и каждый из нас, Симонов был человеком своего времени, он находился на определенной ступени власти или писательской иерархии и свидетельствовал о своем опыте честно и талантливо. Честность же в искусстве, по-моему, всегда достойна одобрения. Есть там, безусловно, и моменты конформистские, хотя этот конформизм — тоже знак времени, своеобразное свидетельство истории. Но честный рассказ о прошлых заблуждениях не может являться поступком безнравственным.

— Мы прочитали в «ЛГ» о вечере памяти В. Некрасова в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, где вы выступали. Наконец-то, и очень, очень жаль, что Виктор Платонович не дожил до официального признания его таланта, его заслуг перед отечественной литературой.

— Это знак перемен в стране — возвращение Некрасова, который еще недавно был совершенно неупоминаем нигде и никак. Мне не удалось опубликовать даже нескольких строк по поводу его кончины. Теперь стало возможным о нем говорить. Печально, конечно, что все это происходит уже после того, как человек навсегда ушел из своей земной жизни. Тут, видимо, мы во власти традиции: не он один, очень многие стали терпимы для общества, даже признаны им после того, как переселились в мир иной. Так было, например, с Буниным, Набоковым, Ахматовой. Зачастую общественное мнение не приемлет художника при жизни, и только когда он уходит из нее, начинается пересмотр наших взглядов и устанавливается иное к нему отношение.

В том, что В. Некрасов оказался на Западе, не столько его вина, сколько беда, потому как здесь ему были созданы такие условия, что человек, элементарно уважающий себя, просто не мог существовать. На вечере об этом говорили хорошо знавшие его киевляне и москвичи. Когда писателя по наущению властей подкарауливают на улице, избивают, когда в его квартире производят обыск, длящийся непрерывно почти двое суток, когда конфискуется его архив, написанное, задуманное, то ему физически существовать в этом обществе становится невозможно и он уезжает — хоть куда-нибудь... Пример Некрасова — не единственный, к сожалению. В журнале «Театр» напечатана весьма примечательная стенограмма двух заседаний — драматическая история Любимова и Театра на Таганке. Я думаю, что человеку, прочитавшему эту стенограмму или материалы суда над Бродским (в «Огоньке»), сразу станет ясно, в каких условиях работали режиссер и его театр, в каких условиях жил поэт. Можно ли в таком случае, как у нас это делалось, с легким сердцем обвинять в чем-либо художника? Мне думается, что если он не соглашается стать покорным ничтожеством, то должен реагировать доступным для себя образом. При этом следует иметь в виду, что широкая общественность мало что знает. Истинный механизм происходившего, конечно, тщательно скрывался, травля совершалась втайне, и пресса злорадно выдавала только печальное следствие, тщательно скрывая его причины.

Как было бы хорошо, если бы не было того, что, к сожалению, было, если бы наша литература развивалась так, как ей полагается

развиваться в условиях цивилизованного, истинно демократического общества на основе единственно возможной для нее ценности — личности и таланта. Увы! Талант, как это у нас повелось, не гарантия признания, чаще причина и повод для поношения, побивания камнями. Гарантией признания совсем еще недавно были иные, ничего общего с литературой не имеющие качества. Может показаться, что говорить обо всем этом теперь и не следует, но не забудем, что уже в дни перестройки от члена Союза писателей исходило пожелание партийному руководству выступить с документом, подобным постановлению о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Для меня как читателя проза Виктора Некрасова — прежде всего честный, незамутненный человеческий взгляд на войну, на проклятую и великую нашу войну с немецким фашизмом. Не знаю, каким способом удалось ему в обстановке, так мало подходящей для человечности, воспитать в себе и сохранить на десятилетия этот взгляд и эту человечность. Как он его реализовывал и отстаивал в литературе, мы знаем, мы этому были свидетелями и видели, что далось ему это ценой невероятного упорства и противостояния столь же невероятному по силе давлению среды — бытовой, литературной, партийной, государственной. Далее: для меня чрезвычайно важно, что Виктор Некрасов (может быть, первым в нашей литературе) явил миру правоту и высокую сущность индивидуальности на войне, значение личности — если не в противовес, то хотя бы наряду с правотой и сущностью класса, коллектива, общества... Хотя бы наличие индивидуальности в среде, менее всего для нее уместной, среде, какой являются война и армия с их абсолютом подчинения одного всем, жестким нивелированием всякой разности.

Виктор Некрасов увидел на войне интеллигента и, в отличие от расхожего в нашей литературе взгляда на него как на хлюпика, жизненную никчемность, человека не от мира сего, утвердил его правоту и его значение как носителя духовных ценностей в условиях, так мало способствовавших какой-либо духовности. Впрочем, это правомерно и понятно: сам будучи в высшей степени явлением духовности, он и выразил то, что должен был выразить в литературе. Наверное, это было непросто: в стране, где уничтожено крестьянство, подавлена инициатива рабочих масс, интеллигенция оказалась единственно возможным фактором духовного прогресса, и потому именно она испытывает на себе все то, что судьбой уготовано испытать историческому авангарду общества.

Конечно, во многом В. Некрасов опередил свое время и, как нередко случается в искусстве (и не только в искусстве), в итоге за это

сурово поплатился. Ибо нет пророка в отечестве своем — слова, принадлежащие земной вечности и более всего подходящие для того, чтобы значиться на его надгробии. И может ли нас утешить мысль, что не только на его надгробии. То, что случилось с Виктором Некрасовым, недавно еще было нашим национальным бытом, судьбой, главной сущностью политики государства по отношению к чести и достоинству вообще. Недавно еще казалось: иначе и не может быть, потому что иначе и не было никогда. И обелиски, кресты, струхлевшие пеньки на могилах лучших сынов Отечества рассыпались по всему необъятному пространству страны и за ее пределами — от заселенной безвестными могилами Колымы до не менее заселенного Сен-Женевьев де Буа. Что ж, мы привыкли: это наша судьба и наша история, доселе, к сожалению, еще не воплотившаяся в нашу объективную историографию.

— Как вы, военный писатель, оцениваете роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба»?

— Значение этого романа, на мой взгляд, выходит далеко за рамки понимания военной темы. В известном смысле «Жизнь и судьба» — открытие для нашей литературы. Именно из этого романа мы узнали поразительные вещи, касающиеся удивительной схожести двух, казалось бы, совершенно противоположных систем власти в крупнейших державах Европы. Выясняется, что имперское движение в Германии номинально являлось также и социалистическим, ставящим целью построение гармонического народного государства, разве что на расовой основе: гитлеровская партия официально носила название «немецкая национал-социалистская рабочая партия»; фактической основой власти и тут, и там был открыто выраженный автократизм, обоим государствам, хотя, может, и в разной степени, были свойственны такие явления, как культурный нигилизм, власть всемогущей тайной полиции, разветвленная, не знавшая прецедента в истории земной цивилизации система концлагерей, полное попрание элементарных прав человека.

Автор «Жизни и судьбы», может быть, первым в нашей литературе осознал это сходство и с умом и блеском воплотил его в книге, уже одним этим подняв роман до уровня вершинного достижения современной литературы.

Конечно, арест «Жизни и судьбы» даже в условиях тех лет — событие чрезвычайное, но горестных историй из тогдашней творческой, издательской жизни можно припомнить множество. Мне, например, долгие годы не удавалось опубликовать ни одной вещи, которая бы не была испохаблена редактурой. Степень этой испохабленности

зависела от многих причин, в том числе и от уступчивости автора тоже. Потому что в конце концов автор мог не издавать своей вещи, прекратить печатание. Но часто получалось так, что автор к моменту публикации был предельно истерзан, лишен сил и надежд, воля его была подавлена, все было немило — лишь бы закончилось поскорее-

Теперь времена изменились, от художественной литературы отстранена цензура, и это, может быть, самое значительное наше достижение, так же, как и гласность. Но как показывают события последнего времени, все это не обходится без значительных издержек: ведь гласность с еще большим успехом используется и бюрократией, которая оказывает жесточайшее сопротивление перестройке. Есть реальная опасность того, что еще несколько поворотов в определенном направлении — и гласность может потонуть, раствориться в псевдогласности, доступной только бюрократии. Я не знаю, что и как будет дальше, хотя уверен, что уроки перестройки, даже если она не будет осуществлена в том виде, в каком задумана, — уроки эти чрезвычайно важны для будущего. Наверное, в следующее столетие перейдет именно гласность как самая значительная веха нашего времени. «Все минется, а правда останется», — написал в лихое для меня время А. Т. Твардовский. Он был прав.

— В «Новом мире» ваши вещи также подвергались редакторской экзекуции?

— Понятно, что и там при редактировании старались убрать многие острые моменты, чтобы не раздражать цензуру, не вызвать дополнительно придирок, чтобы не цеплять начальственный взгляд в инстанциях. Но все-таки три повести в «Новом мире» Твардовского — «Мертвым не больно», «Атака с ходу» и «Круглянский мост» — были напечатаны с наименьшими издержками. «Круглянский мост» — совсем без купюр. «Атака с ходу» потеряла авторское название: на белорусском языке повесть известна как «Проклятая высота», но «проклятая»— уже какой-то намек, негатив, и в редакции решили дать ей нейтральное название, которое, по-моему, просто плохое.

— Есть ли в Белоруссии общество, аналогичное «Памяти»?

— Наверное, есть «Память» и в Белоруссии, кое-какие признаки подтверждают это. В Минске живет один из ее неофициальных идеологов, известный не только в Белоруссии кандидат философских наук Бегун. Одно время он вроде бы замолчал под обличительным напором всесоюзной печати, но вот в ноябрьском номере «Нашего современника» снова подал свой голос. Так что он активничает и, видимо, при поддержке некоторых печатных органов еще будет активничать, потому что «Память» — это же не «Талака», это та орга-

низация, которая находит трибуну. В этой связи возникают, конечно, разные вопросы, которые мне сегодня кажутся не просто странными — дикими. Особенно после рязанского секретариата, а также последнего пленума правления Союза писателей РСФСР и ряда скандальных выступлений там.

Слишком хорошо известно, сколько несчастий принесли человечеству крайности национальных чувств — шовинизм и национализм, чтобы мириться с их проявлением в конце XX века. Рецидивы их, в общем, понятны, как понятна и природа давней вражды в Закавказье, да и в разных других местах. Беда, однако, в том, что человечество до сих пор не научилось подчинять древние инстинкты демократическим принципам сосуществования, разрешать старые конфликты на основе современного права. Вот еще проблема для общественной мысли, для литературы и всего современного искусства.

— Что вы думаете о том факте, что в наше время в Гори, на родине Иосифа Джугашвили, люди днями и ночами дежурили у памятника «отцу народов»? Неужели они так и будут радостно пребывать в плену своих заблуждений по отношению к Сталину?

— Вы думаете, они чувствуют свои заблуждения? Они могут их не почувствовать никогда. Это уж как кому выгодно. Пусть толпа дежурит, если ей этого хочется. Толпа не народ. Вопрос в другом: почему такое разрешается, а иное строжайше запрещается? Ведь закон един, и закон есть закон. Но в Москве во Дворце молодежи под видом вечера памяти А. Косарева устраивается, по существу, многолюдный митинг «Памяти», на котором, как рассказывают, присутствовал, кстати, бывший харьковский прокурор, получивший известность своими судебными исками в защиту Сталина. А в Минске семеро активистов «Талаки», собравшихся на частной квартире, извлекаются в отделение милиции, где им устраивается унизительный допрос. Поклонников Сталина в Гори открыто фотографируют корреспонденты многих изданий, а в Минске 30 октября милиция разбивала фото- и кинокамеры, задерживала и ослепляла слезоточивым аэрозолем корреспондентов республиканских и центральных газет и телевидения, препятствуя выполнению ими своего профессионального долга. Как это совмещается с законом и идеями демократизации?

Я упомянул о бывшем харьковском прокуроре. Судебный процесс по его иску во многом поучителен, и очень важно, что по нему снят фильм и что этот фильм показан по Центральному телевидению, что его могли увидеть многие. Для тех, кто в курсе современных событий, он вряд ли добавил что-либо новое, но для

других, пожалуй, стало видно явление — тип «классического» сталиниста, несмотря на историю, вопреки опыту народа и даже наперекор собственной судьбе. К сожалению, этот тип распространен более, чем нам кажется, и не только среди людей старшего поколения. Идеи сталинщины живут и среди тех, кто помоложе, особенно в среде бюрократических кадров, сторонников «твердой руки», тоска по которой ощущается все явственнее. Со всей определенностью можно сказать: Сталина нет, но психология сталинщины жива — может быть, из-за наших зачастую неумелых и непоследовательных попыток демократизации.

— Нынче очевидно противостояние двух групп журналов. В чем, на ваш взгляд, существенная разница их позиций?

— Конфронтация, которая наметилась в литературе, была бы неизбежной и трудноустранимой, даже если бы она понималась лишь как несовпадение взглядов, столкновение мнений, в какой-то части, допустим, как несовместимость нравственной позиции. Но если, как это имеет место в данном случае, конфронтация носит характер политический, идейный (а я именно так ее понимаю) и размежевание идет по линии сталинизма, но тут уж вообще ничего невозможно сделать, как только бороться. Конечно, при этом постороннему взгляду не все видно и не все достаточно ясно. Мы лишь что-то ощущаем между строк, в каком-то отдалении, как какую-то тайную пружину, причину действия: то же, что в словах, — это уже следствие. На самом же деле отношение к Сталину и сталинизму главным образом и определяет расхождение этих групп. Сейчас, наверное, оно становится все более явным, и когда мы встречаем в некоторых статьях экивоки их авторов, вроде того, что Сталин, мол, был такой и этакий, отчасти «да», но в то же время и «нет», тут уже начинается то, что пропастью разделяет людей: они оказываются по разные стороны баррикады. Здесь разъединение принципиальное, и примирить стороны очень сложно.

— Ответьте, пожалуйста, па вопросы, касающиеся вашей профессиональной работы. Что, по-вашему, до сих пор не сказала литература о войне и что вы лично можете еще сказать о ней?

— Я думаю, что литература может еще многое сказать о войне. Я уже писал, что по крайней мере на протяжении десятилетий главным, что успешно разрабатывалось литературой, вообще нашим искусством, был героический аспект. Природа и проявления героизма на войне, по-моему, отработаны уже до предела. А другие моменты, в том числе нравственные, психологические и еще кое-какие, имеют свой запас неотработанности. Мне кажется, что наибольшие возмож-

ности в этом смысле таятся именно в народной войне. Не во фронтовой, не в войне нашей армии, а в чрезвычайно сложных и запутанных ситуациях на оккупированных территориях.

— Сейчас много пишут и говорят о творческих союзах. Ваше мнение: Союз писателей в его сегодняшнем виде нужен?

— В своем нынешнем виде Союз писателей оправдал себя лишь в качестве начальствующего, административного или карающего органа. В самом деле, вспомните, сколько одиознейших кампаний было проведено против отдельных писателей — не руками НКВД, КГБ, даже не руками партийных, бюрократических органов, а самими писателями. Наверное, это «великолепно», когда сами — себя! И высокое руководство может при этом отойти в сторону: не оно учинило расправу — сами коллеги постарались. Разве Пастернака, допустим, и многих других осудила не сама литературная общественность? Это был стиль отношение верхов к литературе, а осуществлялся он в рамках и средствами Союза писателей. Так сказать, по методу самообслуживания. Поэтому если мы действительно стремимся покончить с тем, что пережили, и стать обществом демократическим, то Союз писателей в том виде, в каком он пребывает ныне," писателям ни к чему. И я полагаю, что в будущем на смену ему, по-видимому, придут добровольные объединения писателей на основе общности художнических взглядов, этнической общности, просто по чисто человеческим влечениям. Как это было отчасти в 20-е годы у нас или как это имеет место сейчас в западной литературе. И таким объединениям вполне разумно будет иметь свои печатные органы, не обязательно многотиражные. Пусть их тиражи будут 15-20 тысяч; общество всегда заметит нечто принципиально важное, а издательства размножат в необходимом количестве.

— Вы были в США, когда М. С. Горбачев выступал на сессии ООН. Ваши впечатления об этой поездке?

— Не хочу прибегать к банальностям, сообщая, что Нью-Йорк поражает грандиозностью и контрастами, это действительно так, хотя это уже известно и школьникам. Меня, как и других, кто на сессии ООН слушал выступление М. С. Горбачева, поразили многие положения этой действительно эпохальной речи (одностороннее сокращение вооруженных сил, призыв к сокращению финансового долга развивающихся стран и др.). Но, может быть, более всего президент нашей страны тронул сердца людей, гуманитарной интеллигенции мира признанием несомненного приоритета общечеловеческих ценностей, без которых существование рода человеческого не только бессмысленно, но и невозможно.

Такое из уст руководителя нашего государства в этих стенах звучало впервые и не могло не поразить объединенное содружество наций. Это действительно достижение, путь к которому был нелегок и стоил огромных жертв.

ВЫСТУПЛЕННЕ НА VII З'ЕЗДЗЕ СП БССР

Май 1989 г.

Вядома, сёння хацелася б гаварыць найперш пра чыста літаратурныя справы, пра нашыя тэмы, стыль, ступені нашага літаратурнага майстэрства. Пра нашых герояў-сучаснікаў. Так, як мы гэта рабілі 5-10 і 20 гадоў таму, калі шчыравалі з трыбун, каб павярнуць літаратуру тварам да здзяйсненняў сучаснасці, да нашых герояў-працаўнікоў, да несумненных заслуг мудрага кіраўніцтва і, вядома ж, «авангарднае ролі партыі», якая так паспяхова вяла нас «ад перамогі да перамогі». Але во настала абуджэнне, хваравітае працверазенне пасля шматгадовай эйфарыі, і свет убачыў, што нашыя героі — не болей як пухіры, надзьмутыя нашай фантазіяй, рай наш — не што іншае, як галеча на 57-ым месцы ў свеце, а нашы «ум, честь и совесть» вялі нас туды, куды і сама не ведала. Значыць, завяла, як той міфічны Сусанін! Дзе цяпер выйсце з гэтага тупіку і заняпаду, у якім апынуліся, а найболей — у якіх яшчэ апынёмся. А што апынёмся, тое відавочна ўжо для цэлага свету.

І во дзіва: як ішлі ў той перад, быццам ніхто не заўважаў, не біў трывогу, не пратэставаў, — не толькі не спаліў сябе на плошчы, як той беспрацоўны славацкі камуніст, але нават не пасварыўся з начальствам. Каб нічога таго не бачылі, не заўважалі, дзень і ноч побач грукаталі глушылкі і шчыравалі ўсе органы, парткомы, арганізацыі — ад ЦК да СП, столькі сілы і грошай было патрачана на тое, каб схаваць найперш ад саміх сябе найвялікшы дзяржаўны сакрэт — бег да прорвы. Для таго ствараліся песні, пісаліся раманы, краіна жыла ў штучна створанай і старанна падтрыманай эйфарыі благадзенства і праведнасці.

Цяпер настала эйфарыя іншага зместу, эмоцыі гневу заклакаталі ў нашых грудзях. Зрэшты, яно і правамерна: куды ж было падзецца тым эмоцыям, не зважаючы на ўсё, накопленым за столькі гадоў нематы і змушанага аптымізму. І гэта добра, што яшчэ захавалася гэтая здольнасць душы да неспакою, да хоць бы спазнелага і боязнага пратэсту. У тым пэўная адзнака таго, што нацыя не ўмёрла ў сваёй стогадовай быдлячай пакорнасці.

Але перабудовачныя зрухі апошніх год абудзілі не толькі праведныя народныя эмоцыі — прахапіліся ад спалоху і іншыя сілы. З розных куткоў краіны і асабліва верхніх паверхаў кіраўнічых гмахаў пачуліся слёзныя крыкі: нішчацца высокія арыенціры, хістаюцца ўстоі, глядзі рухне ўвесь так старанна збудаваны палац народаў і настане канец.

Але каму — канец?

Калі чытаеш у «ПС» несканчоны лямант наконт пагібелі асноў, дык цяжка адмовіцца ад думкі, што некаму, відаць, ёсць што губляць са стратай тых шматгадовых устояў. Інакш бы так не лямантавалі. І праўда, ёсць. І сярод гэтых страт найперш, вядома, — яе вялікасць улада над уся і ўсім, чароўная адмычка ад усяго іншага, жаданага і зваблівага ў жыцці. Так, улада! Гэта некалі, у мінулым, людзі імкнуліся да традыцыйных даброт жыцця — зямлі, грошай, маёмасці, таго, што давалася працай некалькіх пакаленняў. Цяпер жа, каб дасягнуць жаданага, трэба зусім іншае, і найперш — паслужлівасць. Розум? Дзелавітасць? Сумленне? Не толькі не абавязкова, але часцей за ўсё і замінае. Значыць, толькі паслужлівасць. Без гэтае самай распаўсюджанай пошасці веку не можа абысціся ніхто — ні чыноўнік, ні навуковец, ні мастак. Усё — талент, шчырасць, дабрыню і розум перамагае магутны молах улады, тыя, хто маюць уладу, хто на паўдарозе да яе, хто мае для яе патэнцыяльныя даныя. Перад уладай не можа ўстаяць ніхто. І калі сярод нас усё ж знаходзяцца тыя, што могуць сёння сказаць, што яны незалежныя ад яе, што яны ўбераглісся ад яе смяротна-зваблівых чараў і жывуць вольнымі людзьмі, дык мы павінны зняць шапку перад гэтымі нешматлікімі людзьмі.

Павінны! Але ці здымаем? Ці таму нас вучыць жыццё? Хутчэй за ўсё мы іх узненавідзім. За тое, што яны не такія, як мы. Не такія дробязныя трапетуны, як многія, і могуць сказаць, што думаюць. І нават выйсці на плошчу. Але тым яны быццам прыніжаюць нашу мізэрную годнасць. І прычыняюць клопат. А калі яшчэ да ўсяго дадаецца іх несумненны талент, дык наогул нашае непрыязні няма мяжы. Ужо тут мы не дамо ім узвысіцца хоць бы з прынцыпу, мы іх імкнёмся прынізіць, паставіць у наш звыклы рад. Любячы літаратуру, усё ж сябе мы любім болей за ўсё. Раней для таго прыніжэння былі хлёсткія азначэнні — «папутчык», «вораг народа», «ідэалагічны дыверсант». Цяпер не менш хлёсткія — «нефармал», «дэмакрат», «народнафронтавец». Але ці не час паразумнець некаторым штатным энтузіястам пісьменніцкай канферэнц-залы — часы ўсё ж мяняюцца. Калі яшчэ да нас тое не дайшло, дык дойдзе, бо дайшло да іншых — нашых суседзяў, блізкіх і далейшых, дзе некаторыя з былых «нефар-

малаў», «заклятых дэсантаў», сталі героямі нацыі, прэм'ер-міністрамі, прэзідэнтамі. Але што ж, у нас на Беларусі — усё не так, як у людзей, прынамсі як у Еўропе. На жаль, мы ўсё яшчэ — не Еўропа, і гэта не зважаючы на нашу гераічную гісторыю, на нашыя ахвяры, наша легендарнае доўгацярпенне, якому няма мяжы.

Але ж колькі можна? Чаму нас нічому не вучыць не толькі гісторыя, але і сённяшні самы надзённы і балючы вопыт, учарашнія падзеі, горкія і ганебныя?

Цяпер нярэдка пачуеш, што СП не адпавядае новаму часу, састарэла яго структура, патрабуе абнаўлення кіраўніцтва. Правільна: і састарэла, і не адпавядае. Але СП — найперш гэта мы самі; і кіраўніцтва наша такое, якога мы заслугоўваем. Не больш і не менш. Калі палітычная свядомасць СП, нашы палітычныя ідэалы — на ўзроўні свядомасці гуртка рыбаловаў-аматараў, дык чаго ж чакаць ад праўлення, прэзідыума, сакратарыята? І чаго чакаць ад народа, калі ягоную інтэлігенцыю, творцаў і майстроў прыгожага столькі гадоў імкнуліся ператвараць у нясмелую замуштраваную групку дзіцячага садзіку, да якой найбольшае патрабаванне, каб сядзела ціха. І сядзелі ціха. Дзесяцігоддзямі сядзелі, бяскрыўдна дазваляючы папінаць сабой зграі ідэалагічных наглядчыкаў ад класнай дамы Сінельнікавай да ідэалагічнага Прышыбеева — Паўлава, які нават стаў нашым калегам. Усё ж ён чалавек «сціплы», бо мог бы стаць і класікам і ўлезці ва ўсе хрэстаматыі, і атрымаць прэміі, і званні. Хто б яму перашкодзіў? Тыя, што цяпер выступаюць супраць ушанавання таленту Рыгора Барадуліна, аж распіналіся пра незвычайны талент Савелія Яфімавіча. А іншыя маўчалі. Як маўчалі, калі распраўляліся з А. Карпюком, калі ва ўпор не заўважалі Караткевіча. Калі на Траецкім прадмесці, дзе цяпер збіраюцца паставіць помнік ахвярам афганскай авантуры, бравыя хлопцы з адпаведнай выпраўкай лупцавалі дзяўчатак з мастацкага вучылішча за іх крамольную спробу правесці «гуканне вясны». Калі самадзейныя купальскія вогнішчы на працягу многіх гадоў залівалі з пажарных машын МУС. Верхам знявагі і непрыкрытага тэрору ў адносінах да беларускага народа стала, канешне ж, векапомнае 30 кастрычніка, калі ўчыніўся здзек над народнаю верай, традыцыяй, культурай, калі наваяўлены айчынны фашызм ва ўсёй красе паказваў сваё насарогава аблічча. На вялікі наш сорам, знайшліся і інтэлігенты, якія памкнуліся апраўдаць і адобрыць гэтае злачынства стагоддзя. Ну але што ж, хіба першы раз! Дзеля свае роднае партыі чаго не зробіш? Іншыя рабілі не тое — варта пачытаць сёння апублікаваныя стэнаграмы паказанняў некаторых з іх на славутых працэсах трыццатых гадоў. Можна звар'яцець, а мы перасталі і здзіўляцца.

Людзі могуць быць розныя — беспрынцыпныя і бяспамятныя, гісторыя ж жыве па сваіх законах і рупна робіць свой беспрыстрасны рэестр. Ад яе пільнага вока не засцеражэцца нішто. І тут нельга адкараскацца ад думкі, што мы, беларусы, нясём на сабе нейкую каінаву пячаць за немаведама якія грахі ў мінулым ці будучым. Я ўжо не кажу пра Чарнобыль, гэты гіганцкі атамны генацыд, які, здаецца, усё ж даканае нацыю. Асабліва пры такой эканоміцы і такой палітыцы. І пры такім начальстве! Незабыўны наш Караткевіч некалі расказваў прытчу, як Бог, стварыўшы зямлю, размяркоўваў яе між народамі. Нехлямяжыя беларусы, вядома ж, спазніліся, усё ўжо было падзелена. Апроч аднаго райскага кутка з мяккім кліматам, лясамі-барамі, рыбнымі рэкамі, урадлівымі палямі. І гэты куток Бог аддаў беларусам. Але каб тыя не заганарыліся, прыставіў да іх надта ж благое начальства. За шмат стагоддзяў, што мінулі з біблійскіх часоў, парадзелі лясы, спаскудзіліся рэкі, клімат змяніўся, але якасць нашага начальства засталася нязменнай. Столькі гадоў нацыя без лідэра! Ва ўмовах дэмакратыі, дык тое, можа, было б і няблага, але ж нам да дэмакратыі — як да таго гарызонту, які ўсё аддаляецца. Пакаленні пражылі без яе і, мусіць, будуць жыць новыя. Але як во пражыць без начальства?

Азіраючыся цяпер назад пры не надта і вялікім веку, бачыш, як няшмат было сярод іх людзей людскіх, у якіх за гады іхняй кар'еры не вытруцілася чалавечае ў душах. Бы слупы, яны стаяць у часе, аддзеленыя адзін ад аднаго кіламетрамі. А іншыя... Можа, упершыню за столькі год у нас з'явіўся старшыня ўрада спецыяліст і рэфарматар, і нацыя пазірае на яго з вялікай, ці не апошняй надзеяй. Хаця ў сучасных умовах усеагульнага развалу і ранейшага дыктату ЦК наўрад ці ён многа зможа...

Зрэшты, мы не максімалісты. Беларусь абышлася б і без выдатнага кіраўніцтва, але з такім, якое б не шкодзіла, не душыла, не цугляла нацыю на кожным кроку. А то па цуглянню наша рэспубліка, безумоўна, самая перадавая ў Саюзе. Нездарма Алесь Адамовіч гэтак трапна ахрысціў яе «Вандэяй перабудовы». Сапраўды, на што мы дзесяткі гадоў траціли свой грамадзянскі імпэт, свой творчы запал? На змаганне за тое, што даўно ўжо дасягнута ў самых слабаразвітых краінах, што для якой-небудзь Верхняй Вольты пройдзены і забыты этап. Дзесяткі гадоў мы змагаліся за родную мову — некаторыя касцьмі клаліся ў тым змаганні (як Уладзімір Дамашэвіч, напрыклад), закідвалі пісьмамі-снкамі ЦК КПСС, Гарбачова. За што пасля па адным іх цягалі ў ЦК на допыты, па сутнасці на здзек, бо ўсе пункты скаргаў ЦК КПБ разам з падначаленымі яму міністэрствамі настойліва

абвяргаў. Сёння, калі абставіны трохі змяніліся, аддамо належнае нашым братам, мастакам Беларусі, некаторым з навукоўцаў, настаўнікам, імёны якіх цяпер і не ўспамінаюцца. Гэта цяпер, калі стала можна, ТБМ раскашуе ва ўсенародным, афіцыйным прызнанні, і дай ёй бог раскашаваць і далей. Тое, што яна робіць, вядома, трэба рабіць. Але і не трэба заспакойвацца, па сутнасці нічога яшчэ не дасягнута. Трэба зразумець, што доўгачаканы акт надання дзяржаўнасці беларускай мове — не больш чым чарговы бюракратычны манеўр, нацыянальны падман. Пры цяперашніх далёкіх ад дэмакратыі пазіцыях нашага кіраўніцтва праблема нацыянальнае мовы застаецца нявырашанай. Для таго, каб беларуская мова стала сапраўды народнаю, дзяржаўнай мовай, відаць, патрэбна змена ўсяго антынацыянальнага, сервілісцкага ладу на суверэнна-дэмакратычны, што нам пакуль і не свеціць. Мабыць, мы яшчэ не дараслі да таго. Да таго дарасла Балтыя, а не Беларусь, рукамі якой цяпер спрабуюць душыць яе боскую ініцыятыву да волі. Саюзны ВС прымае законы аб крымінальнай адказнасці за тэрытарыяльныя прэтэнзіі, а Прэзідыум нашага ВС выдае заявы аб такой прэтэнзіі да Літвы. Сорам гэтай ганебнай акцыі падае, вядома, і на нас, творчую інтэлігенцыю. Нам найболей адно назваць за ганебныя акты, якія падпісваюцца тымі, хто, бы матылі, з'яўляюцца і знікаюць, ні за што не адказваючы. Як яны ні ў нас, ні ў Маскве не адказалі ні за Венгрыю 56-га года, ні за Чэхаславакію 68-га, ні за Афганістан. Нам жа заставацца на гэтай зямлі і ў яе гісторыі і, значыць, несці гістарычную адказнасць.

Могуць сказаць: а што мы можам?

Сапраўды, што?

Мы самі — задушаныя, нямыя і бяспраўныя. Дзесяткі год мы змагаліся за рэабілітацыю нашых няшчасных праведнікаў ад Гаруна да Гартнага і пяці дзесяткаў іншых дзеячаў культуры, на якіх ужо рыхтаваліся новыя абвінавачванні — так сказаць пасмяротныя, па другім заходзе. Год назад Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР праз Вярхоўны суд рэспублікі ўрэшце рэабілітаваў вялікую іх групу. Але без удзелу кіраўніцтва СП. Кіраўніцтва СП у той час вяло зацятую вайну з БНФ, даказваючы яму, сабе і найперш, вядома ж, начальству, згубу праграм БНФ, ягоных памкненняў да волі і незалежнасці. Чым скончылася гэтая барацьба, вядома — беспрэцэдэнтным для гісторыі нашай культуры ганебным уотэргейтам у нашым доме, самаўпраўствам міліцыі, знявагай годнасці ўсёй нацыянальнай інтэлігенцыі. І зноў без усялякага выніку — кіраўніцтва СП нават не пасварылася з начальствам. Як жа, а раптам начальства разгневаецца і адмовіць у свае панскае міласці? Факт гэтага ганебнага ўварвання ў «пошуках

бомбы», вядома ж, ніхто не расследаваў, і не развеяны падазрэнні, што некаторыя з апаратчыкаў СП і навялі міліцыю на гэты начны ўзлом. Я ўстрымліваюся ад каментарыя гэтага факта, хай яго ацэніць наша шаноўная грамада.

І што ж, на тым усё сціхла? Бомбу не знайшлі, але дакументы забралі, і ўсё скончылася? Скончылася хіба ў аператыўных зводках карных органаў, але для гісторыі толькі пачынаецца. І ўсё тое, безумоўна, праявіцца ў жыцці наступных пакаленняў, дзяцей тых дзяўчынак і хлопчыкаў, якіх лупцавалі веласіпеднымі ланцугамі каля Траецкага прадмесця, якіх труцілі газамі каля Маскоўскіх могілак, білі міліцэйскімі палкамі ля Курапат, дзе здаўна ляжаць у брацкіх магілах іхнія дзяды і прадзеды. Такое не забываецца, не знікае ў памяці народа і ягонай гісторыі, якія б высілкі для таго не рабілі камуністычная партыя, КДБ, МУС, нашы псеўдавучоныя ад Абэцэдарскага да Залескага. Безумоўна, апроч гісторыкаў, над тым парупяцца творцы: раманісты і мастакі, песняры і рэжысёры, якія цяпер змушаны змагацца, смешна мовіць — за прызнанне ў Беларусі яе нацыянальнай гістарычнай сімволікі. Пра тое нават нельга сказаць у далёкім ці блізкім замежжы — ніхто цябе не зразумее: чаму так? Які ў гэтым сэнс ці хоць бы якая логіка? Я не ўпэўнены, што тое разумеюць нават тыя, што забараняюць гэтую няшчасную сімволіку. Бела-чырвона-белы сцяг ім, бачыце, ненавісны за тое, што яго насілі паліцаі. Дык паліцаі ж насілі і штаны, што ж тады вынікае з вашых вучоных высноў, шаноўныя панове? Няма сумнення, усё гэта будзе смешна і недарэчна нават праз вельмі кароткі час. Але цяпер не смешна. Цяпер балюча і крыўдна, бо тупы жандарскі бот па-ранейшаму напірае і фізічнае існаванне нацыі, і яе стогадовыя духоўныя набыткі. Якія яна па крошцы выпрацоўвала ўласнымі высілкамі, высілкамі сваіх найлепшых людзей, збірала і зберагала — праз войны, голад, галечу, іншаземнае панаванне.

Народ — сірата без лідэра, гэта элементарна. Але яго будучыня не безнадзейная, калі ён мае ўласную інтэлігенцыю, якая генерыруе ідэі і з'яўляецца жыватворным ферментам палітычных працэсаў у грамадстве. Антынародныя, антынацыянальныя сілы гэта разумеюць выдатна, і таму такое шалёнае супраціўленне ў Беларусі сустракае яе Народны фронт. Усе сродкі кінуты на барацьбу з ім, з поўнаю пагардай да элементарнай цярпімасці, этыкі ці маралі. Але і непрызнаны Беларускі Народны фронт жыве, дзейнічае з апірышчам галоўным чынам на нацыянальна-дэмакратычную інтэлігенцыю, пры падтрымцы найбольш свядомых слаёў народа. І гэта дае надзею. У гэтым сэнсе нам трэба сёння азірнуцца на саміх сябе, паглядзець, якія мы

інтэлігенты і як выконваем свае абавязкі перад народам. Вядома, у мастацтве найперш талент, але, апроч таленту, яшчэ так неабходна сумленне. І калі талент — ад бога, дык сумленне — хоць и не цалкам, усё ж у значнай меры — ад нашае чалавечае волі. І калі мець на ўвазе наш дужа нават няпросты час і наша мастацтва, дык у іх, мабыць, болей за ўсё, і вырашае менавіта сумленне. Сумленне ва ўсім: у стаўленні да народа, да гісторыі, да сучаснасці і будучыні. Пісьменнікі цяпер усе разумныя і таленавітыя, ведаў у кожнага звыш меры. І дай бог, каб ён надзяліў нас яшчэ і сумленнем.

Ці трэба нам сваё карпаратыўна-цэхавае аб'яднанне, свой прафесійны саюз?

Безумоўна патрэбны.

Толькі не такі, якім мы ўжо сытыя па горла. Не як зброя ўлады супраць літаратуры, не сродак уціску, а такі, каб выражаў волю большасці, нашую волю і нічыю болей. Не міністэрства літаратуры, падпарадкаванае (каму толькі не падпарадкаванае — ад ЦК да райаддзела міліцыі), не дэпартамент папяровых спраў з трыма паверхамі пісцоў-чыноўнікаў. А наш родны дом, наша царква, калі хочаце, у якой бы пісьменнік мог знайсці праўду і абараніць свае інтарэсы. Менавіта абараніць, а не навучыцца літаратуры ці марксізму — ужо тым, калі захочам, мы як-небудзь навучымся самі. Кіраўніцтва тое павінна быць не ў ролі паноў-міністраў, а ў ролі нашых таварышаў, дэмакратаў па перакананнях, не дзялкоў, а сумленных, разумных грамадзян. Таленавітых? Так, было б пажадана, каб таленавітых, але тое зусім неабавязкова. Сумленных — во гэта абавязкова. Такое, каб не кіравала намі і не дазваляла каму б там ні было кіраваць сабой. (Надта ж нам добра вядома, да чаго прывяло такое шматгадовае кіраўніцтва над ім.) Каб мела свой гонар і паважала гонар іншых. Але найперш сваіх членаў і членаў іншых братніх творчых саюзаў. А калі якая несправядлівасць, уціск ці занядбанне — літаратуры або грамадства, — каб мела адвагу сказаць пра тое перад усім светам, а то і выйсці на плошчу. І павесці за сабой тых, хто яшчэ адважваецца людзьмі звацца.

Што, занадта? Не, не занадта. Іншых і розных у нас ужо было даволі. Цяпер патрэбны менавіта такія. Тым болей, што часы наступаюць далёка не райскія — горкія і цяжкія часы. Барацьба будзе зацятай. За хлеб, за гонар і праўду — для сябе і нашага цярпліўца-народа.

ПРАМОВА НА І З'ЕЗДЗЕ БНФ

Чэрвень 1989 г.

Вялікі клопат і нязгасная трывога сабралі нас тут, у слаўным святым горадзе, на суседскай зямлі. Клопат за нашу сучаснасць і найбольш — за нашу будучыню.

Пад пагрозай вымірання наша культура, наша старажытная мова. Дамагчыся іх аднаўлення старымі бюракратычнымі мерамі, мерамі пастаноў і камісій, — мусіць, марная справа, для таго патрэбны высілкі ўсёй грамады. Але каб намагчыся на тыя высілкі, перш трэба ўсвядоміць, што нам пагражае, і хоць як-небудзь арганізавацца. Патомкі нам не даруюць, калі на жыцці нашых пакаленняў перапыніцца гістарычны шлях нацыі і на яе касцях народзіцца беспамятнае племя манкуртаў. Ужо відаць пэўна, што эканоміка рэспублікі напярэдадні краху, і калі не будуць прыняты радыкальныя меры, у хуткім часе нас чакае галеча, картачная сістэма, усеагульная беднасць, пакутны лёс заняпалай краіны. Дзіўна, што тыя, ад каго мы гэтак залежым, зачараваныя магіяй планавання і планавыканання, не хочуць усвядоміць, якая бяда насоўваецца на рэспубліку.

Наш рух не дамагаецца ні багацця, ні ўлады. Але мы не хочам усенароднай галечы і прагнем справядлівасці. Здаецца, што беларускі народ за сваю надта драматычную гісторыю заслужыў лепшай долі, чым тая, якой яго адарыла шматгадовае панаванне бюракратычнай сістэмы. Урэшце толькі сляпы не бачыць, што гэтая сістэма аджыла сваё і не можа даць народу нічога. Цяпер яна занепакоена адным: праблемаю сваёй улады. Як, зрэшты, і заўсёды.

Шматпакутны народ Беларусі не баіцца цяжкасцей, не цураецца працы. Ён толькі хоча, каб гэтая праца не была марнай і ішла на карысць хоць каму-небудзь, калі не яму самому. Нядаўнія дзесяцігоддзі, аднак, засведчылі, што гэта элементарнае спадзяванне — самае праблематычнае. Напружаная праца мільёнаў, шматгадовае абмежаванне імі сваіх элементарных патрэб замест належнага плёну неслі гора ды расчараванні. Варта прыпамятаць, што нам даў Афганістан, Афрыка, Блізкі Усход, Цэнтральная Амерыка. Колькі яны нам каштавалі і чым адплацілі. Усё тое — несумненны вынік непамерных амбіцый, бескантрольнасці ды імперскай прагнасці нядаўняга палітычнага кіраўніцтва дзяржавы. Нацыянальныя і эканамічныя катаклізмы сацыялістычных краін — таксама вынік іхняй нецярпімасці, паліцэйскай па сутнасці знешняй палітыкі. Увесь свет сацыялізму

ўстрывожаны крызісам, у які яго ўвялі, і шукае выйсця. Сотні разоў ашуканыя, мы сваё выйсце павінны знайсці самі.

Наш рух за перабудову з'яўляецца нацыянальным па форме і дэмакратычным па зместу. У ім знойдзецца месца ўсім нацыям, з якіх складаецца народ Беларусі. Мы не выдзяляем з яго нашых даўніх братоў па зямлі і лёсу — рускіх людзей, якія даўно і бязвінна пакутуюць разам з намі. Таксама як і трагічную яўрэйскую нацыю, з якой на працягу ўсёй нашай гісторыі мы дзялілі небагатыя набыткі нашай зямлі. Палякі і літоўцы — нашы гістарычныя браты, і мы маем безліч сведчанняў сумеснага, сапраўды братняга існавання — у межах адной экалогіі, адной культуры і нават адной дзяржавы. Калі тое было магчыма на зары нашай гісторыі, дык чаму гэта немагчыма зараз? Народ павінен стварыць дзяржаву на сапраўды дэмакратычных пачатках — рэспубліку для ўсіх, хто ў ёй жыве і паважае яе гісторыю, мову, яе культуру.

У тым мы не адзінокія. У нас ёсць выдатны прыклад нашых братоў — прыбалтыйскіх народаў. У гэты судзьбаносны час яны аказаліся мудрэй і дальнабачней за нас, іх палітычная воля творыць цуд, і мы жадаем ім поспеху. Болей таго — мы ідзём следам, спадзеючыся на жыватворную сілу іхняга прыкладу, іхнюю дапамогу. Тое, што мы ў гэтым будынку, у святой для нашых народаў Вільні — найлепшы з магчымых доказаў нашай дружбы і еднасці.

Але гэта — толькі пачатак. Поспех усёй нашай справы будзе залежаць ад ступені палітычнай і нацыянальнай свядомасці народа Беларусі. Таму за справу, за працу!

Мы ступілі на цяжкую дарогу дэмакратычнага пераўтварэння жыцця, і на гэтай дарозе нас, мусіць, чакае рознае. Але мы маем упэўненасць: зорка нашага лёсу свеціць нам спераду.

Ззаду галеча, змрок, сталінскі таталітарызм.

Таму з вялікім клопатам і не меншай надзеяй адгорнем новую старонку нашай шматпакутнай гісторыі.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «НЕДЕЛЯ»

Июнь 1989 г.

Одним из несомненных и, быть может, самых значительных достижений нашей перестройки является небывалое прежде оживление социально-политической активности народа. Бесправные доселе массы, молчаливые «винтики» авторитарной системы, осознают себя деятельными участниками грандиозного преобразования страны,

понимая, что ее судьба в их собственных руках. Наверное, особенно близко к сердцу приняли это молодые люди, собравшиеся в десятки и сотни неформальных, самодеятельных, по существу, объединений, первоочередной задачей которых, как правило, стало содействие общественной и экономической перестройке страны. Многие из них проявили завидный энтузиазм, хотя и далеко не все у них получилось на выверенном, добропорядочном уровне, без чрезмерностей и перехлестов. И это понятно, если иметь ввиду, что как члены, так и руководство всех названных и не названных объединений — люди все-таки недостаточно искушенные в политике, а то и вовсе не обладающие опытом общественной деятельности. Несомненной положительности их целей не всегда сопутствует положительность средств и методов деятельности, иногда наличествует нечеткость идейных установок, политическая размытость вполне благих намерений. Но об истинной сущности всякого нового общественного движения разумнее судить по его практическим делам, а не измерять его степенью правоверности деклараций, которые на деле имеют обыкновение оборачиваться своей противоположностью.

В этом смысле многое в деятельности такого, например, белорусского объединения, как «Талака», заслуживает весьма положительной оценки. Именно «Талака» год назад привлекла внимание общественности к заброшенному урочищу Куропаты с его никому не известными ужасающими захоронениями, организовала там многотысячный митинг жителей Минска, провела благоустройство лесной территории. Она же неоднократно поднимала тревогу относительно плачевной судьбы Верхнего города в Минске, немало потрудилась по его реконструкции и восстановлению. Другое общественное объединение «Мартиролог Белоруссии» ценой драматических усилий добилось официального признания права белорусов на празднование Дня памяти предков, провело несколько предвыборных митингов в поддержку кандидатов в народные депутаты СССР, в число которых избран ряд известных и уважаемых в республике лиц из числа рабочих, ученых, творческой интеллигенции. По инициативе и с участием этого объединения было реабилитировано немало жертв сталинско-бериевского прошлого. Руководство оргкомитета Народного фронта Белоруссии выработало развернутую программу культурного, экономического и социального развития республики, программу, которая по отзывам специалистов, могла бы стать серьезным альтернативным планом развития Белоруссии на предстоящие годы. Могла бы, но до сих пор не стала, потому что не опубликована и, по существу, не известна широкой общественности.

Уже стало обыкновением, что о программных установках «неформалов» мы узнаем не из печати, не от непосредственных разработчиков, а из уст их далеко не беспристрастных критиков. Общественно-политическая позиция «неформалов» изначально квалифицируется ими как вражески-подрывная со всеми вытекающими отсюда последствиями. Актив и члены этих организаций подвергаются административному давлению, угрозам увольнения, судебного преследования, исключения из комсомола и партии. Почти вся практическая работа с «неформалами» в республике передоверена органам милиции и прокуратуры, уровень пра «осознания которых в стране общеизвестен и вряд ли нуждается в комментариях. Среди самых популярных методов последнего времени по отношению к «неформалам» у них является запрет, сила которого во многих случаях утратила свою былую действенность, а нередко и просто бессмысленна. Обличительные, малоаргументированные, а то и малограмотные публикации в республиканской прессе, принадлежащие перу известных по прошлой деятельности догматических авторов, активистов и ветеранов печальной памяти НКВД-МГБ, лишь способствуют созданию дополнительного, «страдальческого» ореола вокруг «неформалов». Их вынужденно затянувшееся молчание относительно собственных целей обретает романтическую притягательность для ищущей, социально активной части студенческой и рабочей молодежи, увеличивает популярность в народе. Это особенно наглядно проявилось на мероприятиях, посвященных третьей годовщине печальных событий в Чернобыле, когда несанкционированный «молчаливый» митинг возле Дома правительства, организованный «неформалами», собрал более пяти тысяч участников, в то время, как на официальный явилось едва полтысячи.

В своем запретительском раже городские власти нынче отказали минским «неформалам» в праве участвовать в общегородской первомайской демонстрации, и многотысячная колонна минчан и гостей столицы вынуждена была повернуть из центра города все к тем же Куропатам, где и провела митинг-маевку — с речами, выступлениями, чтением стихов и исполнением песен. Это несанкционированное мероприятие оказалось безупречным по организованности и продолжалось с утра до 5 часов пополудни под бдительным присмотром скучающего милицейского подразделения. (В этом смысле обращает на себя внимание в общем справедливое сетование МВД республики на нехватку сил и средств для борьбы со все возрастающей волной уголовных преступлений — убийствами, грабежами, насилием. Действительно, милиция вряд ли способна эффективно противо-

стоять, уголовщине в том числе, и потому, что много месяцев занята бессмысленной борьбой с «неформалами» и для основной милицейской работы у нее просто недостает сил).

Жизнь со всей убедительностью показывает, что распространенные в отношениях с «неформалами», безотказные в прошлом, методы силы и запрета отжили свое и неэффективны. Применение кулаков и спецсредств там, где требуется диалог, политический диспут и терпеливый процесс убеждения нередко приводит к обратным результатам, как это случилось, например, в Барановичах. Единственный кандидат в народные депутаты СССР первый заместитель предсовмина Белоруссии Ю. Хусаинов был провален на выборах в значительной мере по той причине, что на предвыборном митинге работники милиции пошли на избиение его оппонента художника М. Свистуновича. Именно необоснованные и недемократические меры против «неформалов» Минска со стороны первого секретаря горкома КПБ В. Галко явились главной причиной его неизбрания в народные депутаты СССР. Руководящая бюрократия до сих пор не хочет понять, что в отношениях с демократическими тенденциями правомерны лишь демократические методы, и там, где они отсутствуют, не могут помочь ни запрет, ни милицейские силы с самой совершенной экипировкой и спецсредствами, которые способны лишь усугубить драматизм положения. Трагический опыт Минска и Тбилиси достаточно красноречиво засвидетельствовал это.

Общеизвестно, что метод фальсификации идейных позиций противника, намеренное оглупление его с целью более скорой и доступной победы — не только показатель низкой культуры дискуссии, но и по большей части свидетельство неправоты «нападающего» оппонента. К сожалению, в борьбе с белорусскими «неформалами» именно этот порочный метод оказался самым ходовым и популярным. Ряд широко приписываемых им лозунгов и установок беззастенчиво утрирован, другие просто не принадлежат им и взяты оппонирующими органами из сталинско-бериевских арсеналов запугивания и шельмования. В такой атмосфере появились одиозные обвинения «неформалов» в противопоставлении ими белорусов —небелорусам, в якобы имевших место призывах расширения Белоруссии «до границ Великого княжества Литовского XIV века». В то же время трудно всерьез спорить с критиками тех положений «неформалов», которые действительно исходят от последних. Многие из этих положений трактуются их противниками как националистические, хотя на деле являются сугубо национальными и появились ныне в рамках развернувшегося процесса реабилитации национального языка и

национальной культуры. Белорусская национальная символика (флаг, герб Погоня) являются исторической национальной символикой, пять веков назад освященной совместно пролитой кровью под Грюнвальдом, длительной народной борьбой против иноземных захватчиков; историческое достоинство ее неподвластно никаким попыткам дискредитации или запрета. Равно, пожалуй, как и униатская церковь, которая возникла на Белоруссии задолго до немецко-фашистской оккупации и роль которой в христианизации Белоруссии давно и хорошо известна. Сакраментальную же ссылку на спецслужбы противника и радиостанцию «Свобода», якобы систематически освещающую деятельность «неформалов», вряд ли можно принять всерьез. Данная радиостанция с неменьшим усердием освещает и ход перестройки в стране, однако этот факт никак не может послужить основанием для ее свертывания.

С давних времен среди определенной части нашей партбюрократии бытует весьма эффектный способ защиты — конкретную критику в собственный адрес истолковывать как посягательство на роль и авторитет всей партии, придавать этой критике весьма вольный и расширительный смысл. Стоило А. Адамовичу назвать несколько фамилий минских руководителей в качестве противников перестройки, как тут же в республиканской печати поднялся лихой свист против автора, посмевшего не более не менее, как «оскорбить полуторамиллионный город-герой». Опять как в давние, недоброй памяти годы входят в моду анонимные псевдоразоблачительные публикации с весьма хлесткими, зачастую слабо доказанными обвинениями. Обществу понадобилось немало времени, чтобы понять и заклеймить как несоответствующую нормам нашей морали практику безымянных доносов, пресловутых «анонимок», но в иных областях жизни они до сих пор в ходу. Анонимные газетные статьи, справки, ориентировки, немало определяя в нашей общественно-политической жизни, будучи неизвестно кем сочиненные и никем не подписанные, представляют собой весьма удобную форму для тех, кто намеревается скрыть от будущего не всегда благовидные следы своей деятельности.

В ряде случаев сомнительные методы отношений с «неформалами» успешно переносятся и в сферу давно сложившихся, но не менее порочных отношений с вполне формальными, законными организациями. Так, недавнюю инициативу четырех творческих союзов республики (художников, журналистов, писателей и кинематографистов) и некоторых других по созданию антисталинского общества «Мартиролог Белоруссии», руководство республики поспешило

квалифицировать как незаконную и отказалось признать статус данной организации. Тем самым, по сути, было выражено пренебрежение к политической воле огромной части национальной интеллигенции республики, так и не сумевшей в законном порядке отстоять свое законное демократическое право. Оставленный без последствий антидемократический акт властей, как и следовало ожидать, нашел свое дальнейшее развитие, когда органами милиции был произведен взлом в помещении Союза писателей БССР. Маленький провинциальный «уотергейт», совершенный по-воровски, ночью, без ведома руководства Союза вызвал бурю протестов общественности и также остался без последствий. Огромная армия творческих работников республики оказалась лишенной всякой возможности для реализации своих элементарных гражданских прав. Многократные обращения в правоохранительные органы со стороны как «формалов», так и «неформалов» заканчиваются однотипными ответами вроде того, что прокуратура (района, города, республики) в действиях милиции (МВД, исполкома) противоправных мотивов не усматривает. Впрочем, что прокуратура, если даже коллегия адвокатов Минска на обращения пострадавших с жалобами на власти и милицию отвечает выпадами против самих же пострадавших. Недавно Белорусское телевидение демонстрировало документальный фильм, в котором с достаточной наглядностью нашла свое отражение по меньшей мере странная позиция адвокатов, заявивших в финале, что они найдут способ, чтобы данный фильм никогда не вышел на экраны. Мне думается, что все это — исчерпывающее свидетельство весьма своеобразного понимания смысла гражданских прав и свобод в республике.

Да, многое изменилось в общественно-политической атмосфере нашего общества, что, к сожалению, далеко не все могут или хотят осознать. Беспрецедентная общественно-политическая активность в период избирательной кампании, достигнутая не в последнюю очередь и усилиями «неформалов», начинает заметно спадать. И в этом также сказалась целиком негативная позиция в отношениях к ним партбюрократии, что, понятное дело, трудно согласовать с принципами демократизации и перестройки. Только совместными усилиями всех слоев общества, всех его плюралистических направлений, поддерживающих перестройку, возможно успешное завершение последней. Не в конфронтации, а в консолидации и сотрудничестве наша конструктивная сила, если мы на деле, а не на словах намерены осуществлять задуманное.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Сентябрь 1989 г.

Эстония, как и вся Прибалтика, переживает трудное время, и ее трудности, на мой взгляд, в значительной степени берут свое начало в нашем не столь отдаленном прошлом, продолжающем существовать и в перестроечное время. Это лишь кажется так, что болезненные национальные проблемы выплеснулись с известными актами о языке — язык здесь только повод, предлог, но далеко не причина. Тем более не самая главная из причин.

Причина, как мне видится, заключена в несколько иной, не менее, а может, и более важной проблеме.

Казалось бы, что предосудительного можно увидеть в том, что озабоченные угрозой размывания национальной культуры, процессом сужения сферы употребления национального языка законодательные органы республики предприняли определенные меры, отвечающие интересам большинства? Как к этому должны отнестись проживающие в республике национальные меньшинства? Нетрудно было бы предугадать развитие сходной ситуации в любом из демократических государств, где давно и без сколько-нибудь заметных конфликтов сосуществуют разнообразное меньшинство и коренное население. У нас же происходит нечто неслыханное: национальные меньшинства в республиках, проявляя известную индифферентность к основной национальной культуре, в определенные моменты делают довольно ощутимые попытки деструктивным образом влиять на ее состояние. И если их позиция, касающаяся собственного языка и культуры, в общем понятна и правомерна, то мотивы их нетерпимости по отношению к коренной культуре республики труднопостижимы. Становится совершенно непонятным их неприятие малейшей попытки коренной национальности укрепить свое языковое состояние доступными средствами и тем оберечь целостность национальной культуры. Чем же вызвано такое неприятие хотя и чуждых, но столь элементарных и естественных национальных мер и мероприятий?

Разве тем, что эти вполне законные меры основной нации задевают интересы и амбиции меньшинства? Покушаются на его многолетнее существование в хотя и не враждебной, но, по-видимому, так и не ставшей близкой этнической среде? Порождают дополнительные заботы в виде потребности изучения незнакомого языка? Нарушают привычную за десятилетия такую благодатную языковую инертность?

Если так, то как же тогда можно назвать все это на общедоступном, лишенном хитроумного философствования языке?

В конце концов можно ведь и не изучать, жить как живется, не замечая и не слыша людей, с землей которых связаны собственная судьба, будущее детей. Кажется, последние законодательные акты в той же Эстонии вполне допускают такую возможность. Но в таком случае не будет ли безнравственной претензия на право управлять этими людьми, руководить их производственной деятельностью, навязывать им собственные вкусы и верования? Не разумнее ли постараться, если не принять, то хотя бы понять их национальные заботы, вытекающие из их национальных особенностей? Даже колонизаторы прошлого (из тех, что поумнее) для успешного управления подданными изучали их язык, основы их национальной культуры. Но ведь с тех пор многое изменилось, и времена имперской идеологии меняются на всей земле. Другие настают времена! Законы народовластия учреждаются на всех континентах, во всех демократических, суверенных государствах, какими номинально являются и наши прибалтийские республики.

Но все дело в том — являются ли? Могут ли их законодательные органы полноправно реализовать политическую волю тех, кого они представляют?

Установление ценза оседлости своей пугающей новизной, похоже, шокировало многих. Стоит, однако, поразмыслить, настолько ли этот ценз неприемлем, как может показаться тем, кто, учась демократии, еще находится в ее подготовительном классе. Ведь на более низком, так сказать, элементарном уровне это «парадоксальное» требование таковым совсем не является. Мы же не удивляемся, когда, скажем, для выборов колхозного председателя непременным условием признаем факт его проживания на территории данного колхоза. И считаем правильным участие в выборах его лишь членов колхоза, а вовсе не жителей всех окрестных хозяйств. Одно из самых порочных порождений административно-приказной системы — чудовищная, нигде в мире, как у нас, так не распространенная легкость, с которой перемещаются различные группы населения, систематическая передвижка руководящих кадров. В биографии любого сколько-нибудь «поруководившего» партийного или советского работника — десятки должностей, мест работы, часто ничего общего не имеющих с предыдущими. Разумеется, все это не лучшим образом сказывается на деле, которое он с такой же легкостью оставляет, как и приступает к новому. То же можно сказать и о рядовых работниках, чьи трудовые книжки пестрят десятками записей, как и паспорта — штампами

прописок-выписок. Стоит лишь бегло ознакомиться с нынешним составом Верховного Совета любой из республик, чтобы убедиться, сколько в нем представителей верхов, центральных ведомств, московского генералитета, по обыкновению являющихся в республику два раза в год, чтобы отметиться, проголосовать за заранее подготовленные решения и уехать. Это депутатство им полагается по их номенклатурной должности, и за свою руководящую жизнь они успевают сменить десятки краев и областей, не имея ни желания, ни возможности вникнуть, вжиться в их истинные заботы. Да и зачем вживаться, когда на следующий срок они будут заседать уже за тысячи километров отсюда. Но ведь чтобы по-настоящему болеть за дело, надо его знать, надо в нем вариться. «Надо жить оседло», — мудро и точно заметил как-то истинный русский интеллигент академик Д. С. Лихачев.

Вот почему ценз оседлости при всей его кажущейся необычности, безусловно, служит интересам народа, является важным средством осуществления народовластия, демократизации общественной жизни. И принятие его — несомненно, разумное демократическое установление, достойное распространения в избирательной системе страны. Наверное, это особенно касается выборов в местные органы власти. Так почему же этот ценз вызывает неприятие известной части граждан республики, которые видят в нем дискриминацию собственных прав и возможностей?

А может, дело здесь вовсе не в тех воображаемых правах, которых они лишаются, а скорее в тех, которые приобретают другие? Недаром же говорит пословица, что не тогда мужик радуется, когда покупает лошадь, — больше радуется, когда лошадь у соседа сдохнет.

Может так статься, что в этом все дело.

Сталинско-брежневское прошлое выработало в нас устойчивый синдром неприятия всего не только и не столько действительно вздорного и враждебного, но также и основанного на здравом смысле, непривычного и нового. Мы боимся, как бы людей с этим новым и необычайным не постигла удача, давно не постигавшая нас, чтобы они не зажили лучше нашего. Особенно если эти люди не совсем такие, как мы, хоть чем-то отличаются от нас — языком, бытом или укладом. Или даже более совершенным и демократическим Законом о выборах.

ЗВАРОТ ДА ВЫБАРШЧЫКАЎ

Красавік 1989 г.

Дарагія выбаршчыкі, шаноўныя грамадзяне Беларусі!

Менш чым праз месяц вы пойдзеце на выбарчыя ўчасткі, каб выбраць тых, каму вы давяраеце прадстаўляць вас у высокіх органах дзяржаўнай улады. Хоць тое будзеце рабіць не першы раз, гэтыя выбары не такія, як усе ранейшыя, гэта сапраўды выбары, і ад іх вынікаў будзе нешта залежаць у вашым жыцці. Можа залежаць больш, калі вы выбераце тых, хто памятае інтарэсы народа і гатовы абараніць іх на любым узроўні. І будзе залежаць мала, калі большасць вашых галасоў будзе аддадзена тым, для каго няма іншых інтарэсаў, апроч інтарэсаў начальства, апарату, кіраўніцтва, ад якіх у іхнім жыцці ўсё — ад павышанай нядаўна зарплаты да чорнае «Волгі» і усялякіх яўных і тайных ільгот. Звычайна гэтыя людзі — шматвопытныя дэмагогі, хуткія на абяцанкі, якімі яны звыкла карыстаюцца на працягу ўсёй сваёй кар'еры. Будзе — іх любімае слова, самае ж нелюбімае — ёсць, бо якраз таго, што найбольш патрэбна, у нас і няма. У тым ліку і ў значнай меры і па віне гэтых шматгадовых кіраўнікоў усіх рангаў.

Асаблівы ваш клопат і ўвага павінны быць звернуты на безальтэрнатыўных кандыдатаў або кандыдатаў з адным (падстаўным!) супернікам, выбары якіх ператвараюцца ў фальш, у пародыю на выбары, і ёсць не што іншае, як абраза тысячаў выбаршчыкаў. Паглядзіце і памяркуйце, хто ідзе на гэта і што ён вам гаворыць. Як ягоныя словы аб дэмакратызацыі і перабудове ўжываюцца са звычаямі сталінскіх часоў. Бо калі б гэтыя людзі мелі элементарны гонар, дык, апынуўшыся адзінымі ў бюлетэні, яны б знялі свае кандыдатуры. Каб не ганьбіць прынцыпы дэмакратыі, гонар партыі Леніна, якую яны прадстаўляюць, уласную вартасць. Дык не. Для іх галоўнае. — улада, не зважаючы ні на што.

Ідучы на выбары, трэба мець на ўвазе, што пэўную частку выбару ўжо зрабілі за вас выбарчыя камісіі. Менавіта гэтыя камісіі, створаныя апаратам і цалкам падпарадкаваныя яму і ягонай міласці, пры рэгістрацыі старанна адмяталі ўсіх, хто не адпавядаў іхнім меркам. Была зроблена няўдалая, аднак, спроба адмесці каля сотні кандыдатаў, вылучаных грамадскімі арганізацыямі, таварыствам беларускай мовы, экалагічным таварыствам. У поўным аб'ёме спроба не ўдалася, аднак нямалая колькасць вартых людзей пераважна з інтэлігенцыі была адхілена пры рэгістрацыі. Затое прайшлі ўсе

партсакратары, раённыя, абласныя і рэспубліканскія апаратчыкі. Цяпер вам галасаваць за іх. Глядзіце і вырашайце самі. Толькі мы хацелі б папярэдзіць: ні ў якім выпадку не байкатуйце выбары. Байкот выбараў, няўдзел у іх — вельмі наруку гэтым апошнім. Яны пра тое толькі і мараць. Ім даволі будзе іхніх паслугачоў з ліку прыбліжаных і падначаленых, рабочай і сялянскай эліты. Абы было мала супроць, і іхняя дарога да ўлады забяспечана.

На апошнім этапе выбараў выключнае значэнне будзе мець грамадскі кантроль за іхнімі вынікамі. Мы ўжо гаварылі, што сабой уяўляюць калі не ўсе, дык шмат якія выбарчыя камісіі, і каму яны будуць служыць. Таму кожная працэдура падліку галасоў павінна быць пад кантролем грамадскасці, сродкаў друку і масавай інфармацыі, аб чым павінны паклапаціцца загадзя.

Воля народа не павінна прапасці марна.

Таму — усе на выбары!

ГАЗЕТА «ПРАВДА»

Лістапад 1989 г.

Цяжкая, пакутная справа — наша рэвалюцыйная перабудова. З пэўнаю верагоднасцю можна сказаць, што нават яе ініцыятары наўрад ці прадбачылі ўсе шматлікія цяжкасці на яе цярністым шляху. Небывалыя ўскладненні ў эканоміцы, фінансах, грамадскіх адносінах, правапарадку. З пагрозлівай катэгарычнасцю заявіў пра сябе нацыянальны фактар, што несумненна з'явілася вынікам яго шматгадовага непрызнання і занядбанасці. Але, можа, самыя цяжкія, ключавыя праблемы ўсё ж знаходзяцца ў стэрэатыпах нашай псіхалогіі, сфарміраванай ва ўдушлівай атмасферы падаўлення, бяздумнага лакейскага падпарадкавання. Сапраўды, зладзіць з гэтамі складанасцямі куды як няпроста, можа, для таго спатрэбяцца гады і дзесяцігоддзі. Часам выказваюцца меркаванні, што нейкі зрух пачнецца хіба пасля змены некалькіх пакаленняў, калі цалкам адыдуць з жыцця цяперашнія носьбіты коснасці і кансерватызму і прыйдуць новыя людзі з інакшым мысленнем, іншымі ўстаноўкамі на маральныя каштоўнасці. Ну, але што ж тады тыя, што жывуць зараз? Няўжо дадзены ім шанс акажацца дарэмным, не рэалізаваным імі, беззваротна ўпушчаным на загадкавых шляхах гісторыі? Магчыма, і з гэтым можна было б прымірыцца, калі б перабудова нагадвала арбу, якую можна спыніць ля прыдарожнай чынары, адпачыць, падмацаваць сілы і пачаць усё спачатку. На жаль ці на шчасце, перабудовачны працэс болей падоб-

ны на перакочванне цяжкага каменя. З неверагодным напружаннем чалавек коціць яго на гару і не можа спыніцца, бо камень зараз жа абрынецца ўніз разам з тым, хто яго коціць, каб абодвум знікнуць у імглістым сутонні гісторыі.

Вядомы заклік перабудовы, які быў асабліва папулярны на яе пачатку і заклікаў пачынаць перабудову з сябе, спярша наводзіў на некаторыя сумненні. Чаму з сябе? Хіба няма спраў болей важных? Хіба дзяржава не знаходзіцца ў стане крызісу? Якое значэнне ў такіх умовах мае асобны чалавек, калі ён нават з'яўляецца кіраўніком пэўнага маштабу. Гісторыю робяць масы! Але чым болей мы ўгразаем у нашых непрадбачаных складанасцях, тым больш відавочнай робіцца бясспрэчнасць гэтага закліку. Мабыць, усё ў свеце ўзнікае з малога і развіваецца ў напрамку да большага — ісціна, добра вядомая ў старажытнасці і, здаецца, трохі падзабытая намі. У дадзеным жа выпадку гутарка ідзе аб унутранай, асабістай гатоўнасці да радыкальных змен у жыцці, якаснага пераўтварэння грамадства. У доўгім шэрагу перабудовачных прыярытэтаў, можа быць, самае галоўнае — усведамленне неабходнасці перабудовы. Быццам элементарнае патрабаванне, але і не самае лёгкае. На ўзроўні масавай свядомасці шмат хто пагаджаецца з тым, што трэба нешта мяняць, але — нешта, кагосьці, ды не самога сябе. А калі і сябе, дык часткова, далёка не ў галоўным і, вядома ж, не ахвяруючы прынцыпамі. Але ўжо наш першы, немалым коштам набыты вопыт перабудовы паказвае, што без ахвяравання некаторымі прынцыпамі, рашучай адмовы ад сумніцельных каштоўнасцей і набыцця каштоўнасцей ісцінных мы не шмат чаго дасягнём. Вядома, у жыцці заўжды важнае значэнне мае вернасць абранай мэце, але, як гэта нярэдка здаралася ў гісторыі, ісціннай мэты можна і не дасягнуць нават пры жыцці некалькіх пакаленняў, хада гісторыі зусім не адэкватна меры чалавечага жыцця. Можна нічога не дасягнуць, але напэўна варта ад чагосьці адмовіцца. Наша мінулае пры ўсёй яго выразнай негатыўнасці, безумоўна, можа саслужыць службу своеасаблівага арыенціра, які настойліва паказвае, як не трэба, чаго трэба асцерагацца. І ўжо напэўна і перш за ўсё — дыктатуры «сильной личности», «твердой руки», супраць якіх, як бы ні складваліся нашыя адносіны з нясталай, толькі што народжанай дэмакратыяй, пратэстуе ўвесь шматпакутны гістарычны вопыт.

Мы шмат і справядліва гаворым аб заганнасці нашай бюракратыі — віноўніцы шмат якіх з нашых бед. Шмат якіх, але далёка не усіх. У шматлікіх бедах вінавата неадэкватная часу, састарэлая ідэалогія, адміністрацыйна-загадны стыль кіраўніцтва, наша далёкая

ад дасканаласці заканадаўчая сістэма, несумненнай заложніцай якой апынулася і наша кіраўнічая бюракратыя. Цяпер у няўстойлівым, перабудовачным соцыуме гэта апошняя шукае гарантый адноснай пэўнасці і перш за ўсё — уласнай сацыяльнай ахаванасці. У нас разгарнулася ліхаманкавая заканатворчасць, у якой заўважаецца ўзаемны недавер заканадаўцаў і выканаўцаў, яўная тэндэнцыя апошніх перастрахаваць на ўсе выпадкі жыцця ўласную выканаўчую дзейнасць. І ў такіх умовах маральныя абгрунтаванасць закона, яго сацыяльны эфект страчвае першаснае значэнне — быў бы закон з яго адназначнай пэўнасцю. Заканатворцы імкнуцца рэгламентаваць як мага болей, калі не ўсе моманты прававых, вытворчых і іншых адносін. Але па меры гэтага імкнення высвятляецца, што чым болей рэгламентуецца, тым больш застаецца нерэгламентаванага. У выніку, як гэта павялося не першы год, ні адзін закон не выконваецца з моманту надання яму правадзейнай сілы, — выканаўцы чакаюць падзаконных актаў і тлумачэнняў. А далей ідзе выкананне гэтых актаў і шматлікіх інструкцый да іх і да закону, якія ўрэшце і непазбежна падмяняюць закон, нярэдка зводзячы ягоны сэнс да супрацьлеглага.

Адно з самых недаравальных злачынстваў сталіншчыны — ліквідацыя традыцыйнай хрысціянскай маралі, спрадвечнай сістэмы элементарных жыццёвых правілаў, звычайна не надта паважанага, але незаменнага ў жыцці здаровага сэнсу. Некалі імі ў поўным аб'ёме валодаў народ, цяпер жа не валодае ніхто. Страціўшы духоўную аснову, грамадства згубіла і нармальны здаровы сэнс, нічога не набыўшы замест: марксізм аказаўся няздольным запоўніць глыбокі духоўны вакуум, які ўтварыўся ў грамадстве. Грамадства ж без маралі наўрад ці здольна дасягнуць шмат у галіне дэмакратычнага права, стварыць дасканалае заканадаўства. Законы, у сваю чаргу заснаваныя на часовай, рэлятывісцкай мэтазгоднасці, з моманту іх прыняцця непазбежна ўступаюць у супярэчнасць са здаровым сэнсам, а нярэдка і з элементарнай логікай. Гэта — мёртванароджаныя законы, у нас іх было нямала ў мінулым і прыбавілася за апошні час. Але мёртванароджаныя законы пазбаўлены карысці ў дэмакратычным грамадстве, — у таталітарным жа яны непазбежна робяцца падставай для дэспатыі і беззаконня.

Напэўна, нельга прызнаць законным закон, які на самым пачатку задуманы для карысці ўлады, скіраваны супраць інтарэсаў народа. У нас далёкая ад дасканаласці Канстытуцыя, няма закона аб рэферэндумах, на працягу некалькіх год ніяк не можа нарадзіцца надта неабходны закон аб друку. Міліцыя і праваахоўныя органы не перастаюць скардзіцца на прававое бяссілле ў барацьбе з апантанай

злачыннасцю. І ў той жа час у крымінальны кодэкс рэспублікі ў якасці тэрміновай меры ўводзяцца артыкулы аб забароне гістарычнай нацыянальнай сімволікі, распаўсюджанні ксеракапіраванай, друкаванай прадукцыі і шмат што іншае. Становіцца адразу зразумелым, чые інтарэсы абараняюць падобныя законы. Мы выкараняем сталінізм, а праваахоўныя органы працягваюць старанна выконваць яго «законы» 1932-35 гадоў, не прызнаючы статус антысталінскіх таварыстваў — усесаюзнага «Мемориала», рэспубліканскага «Мартыралога Беларусі». У мерах па рэабілітацыі нацыянальнай мовы беларусі знайшоў сваё адлюстраванне ўраўніцельны падыход як да беларускай, так і да рускай моваў. Само сабой зразумела, ва ўсе часы для нас быў важны стан рускай мовы ў рэспубліцы. Але ўсе цяперашнія цяжкасці з ёй непараўнальны, з рэальнай пагрозай, перад якой апынулася беларуская мова, што і выклікала абгрунтаваную трывогу грамадскасці. Цяпер выпрацоўваюцца пэўныя доўгатэрміновыя праграмы, адчыняюцца беларускамоўныя класы ў школах, ствараюцца фармальныя і нефармальныя таварыствы па мове. Але ўсё гэта — не больш чым руцінны, па сутнасці, бюракратычны падыход да важнейшай праблемы, звычайныя элементы чарговай «доўгатэрміновай» праграмы, якая, толькі пачаўшыся, выцясняецца наступнай, яшчэ болей «доўгатэрміновай» кампаніяй. Кампартыю ж рэспублікі і яе кіраўнічыя органы моўная праблема пакуль асабліва не кранае, яе адказныя кіраўнікі паранейшаму не валодаюць і не карыстаюцца нацыянальнай мовай, звыкла абыходзячыся без яе. Мабыць, уся бяда ў тым, што на цяперашнім этапе беларуская мова апынулася малапатрэбнай у грамадскім і вытворчым жыцці, якое спрэс ажыццяўляецца на іншай — рускай мове. З жалем і засмучэннем трэба прызнаць, што грамадства, занятае стварэннем матэрыяльнай базы сацыялізму, з нейкага часу перастала дбаць аб культуры і за семдзесят гадоў народнай улады не стварыла ўмоў для патрэбнасці ў нацыянальнай мове, без чаго ўсе меры па яе рэанімацыі надта сумніцельныя. Гібельнае становішча з мовай можна ўратаваць хіба прыняццем комплексу тэрміновых, «аварыйных» мер, і адной з галоўных павінен стаць пераход на яе ўжытак партыйных і савецкіх органаў, Вярхоўнага Савета БССР. Інакш ніякая агітацыя за яе не пераканае беларуса (не кажучы ўжо аб прадстаўніках іншых нацыянальнасцей) авалодаць беларускай мовай, ад якой ён толькі ўчора адвык, калі ёю не хоча валодаць начальства, кіраўнічы авангард рэспублікі. А што гэта так, не трэба нікому тлумачыць: людзі глядзяць тэлевізар і чуюць, як на пытанне па-беларуску кіраўнікі ўсіх рангаў адказваюць на рускай мове. (Выключэннем хіба што быў міністр фінансаў БССР Б. І. Шаціла.) Дык чаго тады варты

ўсе гучныя словы, шумныя і пампезныя гульні ў камісіі і таварыствы, што выпрацоўваюць (доўга і грунтоўна выпрацоўваюць), вядома ж, «доўгатэрміновыя» праграмы, якія не маюць шанцу на выкананне.

І тут не можа не ўзнікнуць спрадвечная праблема правоў, якімі валодае ўлада і валодае народ. Няцяжка заўважыць пэўныя разыходжанні, калі вельмі складаная механіка ажыццяўлення ўлады дзяржаўным апаратам сістэматычна і няспынна ўдасканальваецца, а права народа ў лепшым выпадку галаслоўна дэкларуецца, застаючыся нерэалізаваным.

Са сталінскіх часоў у нас узнікла і ўчэпіста замацавалася практыка адноснасці самога паняцця народ. Калі рэдакцыя цэнтральнай газеты, дзяржустанова або орган улады атрымліваюць пэўную колькасць пісьмаў у падтрымку чарговай пастановы, дык гэта кваліфікуецца як несумненны выразнік волі народа і публікуецца ў друку. Калі ж на гарадской плошчы збіраецца 10-20-50 тысяч на несанкцыянаваны ўладамі мітынг, дык гэта ўсяго толькі «натоўп» і ўсе яго заклікі — не больш чым «патрабаванні экстрэмістаў». Літоўцы збіраюць больш трох мільёнаў подпісаў пад дакументам, які спецыяльнай місіяй адпраўляюць у Маскву, дзе той не знаходзіць ні разумення, ні падтрымкі. Вядомая Балтыйская акцыя трох народаў, у якой прынялі ўдзел некалькі мільёнаў людзей, таксама — «прошукі антысацыялістычных элементаў»? Пры апытанні грамадскай думкі ў Беларусі 99 працэнтаў з 66 тысяч апытаных выказаліся за правядзенне альтэрнатыўных выбараў, што, аднак, не перашкодзіла Вярхоўнаму Савету рэспублікі прыняць артыкул, які дапускае і безальтэрнатыўнае галасаванне. Дык што ж тады голас народа і як яго ўчуць? А галоўнае — як трэба на яго рэагаваць?

У той час, як пад уздзеяннем бурных перабудовачных працэсаў у краіне масавая свядомасць народа значна змянілася, палітычная свядомасць наменклатуры, здаецца, у многіх адносінах застаецца ранейшай — інертнай і кансерватыўнай. Адсюль — непрыняцце ёю палітычнай самадзейнасці шырокіх народных мас, упартае ідэалагічнае і адміністрацыйнае супрацьдзеянне яе імкненням. Нядаўна арганізаваныя народныя франты амаль усюды (апроч хіба Прыбалтыкі) былі ўспрыняты як незаконныя, антысацыялістычныя ўтварэнні і яшчэ да абнародавання іхніх праграм былі расцэнены як крамольныя і падвергнуты праследаванням. Шмат што несумненна дадатнае і, галоўнае, альтэрнатыўнае, народжанае знізу, што неслі іхнія праграмныя палажэнні, засталося за рамкамі працэсаў перабудовы і не садзейнічала яе актывізацыі. Далёкая ад якой-небудзь карэктнасці барацьба супраць арганізатараў і кіраўніцтва франтоў выклікала

залішнюю нервознасць, нічым не апраўданую канфрантацыю ўлад супраць значнай і самай актыўнай часткі грамадства. Грэбуючы сапраўднымі мэтамі перабудовы, бакі распачалі зацяжную палеміку, якая, аднак, не здолела нават праясніць іхнія пазіцыі. У некаторых рэспубліках (напрыклад, на Украіне) бесперспектыўнасць падобнай сітуацыі была зразумета своечасова і зроблены першыя крокі да ўзаемаразумення і супрацоўніцтва. У іншых жа (напрыклад, у Беларусі) улады прадаўжаюць упарціцца ў сваім непрыняцці дэмакратычнага права грамадства на альтэрнатыўнасць праектаў прававых і дзяржаўных актаў, чым ствараецца пэўная напружанасць, якая несумненна тармозіць усе перабудовачныя працэсы. Як ні дзіўна, галоўная стаўка ўлад у гэтай справе робіцца не на палітычную работу ў масах, а на адміністратыўную ўсёдазволенасць і міліцэйскую сілу. Мінулая сесія Вярхоўнага Савета рэспублікі, якая прымала закон аб выбарах, выклікала дзіўную ўстрывожанасць апарату, калі будынак Дома ўрада быў ачэплены ўзмоцненымі нарадамі міліцыі і войск спецпрызначэння, ствараючы тым самым уражанне крайняй напружанасці палітычнай абстаноўкі ў горадзе. Наўрад ці, аднак, гэтая панічная занепакоенасць была чымсьці апраўдана: тыя некалькі сотняў мінчан, што сабраліся перад Домам урада, зусім не збіраліся кідацца на народных абраннікаў — яны чакалі магчымасці сустрэцца і пагутарыць з імі. Аднак замест дэпутатаў ім наканавана было сустрэцца з маўклівымі хлопцамі ў форме.

Нядаўна яшчэ за народам замацоўваўся элементарны абавязак — выконваць гістарычныя планы партыі як свайго кіруючага авангарда. Пабудаваная на вядомых прынцыпах дэмакратычнага цэнтралізму, КПСС, на справе сама знаходзячыся ў падпарадкаванні свайго ядра — ЦК і Палітбюро (хоць бы і праз з'езды і пленумы), у масе сваёй таксама з'яўлялася выканаўчым інструментам. Выстройвалася даволі выразная структурная мадэль, зручная для кіравання зверху, але пазбаўленая неабходнай для кожнай дасканалай мадэлі магчымасці зваротнай сувязі. Калі б усё гэта складвалася інакш, цяпер, мабыць, не давялося б столькі ламаць і перарабляць, амаль усляпую, без навукі і практычнага вопыту прабіваючыся да пачатку дэмакратыі. Цяпер часы ў многім змяніліся, але галоўная мадэль улады застаецца ранейшай. Нават перадаўшы ўладу Саветам, партыя не страчвае магчымасці кіраваць імі праз сваіх членаў, а галоўнае — праз шматвопытны ўласны апарат, які, як гэта вядома з гісторыі, у кожным супрацьстаянні заўжды здабываў перамогу. Здаецца, сапраўды няма ў свеце сілы, якая б магла перамагчы апарат. Мяняюцца часы, прыходзяць новыя пакаленні, масамі авалодваюць новыя ідэі.

Але па сутнасці сваёй апарат не змяняецца — ён служыць рэальнай уладзе.

Даўнішні шматгадовы партыйны вопыт выпрацоўваў вельмі зручную практыку, калі кожная, самая бяскрыўдная крытыка партыйных парадкаў расцэньвалася апаратам як замах на аўтарытэт партыі ў цэлым і крымінальна праследавалася. Усумніцца ў яе палітыцы не дазвалялася нікому — ні яе члену, ні тым больш беспартыйнаму. Член партыі, вядома, быў звязаны партыйнай дысцыплінай, беспартыйнага ж білі «па руках», каб не лез у «чужы агарод». Але ці такім ужо чужым быў той агарод для вялікай большасці насельніцтва краіны, якое, не будучы ў партыі фармальна, тым не менш мусіла існаваць паводле яе законаў, ва ўсім падпарадкоўваючыся яе палітыцы. У аднапартыйнай дзяржаве лёс і тых і другіх ва ўсім залежаў ад партыі — пры адносным удзеле ў ёй яе членаў і абсалютным «партыйным бяспраўі» мільёнаў беспартыйных. Практыка мінулых гадоў аказалася вельмі зручнай формай барацьбы і ў перыяд перабудовы: апарат і наменклатура кожную канкрэтную крытыку ў свой адрас тлумачаць пашырана і зараз жа прымаюць баявую позу абаронцаў — не сябе, партыі. Ці трэба казаць, наколькі гэта ўскладняе дыялог, пазбаўляючы яго і мэты і сэнсу.

Падобным прыёмам для ўласнай абароны карыстаецца і ведамасная бюракратыя, чые карпаратыўныя інтарэсы непрыкметна для грамадства сталі набываць перавагу над дзяржаўнымі і таксама даволі паспяхова былі выведзены з зоны грамадскай крытыкі. І хоць ведамствы — не партыя, але і для іх стала ўласцівым выкарыстоўваць яе аўтарытэт у якасці бранявога шчыта. І на самай справе, ці мог паявіцца ў краіне праект або маглі адбыцца мерапрыемствы, у распрацоўцы і зацвярджэнні якіх не прыняў бы ўдзел той або іншы партыйны орган? Значыцца, само сабой адпала пытанне аб віноўніку ў выпадку няўдачы — вінаваты толькі падазраваўся, застаючыся без пакарання. У выпадку ж поспеху ўсё было зразумела, і ніхто ні ў чым не сумняваўся — асабліва ў аўтарстве гэтага поспеху.

Нават у самыя змрочныя часы нашай гісторыі, у атмасферы ідэйна-маральнага ўдушэння ўсялякага іншадумства лепшыя прадстаўнікі нашай літаратуры і мастацтва ўсё ж рабілі пэўныя спробы сказаць праўду, выявіць прыкметы крызісу, які ў рэшце рэшт ахапіў грамадства. Чаго гэта ім каштавала, цяпер добра вядома. «Служыцелі уз» пільна сачылі за адступленнямі ад канонаў «служыцеляў муз» і бязлітасна распраўляліся з адступнікамі. Цяпер мы скардзімся: мінула чатыры гады перабудовы, а кіно, літаратура, тэатр так і не далі нічога значнага ва ўмовах амаль поўнай свабоды творчасці. Я думаю, з тым

трэба і яшчэ пачакаць — мастацтва і літаратура таксама перабудоўваюцца. Можа, не столькі ў адносінах арганізацыйных структур і формаў, колькі ўнутрана, псіхалагічна. Мабыць, і тут патрэбна змена пакаленняў, каб пазбавіцца ад спрадвечнага заняволення, авалодаць неабходнаю доляй таго капіталу духоўнасці, які апладняў мастацкую класіку і ад якога мы семдзесят год былі адчужаны.

У жыцці кожнага развітога грамадства, побач з духоўнай культурай, бясконца важны таксама практычны, чыста жыццёвы вопыт, які спакваля накопліваецца ў часе. Спрадвечным ягоным накапіцелем у нас было сялянства, наша аграмадная сялянская Атлантыда (па вызначэнню Адамовіча), якая на працягу кароткага часу была спушчана пад ваду з усёй яе спрадвечнай мудрасцю. Літаратуры і мастацтву што-нішто з затопленага ўсё ж удалося ўратаваць, але колькі страчана беззваротна! Гаспадарчы ўклад, земляробчая навука, нормы маралі. Колькі пайшло ў нябыт, пралілося са слязьмі і крывёю! З пачатку перабудовы, дзякуючы самаадданым намаганням сродкаў масавай інфармацыі, мы шмат чаго даведаліся аб нашым нядаўнім мінулым, але ці даведаліся пра ўсё? Далёка па свеце разышлася сумная слава нашых Курапат, але хіба Курапаты ў нас адны? Толькі пасля першых публікацый аб раскопках у гэтым ляску пад Мінскам паявіліся дзесяткі паведамленняў аб падобных магілах амаль з усіх абласных цэнтраў рэспублікі, шмат з якіх раёнаў і гарадоў. Хто там ляжыць, каго расстрэльвалі на працягу шмат гадоў, а галоўнае — хто каты? Адказу на гэтыя пытанні дагэтуль няма. Кажуць, не захаваліся архівы, а тыя, што захаваліся, закрыты на вечны замок. Але вось Д. Юрасаў нядаўна паведаміў у друку, што ўжо ў 1987 годзе знішчаны архіў Вярхоўнага суда СССР, усе яго сумныя і крывавыя справы. Навошта гэта? Ствараецца ўражанне, што недзе ёсць сілы, якія зусім не зацікаўлены ў раскрыцці даўніх сакрэтаў. Ці можна прызнаць таксама, што літаратура і мастацтва ў пэўнай меры выпрацавалі ў грамадстве арганічную патрэбу ў праўдзе, якой бы непрыгляднай тая ні была. Яшчэ не загаіліся крывавыя раны мінулага, а ўжо чуваць настойлівыя галасы: хопіць, надакучыла! Даволі аплёўваць гісторыю! Некаторыя вельмі напалохаліся самі і хочуць гэтак жа напалохаць іншых. Раздаецца лямант у газетах і часопісах: усё прапала, яўрэйская змова, нашэсце масонаў і кааператараў, радыкалы рвуцца да ўлады! Ратуйце сацыялізм, марксізм і заадно нас, харошых! Як ратаваць? Можа, спосабам устанаўлення надзвычайнага становішча з усімі яго шырокімі вынікамі? Але перш варта было б успомніць што-нішто з гісторыі, у якой надзвычайныя меры нярэдка рабіліся жорнамі, што выдатна

малолі не толькі тых, для каго прызначаліся, але і сваіх стваральнікаў. Мабыць, такая ўжо ўласцівасць гэтых крывавых жорнаў. Самы навейшы вопыт палітычнага жыцця Арменіі, Грузіі, Малдавіі сведчыць менавіта аб тым. Сіла супраць народа, у тым ліку і самая «законная», «канстытуцыйная», звязанае з ёю насілле — справа дужа рызыковая для абодвух бакоў, якія плацяць за яе аднолькава незалежна ад таго, чыя перамога. Адны, бывае, плацяць крывёю, другія — кар'ерай. Такія законы дэмакратыі, нават самай недасканалай і хілай.

На працягу стагоддзяў народы клапатліва гадуюць магутны молах улады, які нярэдка ператвараецца ў монстра, што зжырае іх і самога сябе. Але на тое ён і монстр, каб зноў узрадзіцца на крыві мільёнаў у сваім ранейшым абліччы, распаўсюджваючы вакол смярдзючае пачуццё страху. Страх нядаўна яшчэ зверху данізу пранізваў наша грамадства. Будучы самым разнастайным па сваёй прыродзе, ён, хоць і ў аслабленым стане, дагэтуль жыве ў пачуццях значнае часткі грамадства. У якасці ахоўнага для сябе сродку бюракратыя выпрацавала мноства жыцейскіх і прафесійных хітрасцьей, галоўнай з якіх несумненна з'яўляецца амаль інстынктыўнае імкненне да перастрахоўкі, ухіленне ў сваёй дзейнасці ўсякай рызыкі. Шматгадовы гаротны вопыт адбіў ахвоту да ініцыятывы, прымусіў да ўсеагульнай уніфікацыі палітычных, гаспадарчых і іншых поглядаў. Але хіба можна ажыццявіць грандыёзныя планы перабудовы на аснове коснасці і аднастайнасці? Палітычная і гаспадарчая ініцыятыва прыбалтыйскіх рэспублік — рэдкі прыклад пераадолення звыклага страху, рашучы прарыў у нязведаную сферу рызыкі, без якой цяпер, здаецца, наогул няма выйсця. Але, мабыць, іншага шляху з мінулага ў будучыню нам не дадзена, і мы таксама рана ці позна рушым следам за прыбалтамі. Як гэта бывае, тут жа забыўшыся, чаго ім каштавала іх рызыковая ініцыятыва.

У тым, што цяпер адбываецца ў краіне, вялізная, калі не сказаць рашаючая, роля належыць інтэлігенцыі. Усім добра вядома гістарычная роля рускай інтэлігенцыі ў сацыяльным прагрэсе і сацыялістычнай рэвалюцыі, зараз яе значэнне ў тым не зменшылася. Не дзіва таму, што інтэлігенцыя ў цэнтры і ў рэспубліках стала той грамадскай сілай, якую з лютасцю атакавалі антыперабудовачныя сілы, як звычайна, нацкоўваючы на яе рабочы клас. Да гонару рабочага класа Беларусі трэба зазначыць, што з гэтага, раней даволі эфектыўнага прыёму мала што атрымалася: рабочы клас ужо займеў уласны розум і навучыўся кіравацца не толькі класавым, але і чалавечым пачуццём. Але што ж інтэлігенцыя? Нясмелыя адзіночныя пратэсты ў маладзёжных газетах, на тэлебачанні, часам бурныя выступленні на сходах і

прыняцце рэзалюцый, якія далей сейфу не ішлі. А так паглыбленне ў свае прафесійныя інтарэсы, апатыя і ўвогуле ад палітычных рухаў у рэспубліцы. Сапраўды, як гаварыў Ніл Гілевіч, па тэрытарыяльных і нацыянальна-тэрырытарыяльных акругах Беларусі ў народныя дэпутаты СССР не абраны ні адзін пісьменнік, ніводны мастак ці артыст. Несправядлівасць гэтага факта ўражвае, але і наводзіць на развагі: чаму так атрымалася? Ці не таму, што некаторыя творчыя саюзы рэспублікі апынуліся на мяжы страты даверу? За доўгія часы сталінскага тэрору, у застойны брэжнеўскі час шмат хто з іх членаў дэвальваваўся як сацыяльная асоба, усе свае здольнасці скіроўваючы на сацыяльны канфармізм, прыслужніцтва перад уладай. Мабыць, выбаршчыкі мелі падставы ўсумніцца ў палітычнай дзеяздольнасці не толькі некаторых нацыянальных майстроў, але і цэлых саюзаў. На саман справе, чаго цяпер варты творчы саюз, які даўно страціў здольнасць адстойваць уласныя, так сказаць, карпаратыўныя інтарэсы, абыякавы да свавольства начальства ў адносінах да яго членаў, мясцовых уотэргейтаў і вобыскаў ва ўласным Доме літаратара. Адпаведныя і адносіны да яго і ўлады. Дык ці варта здзіўляцца, што замест імянітых кіраўнікоў такіх саюзаў выбаршчыкі аддалі перавагу безыменным «тэхнарам», якія, можа, і не маюць асаблівых вартасцей, але і не дэманструюць палітычнае віхлянне паміж разлікам і ісцінай.

Прыклад заўжды важны ў вялікім і малым, прыклад — гэта канцэнтраваная частка вопыту. Нават калі гэты вопыт і з адмоўным вынікам. Вельмі шкада, што ў наш час амаль на нішто зведзены старадаўні звычай зважаць на прыклад, пазіцыю народных аўтарытэтаў, думкі патрыярхаў сумлення, якія значылі калісьці не менш (калі не больш), чым высокія афіцыйныя аўтарытэты. Ерэтычныя пропаведзі Льва Талстога былі калісьці важней за артадаксальныя прамовы старшыні Дзяржаўнай думы Маклакова. Прынята думаць, што значныя аўтарытэты засталіся ў мінулым, вывеліся ў наш час. Але гэта не так. У народных нетрах не пераводзяцца светлыя галовы і сумленныя сэрцы, трэба толькі ўмець іх бачыць. Галоснасць апошніх гадоў, прэса і тэлебачанне, дыскусіі на з'ездзе народных дэпутатаў і ў Вярхоўным Савеце выявілі побач з традыцыйным кансерватызмам і глыбокую, прагрэсіўную думку сумленных і разумных людзей, чые аргументы, на жаль, не заўсёды знаходзяць прызнанне большасці. Цяжка сказаць, у чым тут справа: у элементарнай чыноўніцкай абмежаванасці ці звычаі мінулых гадоў, калі кожны аўтарытэт толькі тады што-небудзь значыў, калі яго вылучалі ўлады. Абавязковаю ўмовай такога вылучэння і падтрымкі з'яўлялася безумоўнае згодніцтва з уладамі. Менавіта гэтае згодніцтва

ўрэшце і пляжыла рэпутацыю не аднаго разумнага і нават сумленнага мастака таго часу. Далёка не ў кожнага з іх, надзеленага сумленнем і розумам, хапала сілы характару, каб ва ўсіх выпрабаваннях лёсу застацца верным сабе, ісціне і болей нікому. Наменклатурныя ж велічыні ўсіх рангаў, як бы высока ні ўзносіліся, заканчвалі поўным забыццём адразу ж пасля сыходу з палітычнай сцэны.

Па ўсёй верагоднасці, у нашай перабудове трэба адрозніваць дзве галоўныя сферы: духоўную і матэрыяльную, якія аднолькава састарэлі за папярэднія дзесяцігоддзі і маюць патрэбу ў карэнных зменах. Абедзве яны паддаюцца тым зменам з велізарнай цяжкасцю, аб якіх-небудзь прыкметных выніках, мабыць, гаварыць яшчэ рана. Але ёсць надзея. На мой погляд, яна заключаецца ў двух аспектах. Папершае, гэта несумненны, амаль рэвалюцыйны (у рамках нашага светапогляду) паварот ад фальшывых, надуманых догмаў да выпрабаваных у стагоддзях агульначалавечых каштоўнасцей. І, падругое, — маруднае, цяжкае, але непазбежнае ўкараненне ў нашай хворай эканоміцы элементарнага, занядбанага раней здаровага сэнсу, які адзін толькі можа прывесці да поспеху — даць значную прыбаўку грамадскага прадукту.

Напэўна, гэта надзея збудзецца няхутка і, можа, не ў той меры, у якой хацелася б. Але што вялікае і жаданае збываецца ў жыцці хутка і цалкам?

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВУХТОМНИКУ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1990 г.

Владимир Короткевич — писатель удивительного дарования, блестяще проявивший себя во многих литературных жанрах. Его проза столь же богата и совершенна, как и его поэзия, строгий реализм его рассказов на современные темы естественно сочетается с возвышенным романтизмом исторических повествований. Кроме того, он неистощимый выдумщик. Даже люди, близко знавшие его, не всегда могли различить, что в его произведениях от реального, а что является плодом изощренной писательской фантазии. Следует заметить, однако, что эта его раскованность и разносторонность лишь умножали его творческие возможности, которые всегда проявлялись бурно, дерзко и талантливо.

Он был из породы тех яростных жизнелюбов, которые нечасто встречаются в жизни и еще реже осуществляются в искусстве. Можно

сказать, что в этом смысле он был человеком редким. Даже в зрелые годы он счастливо сочетал в себе человеческую мудрость с почти детской непосредственностью, простодушием баловня природы. Непосредственность его натуры, ничуть не принижая его достоинств, давала основание друзьям по-хорошему удивляться, а то и восхищаться его неординарностью. Он любил все натуральное, легкое и радостное как в повседневности бытия, так и в непростых проявлениях человеческих отношений. Его привязанность к жизни вообще не знала границ, и в ней он всегда находил место для необычайного. Эту необычайность он умел разглядеть всюду, подметить острым художническим глазом, чтобы обогатить и преобразовать затем в горниле своего воображения. Многим из пережитого и увиденного имел обыкновение делиться с друзьями, и, случалось, ему не верили, хотя все, о чем он рассказывал, было сущей правдой. Но все дело в том, что многое он видел по-своему, как может видеть только своеобразный художник.

Широко известна его безграничная влюбленность в литературу, искусство, национальную старину и историю. Его талант, будучи по природе своей поэтически-возвышенным, не гнушался простого, обыденного как в сфере творчества, так и в отношениях с друзьями, коллегами и читателями. Естественность и простота этих отношений могли удивить некоторых, но тот, кто знал его хорошо, не удивлялся: это был всегдашний, привычный и естественный Володя Короткевич.

Высокая доброта его натуры в отношении к ближнему, казалось бы, требовала взаимности, давала основание что-то брать от других — для себя. Но мы знаем, что это было не так. Он не требовал ничего и редко что брал, потому что принадлежал к числу тех действительно редких теперь бессребреников, которые способны лишь отдавать, одарять, не требуя ничего взамен. И до последних дней он раздавал направо и налево, все черпая из щедрот собственной души, сокровищницы своего недюжинного таланта.

Впервые его имя появилось в печати в 1955 году под стихотворением «Машека», помещенным в журнале «Полымя». Затем стихи Владимира Короткевича продолжительное время печатались в разных изданиях, вышли в трех поэтических сборниках, которые были единодушно одобрены критикой и с интересом встречены читателем. Действительно, уже тогда стало ясно, что в лице молодого автора белорусская поэзия обрела яркое и самобытное дарование, исполненное поэтической возвышенности, смелой метафоричности и глубины. (Наверно, тут кстати будет отметить, что стихами он и кончил. Его посмертный сборник «Был. Есть. Буду» — поэтическое завещание

грядущим поколениям, созданное трепетной рукой мастера. Поэзия все время сопровождала его талант, жила в его строках даже тогда, когда он создавал вовсе не поэтические произведения).

В рассказах, которые В. Короткевич начал писать одновременно со стихами, также наличествовали многие приметы его поэтического дара, некоторые из них читались как стихи в прозе. Можно даже сказать, что ранняя повествовательная проза В. Короткевича дала ее автору новые творческие возможности, нисколько не сужая его поэтической сущности. Влюбленность в жизнь и ее разнообразные проявления зазвучала в ней в полный, ничем не приглушенный голос. Для критиков и поклонников таланта В. Короткевича были все основания полагать, что их кумир надолго останется в пределах им избранного, такого привлекательного для многих жанра. Но, как ни парадоксально, именно в это время в таланте В. Короткевича появилась, надолго утвердившись, новая склонность — углубленный интерес к историческому прошлому народа.

По всей видимости, это также можно понять. При довольно развитых фольклорных и поэтических жанрах белорусской литературе долгое время недоставало исторической прозы. Драматическое и трагическое содержание исторических событий, которым так богато прошлое нашего народа, почти не оставили литературных свидетельств и, конечно же, находились вне пределов личного опыта позднейших поколений литераторов. Для художественного воплощения прошлого литература испытывала потребность в таланте особого рода. Обладая богатым запасом конкретных исторических знаний, он должен был иметь яркое поэтическое воображение, чтобы из седого прошлого черпать вдохновение для конкретного творчества. (Справедливости ради следует заметить, что это прошлое все же не оставалось никем не тронутым: за последние десятилетия белорусскими авторами предпринимались определенные попытки проникнуть в историю края, но это проникновение не шло дальше середины либо второй половины XIX столетия. Особый интерес вызывала легендарная фигура Кастуся Калиновского, о котором в разные времена были созданы произведения в разных литературных жанрах.)

Получилось так, что именно Кастусь Калиновский и трагическое восстание 1863 года привлекли внимание Короткевича-прозаика, и в белорусской печати появился первый, а затем и второй том его исторического романа «Колосья под серпом твоим». Об этом романе в свое время высказывались разные суждения. Оценки, исполненные восхищения, чередовались с серьезными упреками автору, которые также можно понять по-разному. Но уже тогда было несомненно, что

при всей спорности некоторых трактовок и положений, такой широты охвата исторической эпохи и такого проникновения в нее еще не было в белорусской прозе. Произведение это, к сожалению, осталось не законченным.

В 1964 году журнал «Маладосць» опубликовал историко-приключенческий детектив «Дикая охота короля Стаха» — одно из самых популярных произведений Владимира Короткевича. Сразу после появления в журнале оно было переведено на другие языки, впоследствии экранизировано, в киноварианте обошло многие экраны мира и удостоено Оскара, высшей награды США. «Дикая охота» — несомненно, удачная попытка проникновения в историю Белоруссии, правдивое постижение ее драматического прошлого. В отличие от других, зачастую густо населенных произведений Владимира Короткевича, тут не много действующих лиц, почти все события происходят в имении Болотные Ялины и вокруг него. Созданная по излюбленным канонам приключенческого жанра, повесть содержит в своей структуре и что-то отличное от него, какую-то свойственную ей тайну, которую трудно понять, можно разве что почувствовать. И дело тут, конечно, не только в особой романтической атмосфере или в напряженности приключенческого сюжета (кстати, мастерски разработанного автором), не в пугающе-загадочных сценах кавалькады «дикой охоты», рыскающей на таинственных «дрыгантах» по лесным окрестностям. Тут впечатляет что-то более высокое, несомненно идущее из недр исторических времен, блестяще запечатленных в произведениях литературного романтизма Майн Рида, Вальтера Скотта, Генриха Сенкевича. Во всяком случае на примере этой повести лишний раз убеждаешься, какой положительный результат дает гармоническое сочетание определенного характера литературного таланта и подлежащей ему творческой задачи. В «Дикой охоте короля Стаха» все сошлось в своей золотой мере.

Между тем талант Короткевича — исторического прозаика продолжал развиваться и обретал новую силу. На протяжении двух десятилетий в печати регулярно появлялись его новые прозаические произведения, навеянные драматическими перипетиями нашей истории. Среди них значительное место занимает приключенческо-романтическая история Христа, который «приземлился в Городне» и жанр которой не без легкой иронии обозначен автором как «евангелие от Иуды». Книга эта отличается от других произведений данного жанра многими положительными качествами: основательностью исторического мышления, богатством и художественной выразительностью описаний, местами напоминающих живопись Иеронима Босха. В

ней с блеском проявились авторские способности точно и просто создавать многочисленные образы различных сословий: ремесленников, торговцев, простолюдинов, а также магнатов и духовенства того далекого времени, от которого не много осталось даже скупых исторических сведений. Однако наибольшая ценность книги, пожалуй, в ее четких гуманистических установках, изобличении того, что касается «власть придержащих», которые в своей жажде корыстного не останавливаются ни перед пролитием крови, ни перед фальшью высоких слов. Читателя привлекает длинная череда временами смешных, а чаще устрашающих событий в пределах старой Городни и в ее окрестностях. В этих событиях участвует группа невольных авантюристов во главе с «мужицким Христом» Братчиком, у которого медленно зреет социальное самосознание и с ним — готовность постоять за правду простых людей. Читателя не могут не поразить с брейгелевским размахом созданные картины городского и сельского быта, ужасающие баталии на «костоломных башнях» Городни. Но наибольшее впечатление, пожалуй, остается от финальной главы романа, когда после долгой борьбы и кровопролитий наступает покой и Братчик с друзьями, послав Иуду за водкой, берут сеялки и начинают засевать осеннее поле.

Исторический и приключенческо-романтический жанр на ряд лет стал излюбленным литературным жанром Владимира Короткевича. Непрестанное изучение прошлого по архивным и литературным источникам, многолетнее вдумчивое осмысление атмосферы, духа, психологии людей давних времен выработало у автора определенное художническое чувство материала, обычно малодоступное другим писателям. Из-под его пера выходят все новые произведения, посвященные истории и неизменно отмеченные лучшими чертами его неповторимого таланта.

В предпоследний год своей жизни он заканчивает «Черный замок Ольшанский» — эту «наполовину безделушку, в которой, однако, также есть спрятанный смысл и еще кое-что», — как писал он на одной из своих книжек. Понятно, это вовсе не «безделушка», просто Короткевичу свойственна такая, как бы упрощенная, манера отношений к собственным произведениям — чеховская манера уничижительных оценок результатов своего труда. В этом произведении автор удачно соединил в целое события и образы разных времен, исследовал их взаимосвязь и влияние на формирование нравственной атмосферы нашего сегодня. Роман читается с увлечением, его обостренный сюжет, как и совершенное языковое мастерство, обеспечили ему блистательный успех среди широкого круга читателей. Так же, как и

изданная одновременно повесть «Оружие», которая тематически очень удачно примыкает, однако, к роману «Колосья под серпом твоим» и удачно расширяет проблематику восстания 1863 года.

Наверно, все созданное Короткевичем красноречиво свидетельствует, что в его лице мы имеем дело с редким литературным талантом, который в сочетании с завидным трудолюбием дал нашей литературе произведения именно такого характера, которого ей давно недоставало. Вероятно, литература, как и природа, не терпит пустоты, и нельзя не порадоваться тому факту, что этот литературный вакуум заполнен подобающим образом.

Однако было бы ошибкой считать, что триумф Короткевича приходится лишь на приключенчески-исторический жанр. Многое написанное им дает основание утверждать, что мы имеем дело с разнообразным и многосторонним литературным талантом, которому была по плечу и современная тема в ее своеобразном, несколько романтически-чувственном восприятии. В. Короткевич немало сделал также для драматургии, кино. Еще в 1972 году им создана популярная книга-эссе, краткий очерк истории Белоруссии «Земля под белыми крыльями», где прошлое республики осмыслено и изображено вдумчивым и компетентным автором. Книга эта, по первоначальному замыслу адресованная молодому украинскому читателю, скоро обрела большую популярность и на белорусской земле. Что же касается его рассказов, то многие из них звучат как песнь любви, жизни, родной природе. Почти все они исполнены поэзии, красоты и любви к человеку. Доверчивая авторская интонация, богатство языково-изобразительных средств, музыкальная точность интонации в разной степени, но неизменно привлекают в песенной «Рождественской рапсодии», загадочной «Стране Цыгании», драматическом «Глазе Тайфуна» либо в бесхитростном, но проникновенном рассказе с печальным концом «Были у меня медведи». В 1967 году опубликована его «Чазения», навеянная впечатлениями от нескольких месяцев жизни на Дальнем Востоке. Природа этого края, тамошние люди, их труд, глубоко прочувствованные автором, превратились в своеобразный гимн жизни, одухотворенной поэзией и светлой печалью.

Писательское внимание Владимира Короткевича всегда привлекала тема любви, которую он исследовал в разное время на разном материале: историческом, недавнего прошлого, современности. Уже его самый первый роман «Нельзя забыть» посвящен любви — трудным, драматическим отношениям двух людей из среды творческой интеллигенции в условиях большого города, со всей

сложностью его жизненных проявлений, разнообразием характеров и взаимоотношений. Многие страницы романа поражают совершенством психологизма, глубиной исследования вечной, всегда актуальной проблемы взаимоотношений мужчины и женщины, сложности жизни которых, как это часто бывает, далеко не способствуют развитию высоких взаимных чувств.

Несколько отдельно в творчестве В. Короткевича стоит его повесть «Листва каштанов». Это одно из самых автобиографических произведений писателя, написанных на материале первых послевоенных лет, проведенных им в Киеве. Незатейливо и точно выписанные образы юношей и девушек большого города с его нелегким послевоенным бытом основываются на определенных прототипах; трагический финал повести взят из жизни, построен на основе конкретного факта. В этой повести Короткевича много трудных и горьких реалий, взаимоотношений и обстоятельств, и разве что в первых проявлениях юношеской любви знакомо звучит излюбленный им возвышенный романтический мотив.

Вероятно, будет кстати указать также на целый ряд его драматургических произведений, поставленных в театрах республики. Так, в Витебске, много лет шли его исторические драмы «Кастусь Калиновский» и «Звоны Витебска», белорусское телевидение передавало его «Мельницу на Синих Вирах», а в Государственном академическом театре оперы и балета шла опера по его либретто «Седая легенда». Белорусское кино в разное время обращалось к его историческим повестям, было снято несколько фильмов по его оригинальным и документальным сценариям.

В. Короткевич пользовался устойчивой репутацией одного из самых талантливых мастеров белорусской литературы, но только после его смерти мы со всей очевидностью поняли, кого потеряли. Равного ему нет и вряд ли уже будет. Заменить его в нашей литературе не может никто, уже хотя бы потому, что никто с таким блеском не совмещает в себе талант поэта с талантом прозаика, драматурга, киносценариста, эссеиста, историка. Он был в равной мере талантлив почти во всех литературных жанрах, что, пожалуй, естественно для литературы прошлого, но редко встречается в современной литературе с ее богатыми и развитыми литературными жанрами.

Его при жизни любили люди, разные по характеру, несхожих мировоззрений, всех он умел объединить, примирить, покорить глубиной своего ума и добротой своего сердца. Он любил людей и ненавидел все мелочное и фальшивое в них. Многим памятно его

последнее выступление на одном из пленумов правления СП Белоруссии, пафосным призывом которого было: «Давайте жить в мире и согласии, отбросим самоедство, озлобленность; жизнь и без того коротка, чтобы тратить ее на склоки. Надо больше работать». В то время, кажется, не слишком прислушивались к его словам, между тем они и теперь продолжают звучать вполне злободневно.

Произведения Владимира Короткевича с живым интересом читают люди разных возрастов и вкусов, но мне думается, большинство его книг находит самый благодарный отклик в молодых сердцах. Он и сам до конца своих дней был очень молодым по натуре и знал, чем тронуть юные души. В самом деле, высокой пробы романтизм его рассказов и повестей, неподдельный драматизм обстоятельств и благородство его исторических образов, искренность и глубина его умных эссе — вот тот добротный фундамент, на котором основывается прочная читательская любовь к Владимиру Короткевичу. Авторитет его в нашей советской литературе гарантирован на многие годы, у него учатся новые поколения белорусских литераторов.

У него есть чему поучиться.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

Апрель 1990 г.

Он не принадлежит к числу литературных звезд первой величины, его вклад в современную белорусскую литературу, наверно, нельзя назвать выдающимся. Тем не менее почти все написанное им непременно вызывает живой читательский интерес, так как построено на добротной жизненной основе, где немало от личного опыта, опыта трудной, полной сокрушающих перипетий жизни.

В послевоенном Союзе писателей БССР он довольно продолжительное время пребывал в роли молодого, начинающего автора, но уже тогда обращал на себя внимание если не книгами, которых у него было немного, то уникальностью боевого прошлого, значительностью личного вклада в еще свеже сиявшую тогда победу. Среди немалого числа писателей — недавних фронтовиков, партизан, армейских журналистов и политработников — он, похоже, оказался единственным, кому уготовано было пройти едва ли не все мыслимые и немыслимые круги военного ада: подпольную и партизанскую борьбу на оккупированной территории, немецкий концлагерь, фронтовые будни. Два тяжелых ранения — пулевое в плечо под Варшавой и осколочное

в грудь в Берлине за несколько дней до Победы — не могли не отразиться на его здоровье. (Второе, кстати, едва не закончилось трагически. Осколок немецкой мины, разбив за плечом автоматный приклад, застрял в легком вместе с вовлеченным туда клоком ваты из телогрейки. Почти год раненый балансировал между жизнью и смертью в гнойном отделении подмосковного госпиталя и, наверное, тогда дал себе клятву: если выживет, не возьмет в рот ни капли спиртного. Так повелели врачи. И эту клятву он, в общем, сдержал, что, возможно, и позволило ему дожить до его нынешних лет.)

Опыт военного лихолетья самым естественным образом вошел в его прозу, стал сюжетной основой таких широко известных карпюковских повестей, как «Данута», «Пущанская одиссея», многих рассказов. Прошлому Гродненщины посвящен роман «Вершалинский рай» с его занимательной, почти приключенческой фабулой, основанной, однако, на достоверных, аргументированных фактах религиозной жизни тридцатых годов. Активно занимаясь литературным творчеством, Алексей Карпюк по долгу гражданина и коммуниста принимал деятельное участие в общественно-политической жизни области, писательской организации республики. Не было ни одного сколько-нибудь представительного писательского форума в Белоруссии, где бы не выступил Карпюк. И надо сказать, что в те затхлые, застойные времена он не стеснялся сказать правду, как ее понимал, и его слушали, ему внимали.

При всей внешней сдержанности и даже некоторой суровости характера он наделен впечатлительной душой, легкоранимым сердцем, способным глубоко переживать все собственные и чужие несообразности жизни. Заступиться за обиженного, за справедливость и попранное право кого-то — обычное для него дело. Наверное, теперь — это естественная нравственная норма каждого порядочного человека, но еще недавно в том старались усмотреть крамолу, «нарушение и ослушание» со всеми вытекающими из того последствиями. В то время как многие хитроумно помалкивали, согласно поддакивая начальству, Карпюк шел в обком и по шесть часов кряду в жарком, безоглядном споре старался переубедить руководство в ошибочности его политики — в экономике, сельском хозяйстве и культуре. В самую пору застоя, когда за некоторые публикации на автора этих строк обрушилась зубодробительная критика партийной и военной печати, когда любое партийное мероприятие в Гродно, чему бы оно ни посвящалось, сводилось в итоге к излюбленной теме проработки Быкова за его «клевету» на героизм Советской Армии в годы Великой Отечественной войны», — в такой обстановке я не тешил себя

надеждой на чье-либо заступничество. Но Карпюк заступился. С трибуны одного из партийных активов он выразил дерзкое недоумение: почему генерал Епишев вмешивается в литературу? («Если он генерал, то пусть командует войсками, а с повестями Быкова должны разбираться критики».) Разумеется, я был благодарен Карпюку за его заступничество, хотя и не отдавал себе отчета, чем оно может обернуться для нас обоих.

Обладая многолетним опытом проживания в условиях провинции, хочу упомянуть о некоторых ее особенностях для жизни провинциальных писателей. Обычная немногочисленность членов областных писательских организаций, жизнь у всех на виду, постоянная поднадзорность со стороны начальствующих и «курирующих» органов, неуемное стремление последних поучать и воспитывать, категорическое неприятие малейшего намека на критику местных порядков вынуждают творческих людей либо к конформизму, либо к постоянной конфронтации с властями. Это уж в зависимости от характера, а также от масштаба таланта. Так уж повелось, что в провинции нередко благоденствуют литераторы скромных дарований, в то время как обладатели несомненного таланта либо выезжают из нее, либо капитулируют, либо спиваются. Немногие, подобно Карпюку, обрекают себя на бессрочное «испытание провинцией». Нормальное развитие таланта в провинциальных условиях весьма проблематично.

Справедливости ради надо сказать, что, может быть, не все в выступлениях Алексея Карпюка было совершенно бесспорным, взвешенным и выверенным. Но по обыкновению все шло у него от чистого сердца, без своекорыстия, от стремления к справедливости. И произошло то, что в те годы не являлось редкостью: органы идеологического надзора наконец остановили на нем свой карающий выбор. Однако применить репрессии против строптивца только на основании его одиозных высказываний было, по-видимому, сочтено недостаточным, следовало «наработать компромат», чтобы ударить наверняка. Показать всем этим «писакам» силу права и власти в республике.

И вот Гродненское управление госбезопасности выделяет опытного, бериевской закалки чекиста по фамилии Фомин с задачей вплотную заняться личностью беспокойного писателя. Надо признать, что Фомин поработал на славу: за короткий срок сварганил уголовное дело, состоящее из многих обвинительных пунктов, каждый из которых, по признанию тогдашнего прокурора Гродно, тянул минимум на пятнадцать лет заключения в ИТЛ усиленного режима. Как же: бежал из немецкого концлагеря. Но специально допрошенные

свидетели, просидевшие там до момента освобождения их Советской Армией, показывают, что бежать из этого лагеря было невозможно — они же не убежали. На основании их показаний делается заключение, что Карпюк был отпущен. Но с какой целью? А вот с какой: для разложения партизанского движения на Гродненщине. Подтверждением этой версии явился «факт дезертирства» Карпюка из партизанской бригады. Вот только куда «дезертирство» и при каких обстоятельствах — следствие о том умалчивало.

Если это могло быть названо дезертирством, то выглядело оно следующим образом. После побега из концентрационного лагеря Штутгоф и долгого скитания на территории Польши Карпюк поздним осенним вечером добрался наконец до родного хутора под Белостоком. В общем удачный, этот побег не принес радости. Прежде чем увидеть мать, Карпюк наткнулся на немецких солдат, квартировавших в усадьбе. Как всегда в такой ситуации, выручили ноги, беглец бросился под покров спасительного леса (благо, тот был рядом), где полгода назад располагались партизанские группы, с которыми он сотрудничал. (Именно после одной совместной диверсии на железной дороге он, брат и отец были арестованы гестапо и брошены в Штутгоф.) Но, к несчастью, в лесу кое-что изменилось за девять месяцев его пребывания в концлагере, знакомых отрядников там не оказалось, на их местах расположилась пришлая партизанская бригада, возле которой он и был задержан. На первом же допросе он вызвал изумление особистов своим рассказом о побеге, и те, недолго думая, засадили его под арест в землянку, откуда каждую ночь водили на допросы с неизменным требованием признаться, какое получил задание. Так продолжалось неделю или больше, однажды Карпюк понял, что все скоро и навсегда окончится. И он снова бежал.

Наверно, сделать это было полегче, чем выбраться из Штутгофа, и под утро той счастливой ночи он оказался в расположении другой партизанской бригады, которой лихо командовал молодой комбриг, бывший ленинградский инженер Войцеховский. По-видимому, у того были несколько иные представления о бдительности, чем у соседей, и, внимательно выслушав беглеца, комбриг без лишних слов отрядил его в разведку под присмотр надежных ребят, которым надлежало испытать новичка в деле. Забегая вперед, замечу, что это испытание длилось недолго. Войцеховский понял, с кем имеет дело, и уже через полгода назначил Карпюка командиром вновь созданного отряда имени Калиновского. Именно этим отрядом Карпюк и прокомандовал до момента освобождения Белоруссии летом сорок четвертого года. Как командовал — о том свидетельствуют ордена Красного Знамени и

Отечественной войны на груди командира. Несколько позже к ним прибавился золотой крест «Виртути Милитари» Польской Народной Республики.

Здесь может возникнуть законный вопрос: насколько достоверны все изложенные здесь факты, которым, разумеется, не был свидетелем автор? На это отвечу, что автор осведомлен о подробностях карпюковских перипетий не только из его личных рассказов, но также из разговоров и воспоминаний самого Войцеховского, иногда наезжавшего в Гродно, где мы втроем встречались не только за чашкой чая. Впрочем, Карпюк всегда обходился чаем, которого выпивал по дюжине стаканов за один присест. На нашу долю перепадало остальное.

И вот однажды на партийном собрании редакции областной газеты, где Карпюк состоял на учете, появляется молчаливый товарищ из горкома и ставит вопрос об исключении Карпюка из рядов КПСС как двурушника и разоблаченного врага, в годы войны сотрудничавшего с оккупантами.

Коммунисты редакции были шокированы. Многие работали с Карпюком на протяжении двух десятков лет, другие вместе воевали в годы войны, все знали его как героя партизанской борьбы, а тут — сотрудничество с оккупантами! Восемнадцать коммунистов из двадцати двух не поддержали требование горкома, дело об исключении срывалось. Тогда несколько дней спустя Карпюк был вызван на бюро горкома, где его исключают единогласно. Тут же дело Карпюка было передано в городскую прокуратуру для получения санкции на привлечение к уголовной ответственности. Покойный прокурор города Волох потом рассказывал, что, получив из управления КГБ это дело, почувствовал некоторое затруднение и позвонил (как же — телефонное право!) первому секретарю обкома КПБ Микуловичу. Первый также несколько замялся с ответом: все-таки известный писатель, герой войны, популярный в городе человек. И первый спросил, все ли обвинения надежно доказаны? Вот тут от прокурора потребовалось, кроме приверженности к закону, и еще что-то из области человеческой совести. На вопрос секретаря он ответил отрицательно, на что последовало указание вернуть дело на доследование, чтобы снять все неясности.

Для самого же обвиняемого вся эта история с самого ее начала была ясна как божий день, белые нитки торчали со всех страниц ее распухшего дела, и он бросился опровергать устно и письменно. Казалось, многое опровергнуть не составляло труда. Многое, кроме ведомости из Штутгофа на получение немецких марок с его, Карпюка,

собственноручной подписью, происхождения которой он не мог объяснить. На ее ксерокопированном экземпляре отсутствовал титул, значились только фамилия и сумма в марках с росписью получателя. Делалось допущение, что это оплата администрацией лагеря тайных услуг своих секретных сотрудников. Ведомость, разумеется, была серьезной уликой против обвиняемого, на ней строилось многое в его злополучном деле. Среди этого многого, например, сотрудничество с гестапо начальника штаба отряда имени Калиновского, проживающего ныне в Польше, внедрение Карпюком в диверсионную группу, десантированную на территорию Чехословакии, агента абвера, доносительство на соседа Грушевского, который был незаконно репрессирован и сослан в Казахстан. Было от чего сойти с ума.

Несчастья обрушились на Карпюка, словно каменный обвал в горах. Первым делом его отстранили от работы секретаря областного отделения СП БССР (с окладом 80 рублей в месяц), различные редакции разом отказали во всех публикациях, из издательских планов были выброшены все карпюковские книги. А тут еще пришлось положить в онкологию жену-учительницу, на руках безработного остались двое детей-студентов и дочь-школьница. Жить стало не на что, кормить семью было нечем. Время от времени писал заявления в Литфонд об оказании материальной помощи, но помощь оказывалась маленькой суммой раз в году. Другой помощи ждать было неоткуда. Руководство Союза писателей БССР заняло выжидателвную позицию, явно поставив ее в зависимость от результатов апелляций Карпюка в партийные органы. Друзья... Ближайший из них, доцент мединститута Б. Клейн, был также исключен из партии и лишился работы, автор этих строк, будучи беспартийным, подвергся жесткому прессингу партийных и охранительных органов, включая мордобой руками уголовных элементов и вызовы на профилактику в республиканское управление КГБ.

Надо отдать ему должное: Карпюк не думал сдаваться, он боролся. Вскоре после исключения он пишет около тридцати писем товарищам по войне, партизанам своего отряда и... не получает ни одного ответа. Между тем их ответы пополняют его «дело», и можно догадаться о смысле этих ответов, сочиненных под диктовку следственных органов. Партизанский отряд имени Калиновского вдруг отказались признавать, словно его не существовало в природе, и его командир оказался в роли самозванца. Карпюк бросается в минский партархив, где со времен войны хранится вся партийная и партизанская документация, и не находит ни одной бумажки по своему отряду. Исчез даже отчет, который Карпюк составлял

собственноручно вскоре после освобождения Белоруссии. Зато его «дело» в эти дни пополняется еще одной «ценной бумагой», написанной бывшим комбригом Войцеховским. Оказывается, никакого вклада в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками отряд имени Калиновского не внес, и вообще он, комбриг, командиром этого отряда гражданина Карпюка не назначал.

Доведенный до отчаяния предательством бывших друзей и соратников, Карпюк на последние деньги покупает билет на поезд и едет в Ленинград. К его удивлению, Войцеховский принимает его по-прежнему тепло и радушно и на возмущенный вопрос приезжего отвечает обезоруживающе просто: «А что я мог сделать, Алеша? Что они потребовали, то я и написал». Результатом этой поездки стала другая бумажка за подписью комбрига о том, что «тов. Карпюк А. Н. с такого-то и по такое-то время являлся командиром отряда имени Калиновского и проявил себя с наилучшей стороны». С этой спасительной характеристикой Карпюк бросается в Гродненский горком, где его первый секретарь Могильницкий невозмутимо ответствует: «А зачем нам эта бумажка? У нас есть другая бумага Войцеховского, она нас больше устраивает». Их устраивало все, что было против их жертвы, что работало на их дьявольский замысел подавления. Им следовало до конца растоптать, раздавить человека. Только за что? И во имя чего? Во имя беспрекословного повиновения и послушания? Бетонного единомыслия, железного порядка, незыблемой казенной идейности.

Начался многолетний период в жизни писателя, состоящий из непрерывных изнуряющих попыток как-то прорвать заколдованный круг абсурда. Пока его дело путешествовало по бесконечным апелляционным инстанциям, карательные органы терпеливо выжидали, плотоядно потирая руки. Утверждение исключения из партии должно было явиться сигналом для нового процесса — уголовного. Уж тут были все возможности отличиться, заработать ордена и звезды. Как же: известный писатель, герой войны — агент гестапо, разоблаченный усилиями славных чекистских органов. Некоторые из числа доброхотов советовали Карпюку плюнуть на справедливость, все признать и покаяться, может, тем умилостивив жаждущих крови. Карпюк, однако, не торопился каяться, продолжал единоборство, хотя средства его были ограничены до предела, а возможности с каждым днем убывали. Его аргументы, исполненные логики и элементарного смысла, не принимались в расчет. Свидетельские показания в пользу обвиняемого отвергались. Наверно, в такой ситуации требовалось хотя бы элементарное чувство справедливости и сколько-нибудь

беспристрастный подход к этой от начала до конца сфальсифицированной уголовной истории.

Но где было в то время найтись такому подходу? Задавленный страхом город молчал. Молчали ветераны. Молчали писатели. Ни один из обладавших властью чиновников не пожелал защитить человека. Таких не было в Белоруссии, не оказалось в Москве. Зато такой человек отыскался в Польше, за свободу которой когда-то пролил свою кровь обвиняемый. Товарищ Карпюка по антифашистской борьбе, белостокский писатель Олек Омельянович поехал в музей Штутгофа, созданный на месте былого концлагеря, и в его архивах разыскал оригинал злополучной ведомости. На ее титульной странице четко значилось: выдача заключенным денежных переводов, поступивших от их родственников. Оказывается, в рейхе существовал порядок, по которому немцы охотно принимали денежные переводы в адрес заключенных, на содержание которых те будто бы и тратились. Карпюк также несколько раз расписывался в получении марок, присланных матерью, распродавшей хозяйство и посылавшей что было возможно троим заключенным — мужу и двум сыновьям. Но, расписавшись, он тут же и забывал о том — фикция, она и есть фикция. Тем более что сознание заключенного было занято другим — как вырваться из лагеря. И вот вырвался...

Я не имею здесь ни желания, ни возможности более подробно разбираться во всей этой омерзительнейшей стряпне, сплошь построенной на передергивании, измышлениях, подтасовках. Но кое-что все же нуждается в пояснении. Хотя бы история с сотрудником гестапо, подвизавшимся в роли начальника штаба отряда. Сотрудничество это, по словам самого комбрига Войцеховского, состоялось с ведома и одобрения командования бригады, и можно сказать, что не гестаповский агент был внедрен в ряды партизан, а наоборот: партизанский агент — в ряды гестапо, отчего партизаны имели немалую выгоду. В первые послевоенные годы это обстоятельство не составляло тайны для местных «компетентных» органов, но со временем, с приходом в них новых людей и уходом из жизни партизанских руководителей, как-то забылось (не без умысла, как мне кажется, забылось), чтобы заново возродиться голым фактом «сотрудничества».

Примерно то же можно сказать и относительно будто бы имевшего место «внедрения» Карпюком агента абвера в нашу диверсионную группу. Летом сорок четвертого года, когда еще шла война, недавний партизанский командир Карпюк был вызван в Минск для составления отчета о боевой деятельности отрада. Однажды, вместе с товарищами проходя мимо лагеря немецких военнопленных на

Комаровке, он случайно бросил взгляд на одного из многих сотен его обитателей, и лицо немца показалось Карпюку знакомым. Действительно, это был солагерник по Штутгофу, бывший социал-демократ, который в лагере неплохо относился к русским — угощал некоторых табачком. Теперь в форме солдата вермахта он понуро сидел за колючей проволокой советского лагеря. Карпюк коротко сообщил о пленном своему спутнику, также одному из партизанских командиров Белоруссии, и тот сказал, что надо бы о том доложить начальству. Сделать это было несложно, начальство располагалось рядом. Оно и в самом деле отреагировало охотно и оперативно: немец был отделен от остальных, прошел в Подмосковье курс спецподготовки и осенью того же года в составе диверсионной группы заброшен в Чехословакию. Далее судьба диверсантов сложилась трагически, почти все они погибли, и было подозрение, что их провалил именно этот немец. Теперь, спустя четверть века, вину за его «внедрение» возложили на Карпюка. Вот уж поистине — доброта наказуема. Пройди тогда Карпюк мимо пленного, не подав виду, что узнает его, не было бы и этого обвинения. Впрочем, нашлись бы другие.

Чтобы не распространяться больше об этой почти фантасмагорической истории, которая лишь бледной тенью отражена в этих строках, а в свое время способна была морально и физически сломать человека, скажу только, что в тот раз почти все закончилось для Карпюка благополучно. На заседании бюро ЦК КПБ благодаря заступничеству покойного П. Машерова Карпюк избежал исключения, отделавшись строгим выговором (за «неискренность перед партией, намерение улучшить автобиографию») — надо же было как-то оправдать многолетние усилия органов, партаппарата и прокуратуры. Спустя положенное время выговор был снят, облыжные обвинения отметены. Состряпавший малоудачное дело майор Фомин был уволен из органов, начальник областного управления КГБ Кузнецов за шалости на охоте со стрельбой по человеку выпровожен на пенсию. Бывший первый секретарь горкома партии Могильницкий, стоявший у истоков расправы, сперва повышен в должности, а потом за другие преступления исключен из партии.

Карпюк как будто оправился от потрясений, пришел в себя, обрел творческую форму, создал ряд книг, ставших заметным явлением в современной белорусской литературе. За одну из них получил литературную премию имени И. П. Мележа. Может быть, теперь и не стоило бы ворошить это его малорадостное прошлое, если бы не некоторые события буквально последних месяцев. Именно эти события как нельзя лучше свидетельствуют, насколько прочно угнездилась

в сознании некоторой части партбюрократии печальной памяти сталинская нетерпимость. Под бурные дебаты о перестройке и плюрализме мнений, не утихающие в столицах, провинция продолжает жить однажды и давно заведенным образом, новые, свежие веяния доходят до нее неполно и с большим опозданием. Не имея возможности или не желая в чем-либо меняться, бюрократия не утруждает себя изобретением новых методов борьбы с разномыслием и привычно хватается за старые, многократно испытанные.

Началом нового витка преследований Карпюка послужили его публикации в областной газете на темы коллективизации в западных областях Белоруссии. Судя по этим публикациям, личный опыт автора, молодого коммуниста, бывшего заведующего районо Карпюка, вступил в некоторое противоречие с расхожими пропагандистскими клише на данную тему, и в Гродненский обком пошли письма от ревностных охранителей устоев. Оказывается, все пережитое Карпюком в те времена, все, чему он являлся свидетелем, — не более чем «односторонние обобщения и выводы, уводящие читателя от той реальности, которая складывалась...», а примеры из жизни «искажены, страдают недостоверностью» и т. д. Впрочем, критика критикой, даже самая злобная и несправедливая, к ней ли привыкать такому писателю, как Карпюк. Но в этот раз за критикой последовало нечто иное, от чего вновь пахнуло не столь отдаленным и даже далековатым прошлым. По всей видимости, учуяв знакомые доносительские интонации, обком партии срочно создает комиссию по проверке... личности автора публикации. На свет божий снова извлекаются пожелтевшие папки, и вот прежние обвинения гуляют по страницам областной прессы. Почти без комментариев их охотно подхватывает такое одиозное в Белоруссии издание, как ежемесячник «Политический собеседник», знаменитый верностью сыскным традициям бесславных лет, и давняя, отвергнутая сенсация готова перерасти в очередное «разоблачительство».

Создается вполне обоснованное впечатление, что собранный когда-то «компромат» вне зависимости от его достоверности тщательно приберегается «про запас», чтобы в нужный момент запустить его в дело. Как это явствует из истории с Карпюком, момент этот определяется не КГБ и не правоохранительными органами, а скорее органами идеологического надзора. Горком, обком, ЦК партии включают условный сигнал расправы, который тут же принимается к исполнению карательными органами. Военные злоключения Карпюка были известны давно, еще с военного времени, однако не вызывали особой реакции до тех пор, пока Карпюк сидел тихо. Но вот стоило

ему высунуться, как все началось сначала. При этом, кажется, забыт или игнорирован хотя бы тот факт, что почти все бывшие «экзекуторы» Карпюка так или иначе скверно кончили. Или, может быть, именно этот их скверный финал вызвал столь бурную реакцию, сильно смахивающую на запоздалую реакцию отмщения за ведомственные проколы. Но такая ведомственная «памятливость», обостренная чувствительностью определенных ведомств к чести подпачканных мундиров, по существу, чревата многими последствиями даже для нашего перестроечного времени. В самом деле, те, кто в недавнем и отдаленном прошлом дружно сажал, стучал и доносил, теперь не прочь обвинить в том других, лишь бы запачкать как можно сильнее. Общая вина вроде бы уменьшает вину индивидуальную.

Слов нет, наверно, Карпюк поступил не лучшим образом, дав по запросу смерша отрицательную характеристику на Грушевского, который и был затем репрессирован. Но можно ли не учитывать сегодня конкретную атмосферу тех лет, когда возвращались с войны солдаты, и искалеченный, с подорванным здоровьем фронтовик встретил в деревне соседа, бывшего немецкого старосту, всю войну просидевшего дома? Карпюк написал то, что о нем думал, но не Карпюк же в конце концов проводил следствие, судил и репрессировал, наверно же, этим занимались другие. Или эти другие не несут никакой ответственности за попрание принципов, которые обязаны были соблюдать хотя бы по долгу службы, если не по велению совести? Ясно, что сегодня ими движет вовсе не жажда справедливости, а скорее желание за счет реабилитации одного обвинить другого, чтобы самим остаться в стороне. И еще — «неискренность перед партией»... Не знаю, как можно рассчитывать на какую-то «искренность» там, где царил страх наказания за ничто, где отсутствовала всякая надежда на правый суд, где столько усилий госаппарата расходовалось именно на подавление искренности, воспитание двуличия и лицемерия. В таких условиях ложь во спасение — может, не самый худший из человеческих пороков, и проклятие падет не на тех, кто к ней прибегает, а на тех, кто к ней понуждает.

Конечно, мы слышим с детства, что сила добра одолевает злобные силы и правда в конце концов торжествует. Но, к сожалению, человеческая жизнь не беспредельна, и как быть, если самая большая ее часть, самая активная и трудоспособная часть отравлена злом ж несправедливостью? Алексею Никифоровичу Карнюку исполняется семьдесят лет. Прожита труднейшая, полная невзгод и лишений жизнь, в которой столько душевных и физических сил потрачено на преодоление несправедливости, ветряных мельниц облыжных

обвинений. И в этом смысле можно ли утешиться банальным сознанием плодотворности преодоления как необходимого условия творчества, высокой духовности? Известно, что в ракушке с застрявшей песчинкой возникает жемчужина. Но всё же... Думается, в случае с Карпюком этих песчинок выпало слишком много для одной ракушки и даже для одной самой драматической судьбы...

ГАЗЕТА «ИЗВЕСТИЯ»

Сентябрь 1990 г.

Франциск Скорина, выдающийся деятель славянской культуры эпохи Возрождения, происходит из древнего, некогда славного белорусского города Полоцка. Жажда передовых знаний, любовь к родине, неукротимое желание послужить просвещению своего народа рано позвали его в чужие края. Учеба в Вильно, Кракове, Падуе — по тем временам признанных центрах возрожденческого просвещения и культуры — дала нашему беспокойному земляку дипломы философа, доктора медицины, доктора свободных наук.

Однако по-настоящему Скорина увлекся переводом на белорусский язык главной книги человечества — Библии, что уже само по себе способно было прославить его имя в истории. Но истинному патриоту родной земли, гуманисту, органически воспринявшему идеи европейского возрождения, этого было недостаточно. Плоды своего подвижнического труда он стремился сделать достоянием всего народа, приобщить его массы к христианским истинам, основанным на испытанных в веках человеческих ценностях.

Уже в 1517 году он собственноручно налаживает книгопечатание в Праге, затем перебазирует его поближе к родным краям — в Вильно. В течение небывало короткого времени Скорина перевел, прокомментировал и напечатал 23 книги Библии под общим названием «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скариною из славного города Полоцька богу ко чти и людям посполитым к добру научению».

Кроме перевода, Скорина еще и снабдил библейский текст предисловиями и послесловиями собственного сочинения, в которых выразил свое мировоззрение, основанное на стремлении к правде, справедливости, гармонии в отношении Бога и человека. Ренессансный гуманизм Скорины был органически сориентирован на земную красоту и социальную гармонию. Правовое сознание того времени Скорина стремился соединить с моральными нормами христианства,

нравственным кредо его стал новозаветный императив: «То чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хощети от иных имети». Вещие эти слова ныне, как и пятьсот, и тысячу лет назад, звучат бесценнейшим гуманистическим постулатом. Особенную важность и значение обретают они в наше время настоятельного поворота от надуманных, фальшивых доктрин к непреходящим общечеловеческим ценностям.

Как и многие пророки своего Отечества, Скорина нечасто пользовался благосклонностью земных владык, долгие годы его мятущаяся душа не переставала искать места — пристанища для главного дела своей жизни — книгопечатания и просвещения. Он исколесил немало европейских стран, посетил много городов, в иных недолго работал, властители других сразу указывали ему на дверь. Не приняла его и Москва, куда он приехал в конце 1520 года с намерением заинтересовать русское правительство в книгопечатании. Но где бы он ни был и чем бы ни занимался, его сердце принадлежало родине, полоцкой земле, и ее народу, потому что, как он писал, «люди, где зародилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имеют». Через все его творчество проходит неутоленная любовь к родному языку, развитию и распространению которого он по существу посвятил свою жизнь.

Франциск Скорина — совершеннейший мастер книгопечатания. Он первым в Восточной Европе разработал и применил на практике теорию искусства оформления книги, ввел в книгопечатание такой важнейший элемент книги, как титул, широко разошедшийся потом в мире. Его иллюстрации — древориты — непревзойденный образец оформления книг того времени.

На протяжении своей нелегкой, многозаботной жизни Скорина изведал все: от успеха и признания до бедности, тюрьмы, остракизма. Правда, в отличие от многих его потомков, судьба отнеслась к нему более милостиво и успела реабилитировать его при жизни. Но доживал он свои дни все-таки на чужбине и последнее свое пристанище нашел на благословенной чешской земле.

В эти дни славянский мир отмечает пятисотлетие со дня рождения выдающегося сына белорусской земли, великого писателя и просветителя. И сегодня гуманистические идеи его существенно важны для славян и всего человечества.

ЖУРНАЛ «ПОЛИТИКА» (ВИЛЬНЮС)

Июль 1990 г.

Интенсивная политизация нашего общества — факт хотя и общепризнанный, но далеко не однозначный по своему содержанию. Наряду с пробудившейся активностью прогрессивных сил активизировались также силы консервативные, те самые, которые заправляли жизнью страны 70 лет подряд и теперь оказались на грани политического банкротства. С некоторым, правда, опозданием они поняли, что им грозит, и напрягли свои имперские, далёко не одряхлевшие мышцы. Надо заметить, силой они обладают немалой, подкрепленной консервативной сущностью армии, партии, карательных органов, нравственной неразборчивостью, когда для достижения вожделенной цели хороши все средства. А цель эта — ускользающая из их цепких рук власть, без которой они — ничто. Без власти они — химера, лишенная морали, духовности, чувства элементарного смысла. Именно в целях удержания власти они выдвигают перед народом пугающую перспективу реставрации капитализма, гибели милого их душе социализма, грядущего ущемления прав нацменьшинств. Десятками лет они дружно попирали всякие человеческие права, в том числе и права того нацбольшинства, к которому нынче воспылали такой пламенной любовью, — русскоязычного большинства.

Борьба с этой химерой, однако, зашла слишком далеко. По всей видимости, нынче наметилось некоторое равновесие, баланс противодействующих сил, хотя исход борьбы все еще остается труднопредсказуемым. Хочется надеяться на лучшее, но не исключено и самое худшее. Вполне может оказаться, что, однажды проснувшись поутру, мы узнаем о состоявшемся чрезвычайном пленуме ЦК КПСС, на котором генсеком избран какой-нибудь маршал или генерал-полковник с присвоением ему звания генералиссимуса и президента. В самом деле, у нас нет никаких на этот счет ни правовых, ни политических гарантий. Впрочем, против военных переворотов гарантии вряд ли существуют в странах, где демократия, подобно нашей, только еще поступила в подготовительный класс демократической школы.

Взаимоотношения наших народов-соседей — не частый в истории пример истинной дружбы, когда столь различные этносы миролюбиво сосуществовали на относительно небольшой то общей, то сопредельной территории. Отсюда сходство нашей символики, быта, наших национальных характеров. Ваша Погоня есть и наша Погоня,

ваш святой Вильнюс и для нас любимый город, сокровищница литовской и белорусской культуры. Надо сказать, что в доперестроечный, «застойный» период в наших национальных отношениях не было никаких проблем, эти проблемы появились позже и несомненно инспирированы провокационными силами. В ряду их стоит запрещение белорусским партруководством национальных символов, появление сомнительных карт со вновь проведенными границами, недавнее требование Президиума Верховного Совета БССР относительно трех якобы белорусских районов, незаконно отошедших к Литве. В данной ситуации может утешить лишь то соображение, что все эти претензии никакого отношения к действительным интересам народов не имеют и являются плодом горячечного воображения партбюрократии, забывшей, в какое время она живет.

Вместе с литовским народом белорусы радуются, что ваше народное движение одержало беспрецедентную победу. Нигде и никогда, ни одному народу в СССР это не удавалось, все попытки такого рода оканчивались кровавой баней. Литовцам удалось. И хотя до полной победы, по-видимому, еще далеко, но вы сделали выбор и тем одолели немалую часть пути к свободе и независимости. Можно по-разному относиться к акту 11 марта, по-разному оценивать степень его современности и целесообразности, но ни у одного демократически настроенного человека этот акт не может вызвать сомнения в его законности. Литовцы первыми в стране сделали то, о чем мечтает каждая нация. После семи десятилетий бесправного и бесплодного существования в составе бездарно-репрессивной империи только человек бесчестный или нравственно раздавленный может желать продолжения этого существования. Москва настаивает на неконституционности акта, на обязательности референдума. Но она упускает из виду (намеренно или по неосведомленности), что все 80 процентов литовцев и половина из 20 процентов проживающего в республике иноязычного населения (в том числе русских и белорусов) непременно проголосуют за отделение. И только русские партбюрократы, представители прирученной рабочей элиты да штатные осведомители госбезопасности, боясь потерять то, чем располагали, или предстоящих разоблачений, выскажутся за сохранение рабского статус-кво. Да, вам теперь трудно, может статься, будет еще труднее, но Литва выстоит. Должна выстоять. Сейчас или никогда — так должен быть поставлен вопрос, вопрос жизни и смерти литовского государства.

Относительно белорусской государственности у меня мало оптимизма. По всей видимости, белорусское национальное самосознание в

своем развитии еще не достигло уровня, когда стремление к суверенитету становится главной целью лишенной свободы нации. Как ни печально, об этом свидетельствуют итога последних выборов в Верховный Совет республики, радикально-национальный элемент в котором составляет одну пятую от общего числа депутатов. В основном это национальная интеллигенция, которая теперь ведет изнурительную и малоуспешную борьбу с реакционным, партийно-ветерански-сталинским большинством. Так же, как и Белорусский народный фронт во главе с его замечательным руководителем, истинным сыном белорусского возрождения Зеноном Позьняком. Почти загнанный в подполье, этот фронт организационно оформился благодаря участию и поддержке Саюдиса, граждан славного Вильнюса, предоставивших белорусам возможность провести в нем свой первый съезд. В Минске он этого сделать не мог.

Белорусам трудно, но мы не теряем надежды, и в этом смысле для нас великий и близкий пример — самоотверженная и героическая соседка Литовская республика. Да поможет ей Бог!

В заключение я желаю читателям «Политики» всегда иметь прессу, достойную своего народа, которая бы верно служила его интересам.

ГАЗЕТА «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Август 1990 г.

Единомыслие — безусловно, идеал, к которому, впрочем, вряд ли стоит стремиться хотя бы по причине его недостижимости. Человечеству слишком хорошо памятен урок недалекого прошлого, когда на одной шестой земного шара было объявлено об утверждении почти совершенного единомыслия. Памятно также, как один из древнейших и культурнейших европейских народов, выполняя предначертания своего, вождя, пролил реки собственной и чужой крови в целях достижения именно этого единомыслия, всенародного единства. Потребовалось совсем не много времени, чтобы убедиться в абсолютном идиотизме не только предосудительных средств, но и самих вздорных целей. Что же касается литературы и искусства, то именно наш незабвенный соцреализм оказался такой бесславной попыткой достичь того, чего достичь невозможно.

Пожалуй, все-таки верно, что идеальный порядок и единомыслие только на кладбище. Но на кладбище нет жизни, там тлен и разрушение. Наше же общество возбуждено, вздыблено и взбудоражено,

как штормовое море. Поляризация политических сил приобрела неслыханные по нашенским меркам масштабы. Хорошо это или плохо — другой вопрос, но мы не можем относиться к этому явлению иначе, как к мало зависящей от нас данности. Которую, однако, нельзя не учитывать, хотя бы потому, что приходится существовать в ней, как-то с нею мириться и — что сложнее всего — что-то еще в ней творить.

Так или иначе наша перестройка затрагивает все слои общества, интересы различных политических сил. Одни из них обеспокоены проблемой удержания ускользающей из рук власти, другие — борьбой за достижение этой самой власти. Все усложняется тем обстоятельством, что за многие десятилетия тоталитарного режима мы привыкли полагать, что власть неделима. Тут же оказалось, что ее надо делить — между партией и Советами, армией и демократией, между течениями и группировками. Как это сделать по справедливости, в точности никто не знает, у нас нет собственного на этот счет опыта. Весь наш исторический опыт свидетельствует как раз о противном — о предельной концентрации власти: в форме самодержавия, «железной руки», «авангардной роли». А чтобы всем владеть сообща — такого еще не было. Не отсюда ли идейная сумятица, политический антагонизм и нервозность в среде творческой интеллигенции, от которой, кроме всего прочего, ждут еще и плодов ее профессионального труда. Но чтобы с успехом творить, необходима хотя бы относительная душевная ясность, некоторая стабильность социума, которые с недавних пор, к сожалению, начисто отсутствуют. Все в состоянии взрывного, хаотического движения, поиска, нестабильности. Диспуты, встречи, «круглые столы» не много проясняют в наших умонастроениях. Особенно если иметь в виду, что, как это водится, каждая из сторон садится за стол не с целью поиска истины, а чтобы половчее ошеломить своих оппонентов. И тут уж важны, разумеется, не столько аргументы, сколько твердость характеров и неколебимость взглядов.

Впрочем, может, это и хорошо, что все-таки не иссякают попытки о чем-то договориться, что-то прояснить. И что есть еще идеалы, для достижения которых не жалко никаких душевных усилий. Что до искусства и литературы, то, на мой взгляд, им продолжает верно служить старый, многими поруганный, но и необходимейший гуманистический идеал, лучше которого пока не найдено. Иной вопрос о конкретике: что считать гуманистическим, а что вовсе таковым не является, хотя, бывает, и усиленно под него маскируется. Но с утратой гуманизма искусство теряет все. Как свидетельствует наша художественная практика, утратить его легко, приобрести же

невероятно трудно. Идеалы такого рода, будучи утраченными, не возвращаются. Чем они замещаются в жизни художника — об этом стоит говорить, тем более что опыт такого рода у нас тоже в общем богатый.

ГАЗЕТА «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Сентябрь 1990 г.

Не в пример некоторым другим, прежним и последующим войнам, Великая Отечественная война нашего народа против немецко-фашистских захватчиков была войной героической и, безусловно, самой справедливой в нашей истории. Мы победили, это однозначно и непереоценимо, как для судеб наших народов, так и для будущего земной цивилизации. Участники этой войны — действительно герои, и прошедшие ее с первого до последнего дня, и вставшие в ее стрелковые цепи на заключительном этапе боев. Хватило всем под завязку. Победили, и, по-видимому, это главное.

Война окончилась, но не окончилась жизнь, история имеет свое продолжение как для победивших, так и для побежденных. И выжившие не утратили способности размышлять, анализировать, вглядываться в сложные извивы действительности в мире и вокруг себя.

При всем нашем традиционном оптимизме эта действительность все чаще вызывает горечь и разочарование.

Фронтовикам хорошо памятны послевоенные 40-е годы, когда они возвращались в разоренные города и голодные села. Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии — надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. И тем не менее уже тогда стало ясно, что народ-победитель заслуживал большего — по крайней мере элементарного к себе уважения за беспримерную в истории победу. Вместо того Сталин безжалостно вверг его в пучину прежних репрессий. Очень скоро возобновились (впрочем, никогда не прекращавшиеся) посадки демобилизованных фронтовиков по малейшему подозрению в инакомыслии, за пресловутую «антисоветскую агитацию и пропаганду». За трезвое слово о западном (буржуазном!) образе жизни, на который мы успели взглянуть в последние месяцы войны и удивиться, обнаружив, что жили там далеко не так, как нам твердили много лет до войны. Жили достойнее нас, богаче и свободнее. Конечно, можно было молчать о том, но не думать, не размышлять было невозможно. Те из нас, которые после войны продолжали службу за рубежом и в странах

так называемой «народной демократии», не могли не видеть, как прибывшие в нашем обозе политиканы ломают налаженный вековой образ жизни этих стран и во что это обходится освобожденным народам. Совсем еще недавно поляки, чехи, болгары, румыны, венгры так боготворили нас, освободителей от фашистской чумы, а теперь их восторг сменился недоумением и откровенной неприязнью. «Свобода», которую принесли освободители, во всех отношениях была страшнее довоенного, буржуазного закабаления. В итоге все кончилось тем, чем и не могло не окончиться — разочарованием в идеях социализма, крушением традиционного славянского братства, поголовным распространением русофобии, означавшей по существу всеобщую советофобию. Уже тогда стало ясно, что в прошлой кровавой войне, отстояв Родину от фашизма, мы упрочили и сталинскую тиранию. Благодаря нашей пролитой крови тирания обрела второе дыхание, ее власть распространилась на пол-Европы, по существу, надолго затормозив естественный ход исторического развития.

А что же внутри нашей страны?

Известно, что Сталин решительно и без колебаний отверг знаменитый «план Маршалла», посредством которого Западная Европа быстро и эффективно отладила свою экономику, ликвидировала последствия войны и неслыханными темпами устремилась по пути технической революции. Как и всегда, наш вождь и учитель был глух к страданию народа — его имперское сознание было занято проблемами расширения и упрочения безраздельной власти. Покончив в канун войны с Троцким, он тем не менее не отрешился от его идей, включая и идею мировой перманентной революции. Для решительного поворота от недавнего плодотворного сотрудничества с союзниками требовалась формальная зацепка, и ее великодушно подкинул Черчилль, выступив с известной речью в Фултоне. Началась, все разрастаясь, многолетняя «холодная война», в любой момент готовая превратиться в горячую. Это в ее ненасытную пасть ежегодно бросалось около трети скудных народных средств, обрекая народ на нищету и прозябание. Разорительные принципы «интернационализма» позволяли лезть с оружием и «безвозмездной помощью» во все уголки земного шара, куда только было возможно. Великое «холодное» противостояние двух систем готово было дотла разорить страну, превратив ее экономику в ядерный потенциал глобального уничтожения. К счастью, благодаря Горбачеву катастрофы не произошло, хотя до нее оставалось два шага.

Так что же нам дала невиданная в истории наша победа? И действительно ли совершенно не правы те, которые утверждают, что ее у нас украли?

Чтобы с определенной ясностью ответить на эти вопросы, достаточно хотя бы на краткое время посетить одну из побежденных стран. На выбор: Федеративную Германию, Италию, Японию. Многие вопросы там враз отпадут, оставив в душе великое недоумение: как такое могло случиться?

Но, очевидно, это было возможно, если не считаться с собственным народом и его фронтовиками-победителями. Они это позволили. Уверовав в примитивные фигуры массовой пропаганды, фронтовики удовлетворились набором юбилейных «бляшек», как сами они называли знаки, которыми правительство регулярно украшало мятые лацканы их пиджаков. Равно как и нищенской пенсией, бесплатным проездом в городском транспорте, запоздало осчастливившим их на склоне лет. Некоторые льготы и жалкие рубли, полагавшиеся орденоносцам, по окончании войны были отменены, как водится, по ходатайству самих орденоносцев. Нынче, возбуждая всеобщую зависть, а нередко и презрение, идет достойная жалости борьба ветеранов за кусок несъедобной колбасы в предпраздничных пайках-заказах. На протяжении десяти лет дети фронтовиков оказались перед необходимостью отдавать свои молодые жизни на чужой земле за чуждые, мало кому понятные принципы. Выжившие там и искалеченные теперь включились в движение за льготы и привилегии, которым охвачены все слои нашего разобщенного общества. О такой ли жизни мечтали фронтовики на их самой трудной войне?

Так уж повелось, что оценка военной, полководческой роли Сталина воплотилась в известном призыве «За Родину, за Сталина!», с которым бойцы якобы поднимались в атаку. Рискуя вызвать неудовольствие ветеранов войны, смею утверждать, что миф этот по преимуществу пропагандистского происхождения. Фронтовичка Юлия Друнина правильно замечает, что в атаках сплошь и рядом звучали иные восклицания. Хотя, как это было заведено, провозглашатели лозунгов и выкриков обычно назначались накануне, на комсомольских и партийных собраниях, откуда эти лозунги и перекочевывали во фронтовую печать. Но выкрикивали ли их на деле, того установить не представлялось возможным, так как невозможно было расслышать. Фронтовикам это хорошо известно, но, очевидно, недостаточно известно тем, кто от атак обычно держался на почтительном расстоянии, в лучшем случае наблюдая за ними в

стереотрубу. Я не хочу этим сказать, что имя Сталина в войну не почиталось. Безусловно, Сталина почитали, ему верили, с его именем связывали нашу победу. Но думается: а с кем же еще ее было связывать? Ведь Сталин был у нас единоличным «заведующим Советского Союза», как иронически выразился, кажется, Александр Зиновьев, и отвечал за все — хорошее и плохое. Вернее, ни за что не отвечал — спросить с него было некому.

В то время как много лет после войны основная масса ее героев и участников продолжала влачить жалкое существование, трудно, порой болезненно врастая в новую тоталитарную действительность, некоторые из участников войны скоро поняли, что новые условия предоставляют новые возможности. Как правило, это были вовсе не рядовые окопники и не герои боев. Это были люди из второго и третьего эшелонов фронта, «герои» особого рода войск — политического, те, кто все четыре года войны без устали и на все лады воодушевлял других смело отдавать жизнь за Родину. Оказаться в послевоенных героях им, в общем, было нетрудно. Вскоре после войны состоялась негласная, но существенная переоценка военных ролей и военных заслуг, и мы узнали, что к победе нас привели не командиры — офицеры и генералы, а политработники — комиссары, замполиты, а также политотделы, военные советы. Первым и главным среди них, естественно, стал известный герой Малой земли.

Совершенно поразителен тот факт, что проклятые проблемы существования, вставшие перед фронтовиками после войны, в условиях разоренного народного хозяйства, с такой же неотвратимостью стоят и поныне, спустя полвека, уже перед внуками фронтовиков.

За годы гласности и перестройки мы преодолели немало бездумных догм и ложных стереотипов. Наше сознание медленно освобождается от привычных мифов, идеология — от ставшего государственной политикой утопизма. Но среди еще не до конца преодоленных заблуждений есть многое, связанное с нашей историей, в том числе и с прошлой войной. Нам еще предстоит разобраться в ней, осмыслить, что случилось с нашей беспримерной победой. Одарили ею многострадальный народ или ее наглым образом у него похитили?

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РИМСКОМ КОНГРЕССЕ ЛИТЕРАТОРОВ

Октябрь 1990 г.

Не берусь судить, закономерность это или исторический казус, но факт, что главной эмоциональной силой нашего общества, его своеобразной национальной религией стала ненависть. Воспитуемая и лелеемая на протяжении многих лет нашей истории, она достигла своего максимального, классического выражения в годы революции и гражданской войны, хотя и после них не обнаружила склонности убавиться. Ленинизм как идеология и политика с момента своего зарождения взяли ненависть в качестве главного и основного средства для скорого достижения разрушительных целей. Сталинизм великолепно развил это чувство в народных массах, сублимировал его в качестве универсального орудия осуществления неслыханной по масштабам тоталитарной политики. Ненависть стала почти органической составляющей в огромной всеохватной идее тоталитарного порабощения человека. На совершенствование и развитие этой зоологической идеи были направлены огромные материальные и духовные силы общества. Большевики очень рано и хорошо поняли всесокрушающее преимущество этого чувства и, захватив власть, устранили прежде всего религию, как главное моральное препятствие на пути торжествующей ненависти. И это понятно: большевизм и христианство оказались взаимоисключающими идеями, одна из них должна была исчезнуть. Становится все более очевидным, что более чем полувековое устранение из нашей жизни христианской религии — катастрофа, может быть, самая значительная из всех когда-либо постигших нашу страну.

С началом перестройки многое в стране изменилось, исчезает страх как могучее организующее и подавляющее чувство нации. Но ненависть осталась. Она разобщает народы, национальности, классы, лишает людей нравственных ориентиров, вселяет разброд и шатание в умы интеллигенции. И все это из-за нашей затянувшейся в истории несвободы, нашего застарелого рабства, которым мы жестоко придавлены на протяжении веков и не можем от него избавиться даже к концу XX столетия. И вроде не торопимся это сделать. Ибо где есть свобода, там о свободе много не говорят. А мы все — о свободе. Правильно: вся наша история есть стремление к свободе. Но в таком случае чего мы стоим как народ, как нация со своим бесплодным многовековым стремлением? Или наше подневольное положение нам нравится, потому что иное нам просто неведомо. Или потому, что у

нас якобы особый путь, где все перевернуто с ног на голову. Лишенные морали и творческой свободы, мы утратили вкус к труду и, кажется, утрачиваем вкус к самой жизни. Наше сознание, освобожденное от древних христианских догматов, восьмое десятилетие порабощено античеловеческими догмами, в основе которых — все та же, едва прикрытая рабская ненависть. Именно наша ненависть, классовая, идеологическая, государственная, кроме прочего, давно и обильно питает мировое зло во всех его разнообразных современных видах и формах. Являясь проклятием для человечества, она угрожает самому существованию человеческого рода.

Может возникнуть вопрос, отчего так происходит? Не вздор ли это — наше проклятое чувство, как и причины его порождающие? Но все дело в том, что не вздор. Наша история и наше повседневное существование непрестанно генерируют питательную среду для всеразъедающей ненависти, все новые поколения захватываются в ее орбиты. Понятно, что в таких условиях не может существовать добро, оно просто не в состоянии прижиться.

Годы перестройки обнаружили новые закономерности нашего существования, когда одна, так сказать, общегосударственная ненависть распалась на множество других ненавистей — национальных, партийных, корпоративных, групповых. Ксенофобия, русофобия, антисемитизм... Оттого, что ненависть сделалась дробнее, лучше она не стала. Ненавидят все и вся. Народ ненавидит партию и партруководство, заведших страну в безысходный тупик. Утрачивая власть, партия готова возненавидеть переставший ее боготворить народ. Интеллигенция в извечном выборе между истиной и расчетом раскололась на два взаимоненавидящих лагеря. В условиях всенарастающих материальных лишений страну охватила суетная борьба за привилегии, эти скудные крохи с обнищавшего барского стола. Ветераны прошлой войны полны неприязни к молодым, издерганным военной авантюрой «афганцам», а те в свою очередь — к престарелым победителям немецкого фашизма. Всех вместе их тихо, но глубоко презирает современная молодежь, которую и те и другие тщатся воспитывать в духе i патриотизма. В отличие от давних времен, когда воспитанные люди старались скрыть это недостойное, нехристианское чувство, нынешние им откровенно гордятся. Как гордятся своей нетерпимостью ко всему, что не наше, что не так, как у нас. Потому, видите ли, что у нас свой особый исторический путь, своя мораль и своя своеобразная стать. Чужой, даже самый положительный опыт для нас — не пример, нам нужен свой. Но свой уже был, были десятилетия неслыханных экспериментов с их плачевными, траги-

ческими результатами. Удивительно, что, будучи не в состоянии изобрести что-либо стоящее, мы с упорством маньяков отрицаем не только западный быт, образ жизни, культуру, но заодно и здравый смысл, лежащий в основе всех экономических достижений Запада.

Так что же — мы не созрели для разумной человеческой жизни в условиях демократии? Выходит, однако, что не созрели. По-видимому, нельзя сразу, когда это позволено, перескочить от тирании к свободе — слишком велика пропасть, их разделяющая. Ее не преодолеть за один прыжок. А за два тоже не получится. В этом весь трагизм переживаемого страной момента.

Гласность и многострадальная перестройка дала нам возможность чуть-чуть приоткрыть глаза и впервые за много лет незамутненным взглядом взглянуть на себя. Взглянуть и ужаснуться от нашего уродства. Ужаснувшись, некоторые тут же возопили: зачем? Так хорошо было жить в созданном партийной пропагандой иллюзорном мире, не видя себя, других, и бесконечно гордиться — своей национальностью, партией, армией, КГБ. Средства массовой информации разрушили нашу безмятежность, так что же теперь: отменить гласность? Сделать это проще простого: цензура упразднена, но цензоры все по местам, армия в постоянной боевой готовности, до поздней ночи горит свет во дворцах КГБ. Так что прежнее состояние можно восстановить в одно прекрасное утро, и многие из нынешних проблем исчезнут.

Но что будем есть?

Так что же нам делать? Если иметь в виду нас, здесь собравшихся, а также творческую интеллигенцию страны, то наши возможности в экономике равны нулю, нравственность также нам не подвластна. Воспитать будущие поколения, как нам хотелось бы, мы не в состоянии, ибо давно обанкротились в качестве воспитателей. Очевидно, следует начинать с малого: попытаться разбудить в себе совесть как первичный элемент нравственности. Без корысти, без эгоизма, без лукавства впустить в душу какую-то толику доброты и терпимости. Хотя бы к своему ближнему, к собрату-писателю. Даже если он думает и пишет иначе, чем ты, если он умнее тебя или тем более глупее. Если он другой крови и не может гордиться своей принадлежностью к великому народу. А, допустим, принадлежит к малому или малочисленному. Умерить свою воспитанную за десятилетия всененавистническую прыть, взглянуть друг другу в глаза и, может, попытаться устыдиться.

Все-таки стыд достойнее ненависти.

ГАЗЕТА «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Ноябрь 1990 г.

Многие десятилетия мы ковали оружие. Изобретали, совершенствовали, обильно финансировали, отрывая от самых насущных народных проблем, обрекая соотечественников на годы нищеты и прозябания. Им вооружали армию, ДОСААФ, гражданскую оборону, складировали, запасали на случай войны. Но и торговали — продавали за твердую валюту, за апельсины, отдавали задаром и в долг. Нашим оружием оснащены армии исламских диктатур Ближнего Востока, воинские и партизанские формирования Черной Африки, Азии и Латинской Америки. Наивно полагать, что средства, вырученные за автоматы Калашникова или ракеты «земля-воздух», шли на приобретение западного ширпотреба — они шли на воспроизводство того же оружия. Более мощного, более совершенного, в еще большем количестве. Таким образом, был запущен дьявольский бумеранг, который теперь возвращается.

Переизбыток нашего оружия в мире стал беспокоящим международным фактором, им озабочены объединенные нации и демократические силы ряда стран. Не так давно советские телезрители могли наблюдать почти кощунственную, по мнению многих, сцену уничтожения груды автоматов Калашникова в Никарагуа. В других странах их пока не уничтожают, предпочитая уничтожать ими. Группировки в борьбе за власть, диктаторские режимы в борьбе с оппозицией.

Так чему же удивляться, если вооруженческое цунами, прокатившись везде, где только было возможно, повернуло в обратный путь — теперь уже по нашей земле. Теперь вооружаются у нас. И убивают. Льется кровь на юге, и нет гарантии того, что она не прольется гораздо севернее. Помимо множества других причин, оружие обладает дьявольским свойством спонтанно побуждать к его употреблению. Даже незаряженная винтовка один раз в год стреляет. Всякий ствол когда-нибудь настигнет свою жертву. Очень часто безвинную.

Оскудел товарный рынок, не хватает продуктов питания. Многие предприятия, похоже, перестают работать, продукция не выпускается. Но — не оружие. Согласно западным опубликованным данным, наш военно-промышленный комплекс трудится ударными темпами и за прошлый год произвел основных видов оружия даже больше, чем его произвели США. Наши генералы легко убедили правительство и, кажется, успешно убеждают общественность, что осуществление конверсии — слишком трудная для них задача. Для пере-

наладки военных заводов на производство кастрюль и стиральных машин требуется длительное время, очень квалифицированные кадры и громадные капвложения, которых, разумеется, у нас нет. Для производства же начиненных электроникой танков, новейших истребителей-бомбардировщиков и боеприпасов со смещенным центром тяжести ничего не требуется, Вот они их и производят, как производили в дозастойное и застойное время.

На чью голову только?

Инициатива «Комсомольской правды» — скупать на черном рынке оружие, по-видимому, от безысходности. Кроме того, это, быть может, реальная попытка как-то нейтрализовать дьявольскую кузницу самоуничтожения. Они будут производить, а мы, скинувшись по десятке, скупать, чтобы уничтожить. Иначе эта неуправляемая стихия уничтожит нас. Руками наших же полуголодных соотечественников. Запущенный бездумной рукой бумеранг возвращается — поостерегитесь, граждане!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Декабрь 1990 г.

В который раз открывается очередная сессия верховного органа власти, и на ней впервые не будет депутата, чье непременное присутствие всегда так много значило. Горестно сознавать, что никогда больше не появится он в этих залитых светом стенах, не зазвучит в них еш трудный, прерывающийся голос. И участники заседаний, и многомиллионные телезрители успели привыкнуть за последний год к виду его медлительной, сутуловатой фигуры, терпеливо дожидающейся своей очереди у свободного микрофона или пробирающегося к столу президиума. Мы напряженно внимали его прерывистым словам, в которых с предельной полнотой жила честная, незаемная мысль, выраженная с интеллигентской деликатностью, исполненная неотразимой сахаровской правды. Не сказать, что она всем приходилась по сердцу, эта выстраданная им правда, еш появление на трибуне вызывало не только восторженные аплодисменты, но и, случалось, гневную обструкцию определенной части присутствующих. Правда Сахарова, высокая совестливость его чувств и побуждений были для многих вызовом их затхлой рутинности, которую они старались перетащить с собой из прошлого в будущее.

Горбачев освободил его от унизительной, противоправной ссылки, но, по-видимому, не оградил от злого неприятия, вызванного его кристальной добродетелью, истолкованной как порок. Те, от кого зависела судьба ученого, понимали: чтобы добиться победы над ним, следовало его оболгать. И получилось явление парадоксальное по своей сути: тот, кто, может быть, первым возвысил свой голос против афганской авантюры, кто встал на защиту подлинного интернационализма во имя сохранения человеческих жизней, рисковал быть побитым теми, кого он защищал. На наших глазах совершалась вопиющая несправедливость, возможная лишь в условиях подмены элементарных нравственных норм, во всех отношениях чрезмерная даже для общества с перевернутым сознанием. Так, словно за годы этой войны мы ничему не научились, не навоевались, не напроливались своей и чужой крови — во имя исполнения эфемерного, если не сказать преступного, долга. Долга рабов перед тиранами. Чуткая душа Любого человека могла спасовать перед логикой чудовищных обвинений, но Сахаров выстоял. Потому что на этот раз, как и всегда, оставался верен своей в муках обретенной истине, выше и значительнее которой у него ничего не было.

Что и говорить, его правду разделяли не все и даже, быть может, не большинство. Оно и понятно. Высокая правда не наделена свойством тотчас доходить до каждых ушей, не всякие уши способны ее расслышать. До некоторых она не дойдет никогда, иных, как свет погасшей звезды, достигнет, когда уже будет поздно. Человеческое сознание всегда опережается божественным провидением пророка, особенно если это провидение обеспечено бесценным капиталом нравственности. Безупречная нравственность Сахарова была адекватна его аналитической проницательности. Именно нравственная безупречность его личности являлась тем мощным движителем, который обеспечил успех его политическим устремлениям. Достаточно вспомнить хотя бы его участие в судьбе политических заключенных, в зависимость от освобождения которых он ставил возвращение собственных наград и привилегий. Но, как всегда, нет пророка в Отечестве своем, — не услышало Отечество и Сахарова.

В канун последнего съезда, за несколько считанных дней до кончины академика, многие из депутатов могли увидеть его в буфетном зальчике в перерыве собрания народных представителей. Вся депутатская публика торопливо выстраивалась в очереди к буфетам, он же остался у входа и стоял, словно в нерешительности, странной задумчивой отрешенности. Вокруг него тотчас образовалась пустота. Входившие в узкую дверь, завидев академика, поспешно

отходили в сторону, никто не остановился, не протянул ему руки. Невольно подумалось: вот удел человека, которому общество обязано, может быть, больше, чем кому-либо другому. Здесь он чужой. Хотя что ж... Давно известно: смертные не терпят не таких, как сами, — чем-то выделяющихся из их плотно сомкнутых рядов. Уж они-то умеют блюсти плотность этих рядов и не пропустят чужого — ни по уму, ни по взглядам, ни по таланту. Я счастлив, что в том низком и людном зальчике успел переброситься с ним несколькими словами и услышать несколько его — вовсе не пророческих — обычных житейских мыслей. Не скажу, что меня обуревали какие-либо предчувствия, но, прощаясь, попросил его поберечь себя, не выкладываться до предела. Одно только его физическое присутствие в жизни стало необходимым для общества. Он лишь стеснительно улыбнулся и сказал, что его удел оставаться таким, каков есть. На другое он не способен.

И вот его уже нет.

Прежде, в годы войны и революции, в подобных случаях молвили: боец упал на полпути, благословив живых на победу. Наверно, эти слова будут уместны и нынче. Нам нет иного пути, кроме того, что освятил своей личностью Сахаров.

Его не будет в зале заседаний Верховного Совета страны, не появится он во Дворце съездов. Но и в его отсутствие люди будут сверять свои помыслы с сахаровской правдой, всякий раз предпо лагая, как бы поступил он. Выстраданные им истины, как никогда прежде, важны сегодня и, кажется, еще важнее станут в обозримом будущем. Сахаров оставил нам развернутую программу демократического переустройства мира. Столкнувшись ныне с новым развитием старых конфликтов, мы не можем не вспомнить его озабоченности относительно чудовищных проблем Закавказья. Неоднократно он предупреждал, чем может обернуться половинчатость и непродуманность наших экономических мер по оздоровлению агонизирующей экономики. Равно как и лицемерное суесловие о столь вожделенной конверсии, за ширмой которой определенными силами вынашиваются новые вооруженческие программы. Уже после его смерти обнаружилась вся предсказанная им иллюзорность передачи власти от партии к Советам, которые в процессе нынешних выборов энергично укомплектовываются все теми же партийными кадрами. Нетрудно понять, как бы он отнесся к щедрому, поистине царскому повышению зарплаты партсоваппарату, осуществленному в полунищей стране, где огромная трудовая армия учительства, медработников, работников сферы культуры не дождется своей очереди на толику милости от государства. Он предвидел многое из того, что случилось уже после

его кончины. Среди прочего очень актуальна не однажды высказанная им мысль, что центробежные стремления национальных окраин наверняка вызовут ответную реакцию со стороны консервативных, шовинистических сил центра. При всей традиционной дремучести нашего политического сознания трудно будет предвидеть исход этого губительного ристалища. Воистину долгожданная демократизация тоталитарного общества не в состоянии избежать жертв, и весь вопрос в том, какими окажутся эти жертвы. По карману ли народу придется плата за его светлое будущее.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАДИОСТАНЦИИ «СВОБОДА»

Январь 1991 г.

Удивительно, как в этом государстве по существу ничего не меняется. Течет время, приближается к своему концу XX столетие, завершается шестой год перестройки, а повадки родимого руководства, его устойчивый антидемократизм остаются без существенных изменений. Цепь дьявольских преступлений, повторяясь с завидной регулярностью, обещает продолжиться в следующем столетии. Венгрия-56, Новочеркасск-62, Чехословакия-68, Тбилиси, Баку... Теперь вот Вильнюс. И снова — грубая воинская сила против народа, кровь и человеческие смерти...

Представляю, сколько будет теперь длительных скрупулезных разбирательств, появится послушных, угодных начальству комиссий и всяческих кривотолков, занятых вопросами: кто и кому отдал приказ, кто первым выстрелил и как пролегла траектория той или иной пули. И, как водится, все будет неясно, запутанно и сложно. Методика запутывания таких дел у нас отработана в совершенстве, но сущность их элементарна: имперская нетерпимость, врожденный, почти доисторический антидемократизм. Ведь чего по существу добивается Литва? Элементарного права на существование согласно воле народа. Что ставит своей целью Москва? Любыми средствами не дать Литве осуществить это божеское и человеческое право. Вот те две главные тенденции, из-за которых столько времени и полыхает весь этот сыр-бор.

В эти судьбоносные для человечества дни, когда мировое сообщество занято глобальным конфликтом в зоне Персидского залива, кровавое подавление литовской свободы может оказаться без особых последствий. Конечно, Литва — не Кувейт, не та география, не те ресурсы. Литва не располагает большой нефтью. Но поимеем в виду, что балтийские народы не менее кувейтского жаждут свободы, за

которую они борются по существу в одиночку, без ощутимой поддержки со стороны. В который раз на наших глазах сильные мира ради собственного благополучия предают слабого. Но насколько прочным в таком случае будет это купленное ими благополучие — вот в чем вопрос. Или уроки истории, как всегда, не впрок человечеству?

В этот трудный час я шлю братский привет моим друзьям — литовским писателям, и очень желаю им выстоять. Белорусская интеллигенция, БНФ в эти дни — вместе с Литвой, нашей братской Летувой, и мы молимся за ее победу над вековым злом и несправедливостью.

ВЫСТУПЛЕННЕ НА ШАГАЛАЎСКІХ ЧЫТАННЯХ У ВІЦЕБСКУ

Студзень 1991 г.

Увогуле, калі падумаць, дык гэта ж цуд, які здараецца не на кожнай зямлі і не ў кожным стагоддзі. Звычайны тутэйшы чалавек, які нарадзіўся ў нейкім богам забытым мястэчку, дыхаў ягоным паветрам і карміўся з яго малаўрадлівых палеткаў, па боскае ці з уласнае волі робіцца нарэшце славутым грамадзянінам свету, вялікім маэстра сучаснасці. Я кажу пра Шагала. Зусім можа так здарыцца, што з усяго нашага дваццатага стагоддзя ў наступнае, як самая найбольшая славутасць Віцебска, пяройдзе менавіта вялікі Шагал, імя якога і будзе сімвалізаваць назву гэтага горада. Усё астатняе пойдзе ў нябыт, у глебу гісторыі, як пайшло ўжо шмат што, чым калісь ганарыліся, што здавалася правільным, магутным і неўміручым. Усё, аднак, мрэ, парахнее, разбураецца, гіне, апроч вялікіх здабыткаў духоўнасці. Сапраўды духоўнае — несмяротна.

Творчасць Марка Шагала — прыклад менавіта такой духоўнасці, што ярка і магутна ўвасобілася ў галіне выяўленчага мастацтва. Вядома, шмат у яго і ад матэрыяльнасці свету, нашай, беларускай, віцебскай, рэальнасці. Але астатняе — з ягонай душы, пэўным чынам пераўвасобіўшай гэтую рэальнасць. Мастакоўскі геній яго такога характару і маштабу, што гэтае пераўвасабленне ёсць адначасна і агульначалавечае ўзбагачэнне, інакш бы яно не захапіла свет, не зрабіла б імя яго такім ганаровым, а ягоную радзіму навек асветленай і яго славутым святлом.

Цяпер я хацеў бы перайсці да балючага пытання, якое нямала нашкодзіла рэпутацыі нашай культуры і, у прыватнасці, слаўнай рэпутацыі Віцебска. Я маю на ўвазе асаблівасць палітычнага іміджу маэстра, а таксама адносіны віцябчан да яго палітычных памкненняў.

Безумоўнае глупства — патрабаваць ад Марка Шагала адпаведнасці марксісцкай ідэалогіі — Шагал вялікі мастак, але, на ягонае ці наша шчасце, не член КПБ. Ён прыблізна і, можа, вульгарна кажучы, буржуазны мастак, хоць у тым абсалютна няма нічога кепскага. Пушкін, як вядома, быў дваранскі паэт, а Дастаеўскі манархічны пісьменнік. Шагал — светач яўрэйскай культуры, што таксама натуральна і правамерна. Было б ненатуральна, каб ён стаў дзеячам ісламу, хоць на тое таксама меў бы сваё ўласнае права. Але ў той жа час абсалютна бясспрэчна, што Шагал, будучы яўрэем па паходжанні, роўнай меры апостал і беларускай культуры ўжо хоць бы фактам свайго нараджэння на беларускай зямлі. Апроч таго, вобразны лад ягонага жывапісу, лірычны характар яго светаўспрымання, трывалы гуманізм ягонай творчасці — якраз тыя якасці, што родняць яго з лепшымі традыцыямі нацыянальнай беларускай культуры. Зрэшты, гэта і натуральна. Кожны мастак ідзе ў вялікі свет мастацтва з уласнага нацыянальнага падворка, яшчэ ў дзяцінстве засвоіўшы ягоныя формы, выгляды, пахі і краскі. Урэшце, ён уліваецца ў вялікае і неўміручае рэчышча сусветнай культуры, дзе ўжо належыць свету. І чалавецтва ўдзячна яму, таксама як удзячна перш-наперш ягоным бацькам і таму неславутаму куточку зямлі, якая яго спарадзіла. Праз яго і зямля набывае славутасць.

І тут я хацеў бы сказаць пра малапрыемнае.

Тое, што гэтулькі гадоў Савецкай улады і пасля смерці вялікага маэстра ягоныя наменклатурныя землякі гэтак неталерантна ставіліся да яго і ягонай памяці, вядома ж, не робіць ім гонару і характарызуе іх пэўным чынам. Характарызуе найперш як невукаў, культуранеавіснікаў, антысемітаў. А ў дачыненні менавіта да беларускай культуры — і як нацыянальных нігілістаў. Бо знарок ці несвядома выключаючы такога мастака з кантэксту беларускай культуры, вядома ж, нельга разлічваць на рэпутацыю рупліўцаў у дачыненні да яе. Гонар тае культуры вялікі яўрэй Шагал робіць з непамерна большым бляскам, чым дзесяткі бяздарных гарлахватаў, таксама як і гонар горада Віцебска. Ва ўсякім разе куды большым, чым многія фальшывыя аўтарытэты, жалезныя шэрагі наменклатуры ці нават бравыя дэсантнікі з вашай славутай авіядэсантнай дывізіі, сумніцельныя справы якіх ой як доўга прыйдзецца адмываць Віцебшчыне. А Шагалам яна асуджана ганарыцца, чым далей, тым больш, такі ўжо яе гістарычны лёс. І тут ніякія самыя цёмныя і магутныя сілы будучыні не здолеюць адлучыць Шагала ад Віцебска.

ПРАДМОВА ДА ЗБОРНІКА «ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ». ВЫДАВЕЦТВА «БЕЛАРУСЬ»

1991 г.

Яшчэ некалькі гадоў назад тое было немагчыма.

У атмасферы таталітарнай рэгламентацыі, змярцвелага сну афіцыйнай філасофіі і паўсюднага паліцэйскага нагляду над грамадскай думкай, здавалася б, немагчыма ніякае іншадуманне, ніякае адступленне ад зацверджанага высокаю воляй, аднойчы і назаўжды вызначанага. Іншага і не было. Думкі імкнуліся загнаць у глыбіню душы, у падкорку паралізаванага мозгу, каб яны нідзе і нічым не праяўляліся не толькі ў выглядзе друкаванага слова, але і ў размовах. Ды гэта не значыць, аднак, што яны не існавалі, не бруілі ў чалавечых душах і галовах лепшых, разумнейшых сыноў нацыі. Тая нацыя ніколі не пакідала жадання жыць лепш. Ладзіць жыццё па-людску.

Цяпер тое прарвалася шырокім патокам, як прарывае веснавая паводка хоць бы і бетанаваную і адмыслова збудаваную плаціну. Стыхія мацней за разліў, за самы хітры рукатворны бар'ер на шляхах жывога жыцця. У тым ліку стыхія сумленнай, энергічнай, неспатольнае думкі. Яна шукае. Няхай не заўсёды знаходзіць, часам марна блукае па блытаных сцежках жыцця ў пошуках ісціны. Ніхто з аўтараў гэтай кніжкі не абсалютызуе знойдзенае, ведаючы, што ўжо знойдзенае, вызначанае, — гэта перш за ўсё спыненае. Жыццё ж заўжды няспыннае. Жыццё ў спрадвечным руху. Гэтак жа ў руху і сумленны няўрымслівы пошук аўтараў.

Яны вельмі розныя, тыя аўтары, хоць і аб'яднаныя вокладкай адной кніжкі. Мабыць, сярод іх цяжка знайсці нават двух больш-менш падобных адзін да аднаго паводле ўласных біяграфій, складу характараў ды і светапоглядаў таксама. Але ёсць адна вызначальная для ўсіх рыса — іх цвёрда выказаны дэмакратызм. Гэта тыя, хто ў наш гістарычны пералом выйшлі сказаць перад народам ягоную пагарджаную праўду. Народу, які, як нішто іншае, умее маўчаць. Яны ж маўчаць не хацелі.

Важна і цікава, што тая іх праўда не вынікае з замшэлых догмаў фальшывых тэорый. Яна нараджаецца на грунце сучасных ведаў і асабістага вопыту. У кагось з вялікаю доляй духоўнага вопыту папярэднікаў, у іншых — толькі з асабіста перажытага і зразумелага. Але амаль ва ўсіх энергія яе скіравана на пошук ісціны. Бо ў той ісціне — выйсце з тупіка, з жахлівае пасткі, у якія нас загнала шматгадовае ўладаранне злой, цёмнай сілы.

Ніхто, аднак, упаасобку яго, не знайшоў, тое выйсце, усе шукаюць. Шукаць запрашаецца і чытач. Мабыць, толькі ўсеагульным намаганнем у кірунку агульначалавечых каштоўнасцей і можна ка штосьці натрапіць. Каб не ўмсрці. Не загінуць паасобку, не знікнуць з твару зямлі як нацыя. І прытым даць жыць іншым. Гэтая няўрымслівай думка непазбежна скіравана з бязрадаснага сёння ў загадкавую будучыню, і тады малююцца пэўныя перспектывы. Перспектывы суверэннага развіцця краіны ў варунках дэмакратыі і прагрэсу.

Пачытай, шаноўны чытач, падумай, памяркуй. Безумоўна, думкі тае кніжкі не ўсе на вагу золата, але, несумненна, усе ад шчырага сэрца. Бо належаць яны людзям сумленным, заклапочаным вялікім клопатам занядбанай нацыі.

ПРАДМОВА ДА КНІГІ З. ПАЗЬНЯКА. ВЫДАВЕЦТВА «СП Вся Москва»

1991 г.

Час, які ўвайшоў у нашую гісторыю пад назвай перабудовы і які, здаецца, беззваротна мінае, адзначыўся, апроч іншага, яшчэ і радыкальным пераглядам многіх маральных каштоўнасцей, развянчаннем казённых псеўдалідэраў І выхадам на грамадска-палітычную арэну сапраўдных народных аўтарытэтаў. Так было ў шмат якіх рэспубліках дзяржавы, дзе хвалі народнага пратэсту часам праз няўдачы і крывавыя катаклізмы рушылі з тронаў збанкрутаваных стаўленікаў таталітарызму, і на іх месца заступалі іншыя людзі. Малаважна, што не ўсе яны і не адразу ўпісваліся ў рамкі звыклых афіцыйных структур; узначаліўшы народныя рухі, некаторыя з іх, хоць і не дамагліся ўлады, затое набылі агульнанацыянальнае прызнанне і папулярнасць. Менавіта яны сталі сапраўднымі выразнікамі нацыянальных інтарэсаў, спакутаванай волі народу. Адным з такіх лідэраў нацыі стаў беларускі вучоны, самаадданы палітычны дзеяч Зянон Пазьняк.

Шырока па свеце разышлася сумная слава беларускіх Курапат, дзе ў страшныя гады бальшавіцкага тэрору было знішчана болей за 200 тысяч бязвінных ахвяр. Гэтая славутасць нікому да таго невядомага ляска пад Мінскам пачалася з публікацыі ў «ЛіМе» вялікага артыкула, аўтарамі якога былі Шмыгалёў і Пазьняк. Тое, што болей за паўстагоддзя старанна і паспяхова хавалі ад чужога вока карныя ўлады Беларусі, найперш стараннямі Пазьняка было выстаўлена на ўсясветны агляд. Актыўна ўдзельнічаючы ў раскопках курапацкіх

магіл, ён перацёр у пальцах кожны выняты адтуль грудок зямлі, пералічыў усе чалавечыя рэшткі, склаў падрабязную дакументацыю раскопак. Усё тое давалася няпроста. І праз болей чым пяцьдзесят гадоў пэўныя органы не столькі дапамагалі раскрыццю злачынства, колькі перашкаджалі яму. Пазьняк не саступіў з свае пазіцыі праўды і прынцыповасці. Як не саступіў ён перад тым у памятны дзень 30 кастрычніка 1988 года ля Маскоўскіх могілак, дзе народ Беларусі ў чарговы раз атрымаў красамоўны адказ на пытанне: што такое ягоная партыя камуністаў і як яна ставіцца да інтарэсаў народа. Нахабнае мурло яе кіраўніцтва тады пагрозліва насунулася на і без таго мізэрныя рэшткі нацыянальнай годнасці і паліцэйскаю сілай нанесла нязмыўную знявагу народу. І калі справа абышлася без крыві і смерцяў, дык у тым найбольшая заслуга менавіта Зянона Пазьняка. Гэта ён у самы крытычны момант сутычкі заклікаў шматтысячны натоўп да спакою і вытрымкі, сілаю аўтарытэту свае асобы засцярог яго ад правакацыі і павёў за межы Мінска ў Курапаты. Не зважаючы на паліцэйскую расправу, на газы і бальшавіцкія «дэмакратызатары», людзі стрывалі ўсё, але не ўступілі ў бойку, не аказалі супраціўлення. Мусіць, у той момант і ў тых варунках гэта было адзіна правільна. Метад вялікага Гандзі таксама тоіць немалую, а часам і рашучую сілу.

Народная воля беларусаў, іхняе імкненне да свабоды і нацыянальнага самавызначэння праявіліся пазней, калі быў створаны Беларускі народны фронт «Адраджэнне», сойм якога па праву ўзначаліў Зянон Пазьняк. У жахлівых варунках маральнага тэрору, упартага супрацьдзеяння партыйных улад, цкавання, судовых і адміністрацыйных праследаванняў гартавалася палітычная воля фронтаўцаў і ягонага лідэра. Фронт за кароткі тэрмін распрацаваў шмат якія праграмы беларускага нацыянальнага адраджэння — у галіне эканомікі, права, культуры і іншыя. Большая частка тых праграм, на жаль, застаецца малавядомай для шырокай публікі, бо афіцыйны друк іх адвяргае, а ўлады дагэтуль вядуць шалёную барацьбу як з іхнімі палажэннямі, так і з іх аўтарамі персанальна. Не зважаючы на тое, апазіцыя БНФ у Вярхоўным Савеце рэспублікі са сваім лідэрам, народным дэпутатам Пазьняком працягвае несканчоны паядынак за праўду і справядлівасць. Далёка не заўсёды, калі-нікалі яна ўсё ж дамагаецца поспеху. Прынамсі, радыё- і тэлетрансляцыі з сесій даюць магчымасць людзям меркаваць, на чыім баку праўда. Не глухі — чуе, не сляпы — бачыць.

Шмат гадоў Зянон Пазьняк вядомы на Беларусі як выдатны мастацтвазнаўца, а таксама як вучоны-археолаг. Ягоныя публікацыі па праблемах нацыянальнай культуры даўно пазначылі сябе як самыя

важныя і прынцыповыя ў беларускім друку. Не так даўно ў эстонскім часопісе «Радуга» з'явілася надзвычай цікавая праца Пазьняка аб вострых праблемах нацыянальных моў. Тады для пэўных колаў беларускай інтэлігенцыі некаторыя палажэнні тае працы здаваліся спрэчнымі, можа, трохі заўчаснымі і празмернымі. Але жыццё затым пераканала ў іх неабвержнасці: Пазьняк глядзеў далей і бачыў болей. Зрэшты, так яно і мае быць. Сапраўдны апостал праўды і справядлівасці заўжды апераджае час. Ягоныя ідэі скіраваны ў будучыню і далёка не заўжды карыстаюцца прыхільнасцю і прызнаннем сучаснікаў. Але ўрокі гісторыі вучаць, што час тых людзей прыходзіць і з ім прыходзіць прызнанне. Ім ставяць помнікі на ўтульных пляцах, выдаюць зборы іх твораў, на якіх вучацца жыць і служыць дабру новыя пакаленні. Мне думаецца, што наш сучаснік Зянон Пазьняк менавіта з ліку такіх людзей. І я жадаю паспеху і чытацкай увагі гэтай яго кнізе — збору дум і светлых памкненняў аднаго з самых сумленных сыноў кашай пакутніцы Беларусі.

ВЫСТУПЛЕННЕ НА II З'ЕЗДЗЕ БЕЛАРУСКАГА НАРОДНАГА ФРОНТУ

Сакавік 1991 г.

Прынята лічыць, што нашае грамадства празмерна палітызаванае. Можа, і так. Але бяда ў тым, што гэтая палітызацыя не перасягае характару бытавой свядомасці, што ўвогуле маніпулюе ім партыя КПСС якая па-ранейшаму ўсім кіруе. Хіба толькі з некалькі іншымі вынікамі, чым раней. Нядаўні рэферэндум, не зважаючы на яго шмат у чым шулерскі характар, усё ж пацвердзіў пэўны палітычны ўзровень мас. Пераважная большасць народа так і верыць, як ёй убілі ў галаву партыйныя газеты і тэлебачанне, што ў выпадку ажыццяўлення суверэнітэту Беларусі пражыць у ёй будзе неяк, бо ўвесь хлеб і тавары да яе ідуць з іншых рэспублік, а паехаць да радні за межы Беларусі будзе быццам гэтак жа цяжка, як цяпер выехаць у капіталістычную краіну. І пашпарт патрэбны, і віза, і грошы невядома як абмяняць.

Людзі дагэтуль болей слухаюць таго, хто крычыць гучней, а вядома, што найлепшым голасам заўсёды валодае начальства. Культ начальніка (пана, сакратара, генеральнага дырэктара), які ўбіваўся ў народную свядомасць на працягу стагоддзяў, па-ранейшаму вызначае веру, светапогляд, мараль і ўчынкі сучаснага беларуса. І тут мала што пераламала ў народнай свядомасці дзейнасць і палітыка нашага БНФ, які пакуль яшчэ не стаў усенародным, нацыянальным

рухам. Пакуль што ён уяўляе сабой цяжкія, часам пакутныя, хоць і гераічныя, высілкі нацыянальнага авангарда пераважна з ліку нацыянальнай інтэлігенцыі.

Ну, а што ж народ, ягоныя шырокія масы? Што ягоныя класы? Яго старадаўняе апірышча і ўвасабленне — наша гаротнае сялянства?

Здаецца, аднак, у нас не стала сялянства. Калгасны лад за шмат гадоў свайго разбуральнага панавання дарэшты вынішчыў самы шматлюдны народны пласт з ягоным старажытным земляробчым укладам, стабільным бытам, з яго хрысціянскай мараллю. Сялянства вырадзілася ў клас сельскагаспадарчых люмпенаў, пазбаўленае і традыцыйнага ўкладу, і людскай маралі. Уся сучасная сельскагаспадарчая вытворчасць грунтуецца на працы вузкага кола сельскагаспадарчых спецыялістаў-механізатараў, якое і нясе галоўны цяжар паратунку ад усесаюзнага голаду і якім кіруе грувасткі паразітычны пласт аграрна-партыйных цівуноў усіх рангаў.

Ну, а рабочы клас, колькасны рост якога ўражвае, як уражваюць маштабы ўрбанізацыі нашага былога традыцыйна аграрнага краю. Так, рабочы клас расце, ды бяда ў тым, што ён за гады не ў стане вырвацца з д'ябальскага кола матэрыяльнай нэндзы, характэрнай для слабаразвітых краін Афрыкі ці Цэнтральнай Амерыкі. Тая ж частка рабочага класа, якая больш-менш забяспечана і жыве лепш, як правіла, належыць да славутага ВПК, да безлічы яго знакамітых «паштовых скрынак». Гэтыя ангажыраваны асобным чынам, вылучаны і амаль ашчасліўлены тым малым, што ім дае дзяржава. Дарма чакаць ад іх высокай палітычнай свядомасці.

Тады што ж, застаецца інтэлігенцыя?

Так, інтэлігенцыя. Да яе заўжды скіраваны вялікія спадзяванні народа, яна шмат можа. Але толькі пры ўмове высокай ступені яе палітычнай і — што цяпер важна — нацыянальнай свядомасці. Калі гэтая інтэлігенцыя прасякнута дэмакратычнымі клопатамі часу і адчувае свой абавязак перад народам, да якога належыць. На жаль, тое наўрад ці можна сказаць пра нашу беларускую інтэлігенцыю. Нашая інтэлігенцыя, вясковая і гарадская, знаходзіцца яшчэ на той ступені духоўнага развіцця, калі ўласныя цэхавыя ці карпаратыўныя інтарэсы для яе нязменна даражэй за інтарэсы агульнанацыянальныя. І гэта зразумела, бо наша творчая інтэлігенцыя бывае ад юнацтва да старасці заклапочана ўсё тым жа: кватэрай, здабываннем рубля, іншых сродкаў існавання. Акадэмічную ці універсітэцкую інтэлігенцыю не назавеш беднай, незабяспечанай, але таксама надзеі на яе невялікія. У той час, калі ў краінах Усходняй Еўропы, у Балтыі, на Украіне і ў Закаўказзі тамашнія навукоўцы першыя сталі ў

авангардзе перабудовы і нацыянальнага адраджэння, нашыя толькі і намагліся, што на больш-менш прынцыповую пазіцыю ў адносінах да чарнобыльскай катастрофы. На іншае ў іх не хапіла пораху, Я ўжо не кажу пра спецыялістаў сацыяльных ці гуманітарных навук, сучасны імідж якіх прадстаўлены паслядоўнікамі Абэцэдарскага — Ігнаценкі і светапогляд якіх не спяшаецца вызваліцца ад бальшавіцкага вар'яцтва, што клапатліва перадаецца ў іх з пакалення ў пакаленне. Мабыць, тое ж адносіцца і да вучоных прыродазнаўчых і асабліва тэхнічных навук. У чым прычыны такой атрафіі да болю і хваробаў сучаснасці? Ці не ў характары іх прафесійнай дзейнасці, як вядома, таксама не ў малой меры звязанай з тым жа ВПК, навуковым забеспячэннем антычалавечных ядзерных праграм, імперска-шпіёнскім панаваннем у космасе? Менавіта гэтая дзейнасць выпрацавала ў іх асяроддзі пэўны светапогляд і мараль, мабыць, болей, чым на марксізме, заснаванай на ідэалогіі знакамітай «Памяці», лідэры якой гэтак зачасцілі ў беларускую Акадэмію навук.

Я ўжо гаварыў некалі пра нашу моладзь, можа, самую дэпалітызаваную і дэнацыяналізаваную ў свеце, якой камсамол за шмат год прышчапіў устойлівую агіду як да нацыянальнай культуры, так і да ўсякай палітыкі.

Тым большы гонар тым нашым грамадзянам з ліку сялян, рабочых, творчай і навуковай інтэлігенцыі, якія па закліку сваіх, не дарэшты счарсцвелых сэрцаў успомнілі, што апроч абавязкаў камуніста, сямейніка, дзеяча культуры ці навукі ёсць яшчэ высокі абавязак перад Богам і Справядлівасцю. І здалі свае партбілеты, і ахвяравалі кар'ерай, і паўсталі перад вялікай страхавітай няпэўнасцю дзеля барацьбы за народ і рэспубліку. Для іх суверэнітэт нацыі не пустая папяровая дэкларацыя — яна для іх зорка надзеі. Бо сусветны вопыт, бадай, кожнай нацыі красамоўна сведчыць, што наладзіць жыццё па справядлівасці магчыма толькі ў межах цеснай суполкі — сям'і, роду, нацыі, згуртаваных на адзінстве веры, мовы, культуры, узроўню цывілізаванасці. Няўклюдныя, стракатыя імперыі амаль усе рухнулі, ды і наша дажывае апошнія дні. І справа тут не ў злосных намерах «так званых дэмакратаў», нефармалаў ці нацыяналістаў. Мабыць, і не ўся прычына ў бязглуздасці сацыялізму як навуковай дактрыны ці ў зламыснай палітыцы цэнтра. Справа ў рэальным жыцці, у дыялектыцы гістарычнага развіцця. Апантаная сацыяльнасць канца XIX — пачатку XX стагоддзя, якая ў большасці выпадкаў выявіла сваю ўтапічнасць, усё болей саступае месца нацыянальнай ідэі. Заходняя Еўропа гэтую ідэю ажыццявіла даўно. Усходняя прыступае да яе ажыццяўлення. Нашая ж імперыя, бы сляпы плоту, прадаўжае

трымацца славутага сацыялістычнага выбару. Цяпер сапраўды пытанне стаіць так: ці ўратавацца паасобку, ці праваліцца ў тар-тарары ўсім разам. Зрабіць гэта ў маштабах імперыі, здаецца, магчыма з найбольшым поспехам.

Наш сучасны нацыянал-дэмакратызм, не грэбуючы ніводнай рысай сучаснага еўрапейскага дэмакратызму, зусім не супроць жыццёвых інтарэсаў іншых нацый ці нацыянальных меншасцей. Але найперш ён — за сябе, за Беларусь, за вольнае развіццё яе народа ў сям'і цывілізаваных народаў свету. Мы павінны выразна сабе ўсвядоміць, што гісторыя дала нам апошні шанц, і ажыццявіць яго суджана цяперашнім пакаленням. Ці мы яго нарэшце ажыццявім, ці нацыя развітаецца з тою ідэяй навек, каб самой без следу знікнуць з твару зямлі.

Гэта заўжды не проста, цяпер жа гэта нават вельмі складана. Апроч чыста ўнутраных прычын, прыйдзецца пераадолець шалёнае супраціўленне цэнтра, учэпістую, даволі распаўсюджаную імперскую свядомасць, папулярным жупелам якой з'яўляецца пагроза грамадзянскай вайны. Але ў таталітарнай дзяржаве, якой, несумненна, ніколі не пераставала быць наша, нішто не адбываецца самохаць, стыхійна, адвольна. Таму ніякая грамадзянская вайна ў нас немагчыма, калі яе не арганізуе цэнтр. Ва ўмовах Беларусі гэтая вайна можа прыняць форму ўзброенай барацьбы знешняй сілы супраць дзесяцімільённага народа. Дарэчы, генеральная рэпетыцыя таго ўжо адбылася ў памятны дзень 30 кастрычніка 1988 года.

Гісторыя і Беларусь маюць вялікую надзею на БНФ, яго выпрабаванае кіраўніцтва. Я кажу гэта, зусім не маючы намеру прынізіць значэнне іншых дэмакратычных партый. Як кажуць, дай ім Божа. Але нельга не прадбачыць тых цяжкасцей, што неўзабаве паўстануць перад партыямі парламенцкага тыпу. Менавіта аб тым красамоўна сведчыць вопыт сучаснага беларускага парламента. Справа ў тым, што іхні палітычны апанент — КПБ — прытрымліваецца зусім іншых, ніякім кодэксам не прадугледжаных правіл ігры, супраць якіх звыклыя метады дэмакратычнага парламентарызму бяссільныя. У нас стварыўся пэўны парламенцкі парадокс, калі камуністычная парламенцкая большасць па сутнасці выражае інтарэсы меншасці — партыйнай бюракратыі, а меншасць — інтарэсы большасці, па сутнасці інтарэсы народа. Менавіта гэты парадокс і заводзіць у тупік усю ідэю беларускага парламентарызму.

Таму, вядома, дай Бог поспеху іншым дэмакратычным партыям, але БНФ ужо штосьці Бог даў. Ім ужо набыты пэўны і немалы палітычны капітал, тое прызнаюць ягоныя сябры, таксама як і ягоныя

ворагі. І ў тым, вядома, найбольшая заслуга кіраўніцтва фронту, старшыні сойму Зянона Пазьняка ды ягоных бліжэйшых паплечнікаў. Іхнія высілкі, безумоўна, ужо ляглі ў гісторыю Беларусі, незалежна ад таго, як гэтая гісторыя паверне ў хуткім часе і чым скончыцца. Праўда, не ўсім даспадобы нібыта празмерны радыкалізм Пазьняка, які, на мой погляд, сапраўды ўласцівы гэтаму, безумоўна, выдатнаму сыну нашага занядбанага народа. Але я сказаў бы, што менавіта ў палітычнай выразнасці — найбольшая вартасць Народнага фронту. У спалучэнні з некаторымі іншымі асабістымі якасцямі Зянона Станіслававіча тое — сведчанне яго грамадзянскай бескампраміснасці, ідэйнай прынцыповасці і патрыятызму. Дай яму Бог захаваць тыя якасці як мага даўжэй, што, як вядома, для палітычнага лідэра такога маштабу далёка не беспраблемна. Ды Беларусь спадзяецца.

ГУТАРКА З НАРОДНЫМ ДЭПУТАТАМ БССР С. НАВУМЧЫКАМ

Сакавік 1991 г.

— У нашай мінулай гутарцы для «ЛіМа», якая адбылася летась у жніўні, асноўным гарантам незваротнасці дэмакратычных працэсаў вы назвалі згуртаванне левых сіл. Аднак згуртаваліся — і даволі шчыльна — якраз сілы кансерватыўнага накірунку. Працэсы, якія цяпер адбываюцца, — ці не ёсць гэта паражэнне дэмакратаў?

— Так ужо заведзена ў палітычным жыцці свету: пакуль дэмакраты высвятляюць ідэйны грунт, дамаўляюцца пра маральныя прынцыпы, узгадняюць тактыку і стратэгію, у той час рэакцыянеры чыняць таемную змову і шчыльна гуртуюцца. Паводле няпісаных законаў мафіі. Меркаваннямі маральнага парадку яны жыццё сабе не абцяжарваюць. Шкада, але дэмакраты ў гэтым сэнсе павучыцца ў іх не могуць — не тая ментальнасць.

Дэмакраты ў барацьбе з рэакцыяй заўсёды церпяць паражэнне. Даўно вядома, што дэмакратыя можа чагось дамагчыся толькі ў дэмакратычным грамадстве. У таталітарным жа перамогі на яе баку не бывае ніколі.

— На IV з'ездзе народных дэпутатаў СССР затвор дыктатуры быў узведзены. І меней чым праз месяц прагучалі стрэлы — спачатку ў Вільні, потым у Рызе... Указы Прэзідэнта пра сумеснае патруляванне, умяшанне КДБ у эканамічную дзейнасць прадпрыемстваў — усё гэта класічныя першапачатковыя элементы надзвычайнага становішча. Як мяркуеце. Васіль Уладзіміравіч, — ці рэальны варыянт працяглай, крывавай дыктатуры, якая зноў адкіне нас у эпоху «класавых баёў»?

— Усё будзе залежаць ад палітычнай волі грамадства.

І тут узнікае пытанне: ці валодае наша беларускае грамадства якой-небудзь выразнай палітычнай воляй? І нават так: ці ёсць у нас тое палітычна свядомае нацыянальнае грамадства? Прынамсі, дагэтуль не было ніколі. Улада цвёрдай рукі, дыктатура, пра якую марыць наменклатура і добрая частка людзей працоўных, адкіне нас не ў эпоху «класавых баёў», а ў адзін вялікі канцлагер, Дзе будзе выдатны лагерны парадак, лагернае аднадумства, лагерны тэрор. І будзе парадак — роўны і дакладны. Кожны будзе жыць строга па рэгламенце — гадзіна ў гадзіну: жыць, працаваць і паміраць. Усё — строга па норме, у свой час. Пры поўнай згодзе. І ні табе мітынгаў, ні забастовак, ні нефармалаў, ні апазіцыі. Затое будзе Вялікі, Шаноўны, Усімі Любімы Правадыр — Дыктатар. Як, зрэшты, ужо і было. Мабыць, у нас інакш, не бывае.

Зноў жа варта зазначыць «з усёй бальшавіцкай праматой», як некалі прынята было гаварыць, што падзел грамадства даўно страціў класавы характар. Класавая і нават партыйная прыналежнасць ужо нічога не азначаюць, бо сапраўдны антаганізм, як гэта слушна заўважыў нядаўна Алесь Адамовіч, праходзіць па лініі «сексоты-несексоты», і цяжка сказаць, каго цяпер у нас болей. Напярэдадні вайны, паводле сведчання сына Георгія Малянкова, вучонага А. Малянкова (часопіс «Журналіст», № 2, 1991 г.), сексотаў было ў нас 10 мільёнаў. Цяпер, трэба думаць, болей, і яны складаюць магутную дзейсную сілу тых, хто выйшаў з акопаў на свой апошні і рашаючы бой.

— Вы сказалі, што пра дыктатуру трызніць не адно толькі чыноўніцтва. Сапраўды, ад простых людзей часам чуеш: хопіць гэтага вэрхалу, патрэбна моцная рука. Людзі, здаецца, згодныя на любога Сталіна — толькі б хлеб у крамах быў. Нездарма ж кажуць — кожны дыктатар прыходзіць у абліччы выратавальніка. Як вы лічыце, цяперашні эканамічны развал — заканамерны вынік сацыялістычнай сістэмы, следстве нейкіх першапачатковых памылак 1985 года альбо — правакацыя з мэтай укараніць у псіхалогію чалавека неабходнасць «жорсткай рукі»? Ці — усё разам?

— Толькі каб быў хлеб у крамах... Хлеба яшчэ трохі ёсць — не хапае дыктатара... Але ён будзе.

Мне думаецца, што цяпер, у святле ўсяго, што адбываецца, толькі дурны ці зламыснік можа сцвярджаць, што сацыялізм яшчэ не вычарпаў сябе, што недзе ёсць добры, лагодны, з чалавечым тварам сацыялізм, да якога трэба імкнуцца. Яно, можа, дзе і ёсць, але ўжо ў нас ніякага быць не можа. У нас не атрымліваецца інакшы, чым той, які мы мэнчылі сем дзесяткаў гадоў, і на тым выдахліся дашчэнту.

На добры розум, дык, пасля ўсяго перажытага, нам трэба б абвясціць па-за законам усё сацыялістычнае словаблудства, таксама як і тых ідэолагаў, якія зрабілі з яго сабе пажыццёвую прафесію, каб яны сваёй ідэйнай парнаграфіяй не разбэшчвалі людскія душы. Нават і ў выпадках, калі тое разбэшчванне мае «не вельмі высокі інтэлектуальны ўзровень».

Звычайна палітычныя партыі ладзяць жыццё калі не на карысць усяго народа, дык хоць бы дзеля ўласных інтарэсаў, дзеля дабрабыту сваіх членаў. Камуністы ж — ні для сябе, ні для народа. У лепшым выпадку дзеля вузкага кола кіраўнічай эліты. А так — дзеля мёртвых утапічных ідэй, дзеля бясконцага множання ракет і танкаў, касмічнай прапаганды, дзеля Кубы, Анголы, Афганістана. Зноў жа, не ў інтарэсах жабрацкіх народаў гэтых краін, а дзеля ўладных амбіцый мясцовых імператараў-авантурыстаў, якія за БМП і аўтаматы Калашнікава гатовы часова прыняць камуністычную веру. У той жа час уласны народ працягвае гібець у голадзе і нэндзе. І пасля ўсяго сказанага ў некаторых з нашых кіраўнічых камуністаў хапае наіўнасці пытацца: завошта народ так ненавідзіць сваю кампартыю, якая першай пачала перабудову.

Перабудову-то пачала, ды ў які кірунак яе павярнула?

Увогуле можна зразумець нязрушную прыхільнасць камуністаў да «сацыялістычнага выбару» (калі толькі можна «выбарам» назваць узброены захоп улады). Іх яўны, фантасмагарычны сацыялізм, арганічнае непрыняцце прыватнай уласнасці — гэта тое адзіна магчымае асяроддзе, пры якім і можа існаваць кампартыя; без таго яна не можа знайсці ніякай жыццёвай асновы ў грамадстве. Гэта партыя ўяўнага, «бібліятэчнага» сацыялізму, з адменай ці пагібеллю якога рассыпаецца ўшчэнт яе няўклюдны прагматызм і яе змярцвелая ідэалогія. Таму, пакуль яна будзе пры ўладзе, яна не пацерпіць побач ніякую іншую ідэалогію, іншы грамадскі лад. Яна будзе ўпарта будаваць усё той жа сацыялізм, бо нічога іншага будаваць не хоча і не ўмее. Але ўся справа ў тым, што і з гэтым будаўніцтвам у яе нічога не атрымліваецца. У тым і бяда нашай гісторыі, трагедыя нашага народа. Краіна апынулася ў вузкай цеснай нары, з якой няма ходу ні ўзад, ні ўперад.

— Але вось некалькі цытат з выступленняў на апошнім пленуме ЦК КПБ: «...так жорсткі адпор прыхільнікам так званага Балтыйска-Чарнаморскага Саюза і іншым сепаратыстам», «напомню словы Івана Кузьміча Палазкова, сказаныя на Пленуме ЦК КПСС, — аб тым, што палітыку нельга рабіць дрыжачымі рукамі і дрыжачым голасам. Вось арыенцір усім нам, — ад радавога камуніста да Генеральнага

сакратара». І, нарэшце: «Кампартыі Беларусі няма у чым каяцца перад сваім народам»...

— Каяцца трэба ўсім перад усімі.

Вядома, апроч камуністаў. Тыя не пакаюцца, бо дужа разлічваюць на палітычны рэванш, які яны маюць намер ажыццявіць без дрыжыкаў у руках і без сумненняў у пачуццях. Як гэта ўжо было неаднойчы. А іншым... Народу? Не пашкодзіла б і народу. Ужо хоць бы перад гісторыяй і наступнымі пакаленнямі — за тое, што на стагоддзе затрымалі прагрэс, на крывавых недарэчнасцях зацыклілі нашу гісторыю, што менавіта па нашай віне нашы нашчадкі і ў XXI стагоддзі будуць жабракамі, прынамсі, самымі беднымі ў Еўропе. І гэта пры такіх рэсурсах і такіх геапалітычных магчымасцях...

— Ужо багата сказана і пра юрыдычную некарэктнасць фармулёўкі пытання будучага рэферэндуму. І пра палітычную сумніцельнасць гэтай акцыі. І ўсё ж — ці будзе вынік рэферэндуму мець нейкі істотны ўплыў на далейшыя працэсы ў рэспубліцы і ў СССР? Дарэчы, група дэмакратычных дэпутатаў у Вярхоўным Савеце Беларусі прапанавала наступную фармулёўку пытання ў бюлетэні: «Ці лічыце вы, што СССР павінен быць ператвораны ў Саюз Суверэнных Рэспублік шляхам заключэння прамых міждзяржаўных пагадненняў паміж Беларуссю і іншымі суверэннымі дзяржавамі?»

— Навошта ўсенародны рэферэндум, калі Вярхоўны Савет Беларусі прыняў ужо пастанову: «Прызнаць мэтазгодным уваходжанне Беларускай ССР у склад Саюза ССР». Такім чынам, усё ўжо вырашана за месяц да ўсенароднага рэферэндуму.

Канцэпцыя гэтага рэферэндуму лішні раз сведчыць, што мы ніколі не вырашаем свой лёс — за нас тое робяць іншыя. Ставяць свае ўмовы, фармулююць наша рашэнне, маніпулююць народнаю воляй. Мы зноў у каторы раз трапілі ў зачараванае кола: каб вольна і па справядлівасці вырашыць пытанне дзяржаўнага суверэнітэту, трэба быць суверэнным народам. А каб быць суверэнным народам, трэба мець дзяржаўны суверэнітэт. Каторы раз успомніш славутае: «так» альбо «не», а ўсё астатняе — ад нячысціка.

Баюся, тут усё — ад нячысціка.

— Каторы раз пераконваешся, што палітычная наша бездапаможнасць — кроўнае дзіця нацыянальнага нігілізму, знявагі культуры і мовы...

— Нашы слёзныя скаргі на агонію нацыянальнай мовы даўно сталі агульнай рытарычнай мясцінай. Цяпер ужо пэўна відаць, што папяровыя законы ды імітацыя бюракратычнай актыўнасці апошніх гадоў маюць на мэце замаскіраваць ад народа тую агонію, выдаць яе

за культурную рэанімацыю. У гэтай сувязі ні чым іншым, як непрыхаваным крывадушшам, нельга растлумачыць «хітравумную» пазіцыю тых беларускіх літаратараў, якія так гучна крычаць у абарону нацыянальнай мовы, а самі навыперадкі кідаюцца да супрацоўніцтва з КПБ — гэтым зацятым магільшчыкам нацыянальнай культуры. У той час як сумленныя людзі тысячамі здаюць партбілеты, гэтыя дамагліся членства ў яе кіруючых органах. Кінуты, так сказаць, на іх інтэлектуальнае ўмацаванне. Ці яны думаюць, што з цэкоўскіх вяршынь ім будзе зручней давяршыць тое, што не ўдалося давяршыць з колішніх шматгадовых пасад сакратароў СП Беларусі? Калі так, то яны маюць рацыю: болей беларусканенавіснай сілы, чым тая, якой яны служаць, на Беларусі, мабыць, не будзе. Што ж, тады застаецца пажадаць ім поспеху. З гэткімі тэмпамі напрыканцы стагоддзя пастаўленая імі задача будзе выканана поўнасцю.

— Сапраўды, існуе, відаць, нейкая мяжа, пасля якой кампраміс палітычны пераўтвараецца ў кампраміс маральны... Тым не менш, аналізуючы дзейнасць дэмакратаў — у прыватнасці, парламенцкай апазіцыі ў ВС БССР, — некаторыя папракаюць нас у імкненні да канфрантацыі, свядомым жаданні ісці на абвастрэнне канфлікту паміж палітычнымі сіламі.. Усё часцей чуецца: «Ідэі вашым неблагія, але вось форма іх ажыццяўлення... Не, хлопцы, вы, калі прыйдзеце да ўлады, будзеце яшчэ горшыя за бальшавікоў, пачнеце вешаць камуністаў». Гэта — у горшым выпадку, ну а ў лепшым: «Палітыка — майстэрства кампрамісу». Якой вам, Васіль Уладзіміравіч, бачыцца цяперашняя тактыка дэмакратычнага руху?

— Мне бачыцца вельмі незайздроснай доля нашай парламенцкай апазіцыі, якая рупіць нялёгка і ў значнай ступені марна. Уціск партыйнай большасці праяўляецца штодня — у вялікім і малым. Гэта мы бачым на шматлікіх прыкладах — ад выключэння мікрафонаў перад дэпутатам Сямдзянавай да агідных персанальных нападкаў на нібыта валютныя «заробкі» дэпутатаў на радыёстанцыі «Свабода», якая, як вядома, ганарару не плаціць. Ні ў марках-доларах, ні нават у «драўляных» рублях.

Сюды ж адносіцца і шалёны дэпутацкі націск на друк, у прыватнасці на самую, можа, дэмакратычную цяпер «Народную газету». Прывучаная за шмат гадоў да безумоўнай паслухмянасці «рэптыльнай прэсы», пэўная частка дэпутатаў бачыць гэтую прэсу толькі ў ролі абслугі, песняра і апалагета менавіта той партыі, да якой сама належыць. Безумоўна, у тым адзнака пэўнага ўзроўню дэпутацкай маральнасці, не кажучы ўжо пра дэмакратызм, побач з якім такія норавы не стаялі і блізка. Мабыць, да тых жа метадаў

адносяцца і запалохванні наконт таго, што будзе, «калі вы прыйдзеце да ўлады». Тое, што тады будзе, вельмі няпэўна і праблематычна, а вось што было пры іхняй уладзе — у тым выдатна пераканаўся ўвесь белы свет. Прынамсі, дагэтуль дзякуючы тэлебачанню і асабліва радыё беларускі люд мог назіраць і слухаць, як і што робіцца ў ягоным парламенце.

Але менавіта тое надта ж напалохала некаторых дэпутатаў, якія ўрэшце дамагліся шчыльна зачыніць дзверы Дома ўрада, каб ніхто нічога не чуў і не бачыў. Але ж добрыя справы ад людзей не хаваюць.

Зрэшты, падобны метад «самаедскага парламентарызму» знайшоў сваё перайманне і ў саюзным Вярхоўным Савеце. З апошніх падзей такога роду можна нагадаць абмеркаванне тэлевізійнага выступлення Барыса Ельцына, калі тое абмеркаванне набыло форму нястрымнай жаночай істэрыі, зададзенай, дарэчы, выступленнем менавіта беларускай дэпутаткі. Або выступленне маршала Ахрамеева з настойлівым дамаганнем адмяніць тэлетрансляцыю сесіі, бо, ці бачыце, яна пагражае моцы савецкай сям'і.

Па ўсім відаць, дэмакратычны рух у сучасным посттаталітарным грамадстве не шмат што здолее. Мабыць, сучасныя варункі абавязваюць дэмакратаў да адзіна магчымага — не даць канчаткова скампраметаваць сябе антыдэмакратычным сілам, неяк зберагчы свае ідэалы, да якіх калі-небудзь можна будзе вярнуцца.

Калі для таго прыйдзе час...

ВЫСТУПЛЕННЕ НА КАНГРЭСЕ ЗГУРТАВАННЯ «БАЦЬКАЎШЧЫНА»

Красавік 1991 г.

Вялікі і ўсёмагутны Божа стварае чалавека па вобразу і падабенству свайму — строга індывідуальна, паасобку, з уласным жыццём і адметным ад іншых лёсам. Так бы і жыць паасобку. Ды паасобку нельга, надта нас шмат, і трэба неяк дамаўляцца, каб жыць гуртам і ў згодзе. Жыць па справядлівасці.

На жаль, нават пасля столькіх стагоддзяў чалавечай гісторыі, пасля мора людской крыві і слёз чалавецтва ўсё не навучылася згодзе і тае справядлівасці. Яшчэ ў нядаўнія часы здавалася, што прынцыпы згоды знойдзены на асновах класавасці і сацыяльнасці. На краявідзе замаячыў зваблівы прывід сацыялізме, які спакусіў многіх. Але амаль стогадовы вопыт урэшце ацверазіў чалавецтва: аказалася, што сацыялізм не можа не толькі ашчаслівіць людзей, але і элементарна іх

накарміць. Ён можа хіба спарадзіць таталітарызм і новую, яшчэ больш дасканалую форму заняволення.

Тут, мне здаецца, варта звярнуцца да банальных ісцін. Ад алгебры дзяржаўных адносін да простай арыфметыкі, улічыць вопыт здаровага сэнсу. А ён сведчыць: добрыя людзі найбольш згодна жывуць на прынцыпах крэўнасці: сваёй сям'ёй, сваім племем, сваёй нацыяй. Вядома, не ідэальна, не райскім чынам, затое аптымальна. Мабыць, найлепей з усяго магчымага. Там, дзе гэта даўно зразумелі, там ужо і лад, і згода. І яшчэ дабрабыт. Незалежна ад памеру нацыі, ад яе рэлігіі. Ад яе здольнасцей ці дадзеных Богам прыродных рэсурсаў. Датчане, напрыклад, наўрад ці разумнейшыя за літоўцаў, а фіны за нас, беларусаў. Але ў іх няма картак-візітак і няма тых праблем, якія ў нас выклікаюць жах. Нават такая надзвычайная па сваім лёсе нацыя, як яўрэйская, добра навучаная сваім горкім вопытам, зрабіла адназначную выснову і згортвае сваю дыяспару. Толькі нам, беларусам, Бог ці гісторыя ўпарта не даюць таго, што мы заслугоўваем. Ці, можа, таму, што мы самі не хочам — не можам узяць.

Мы не нацыяналісты, І нам зусім не ўласціва адчуванне нейкай свае вышэйшасці над іншымі. Хутчэй наадварот. Мы ўсё жыццё былі прыдушаны комплексам нашае непаўнацэннасці. Напэўна ж, шмат якія нацыі лепшыя за нас і варты большага. Але ўсё ж нечага варты і мы таксама. Хоць бы за сваё доўгацярпенне. За свае бясконцыя ў вяках пакуты. За сваю спрадвечную немату. І за сваю шматгадовую падлегласць сатанінскаму злу і гвалту.

Дык ці не пара згуртавацца цясней і да чагосьці памкнуцца. Нават калі і не шмат даб'ёмся, дык хоць лішні раз пазнаем сябе як нацыя, адчуем зваблівы покліч справядлівасці, паразумнеем на векавечны розум продкаў, лепшых ахвярнікаў мінуўшчыны. А таксама нашых цяперашніх апосталаў дабра і справядлівасці.

Відаць, у гэтую пару разгойсанасці і сляпых блуканняў будзе шмат знаходак і страт. Можа, тое і заканамерна. Але я жадаў бы напомніць: не трэба пагарджаць тым, што ўжо знойдзена. Што здабыта нашым грамадскім авангардам, абгрунтавана і абаронена ў жорсткіх паядынках са злом. Сярод таго перш за ўсё маю на ўвазе наш палітычны авангард, наш БНФ «Адраджэнне». «Бацькаўшчына» павінна ўпэўнена стаць пад наш і яго агульнанацыянальны, спакутаваны, збэшчаны і святы бел-чырвона-белы беларускі сцяг.

Іншага сцяга ў нас няма і не можа быць.

Жыве «Бацькаўшчына», жыве Беларусь!

ГАЗЕТА «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

Апрель 1991 г.

Мы все провалились в яму, из которой неизвестно как выбраться. Обычно в таких случаях первой следует реакция: кто виноват, кто завел в эту яму? Естественно, что более всех в том повинные клянутся в своей невиновности и указывают на других. Как в этой ситуации должно реагировать общество? Заняться виновными или сообща искать выход из катастрофы?

Разумнее было бы искать выход, чтобы «сообща выбраться из постигшей нас беды». Но все дело в том, что истинные виновники катастрофы, упорствуя в собственном выборе, продолжают указывать ложный выход — в глубину ямы, где, по их мнению, следует копать усерднее и глубже. «Давай-давай!» — с неизменным результатом десятками лет раздается над российскими (и не только) просторами. Крикуны заняты своим профессиональным делом, но что делать остальным? Устранить упрямцев? Но ведь у нас — плюрализм мнений. Последовать их в этот раз «верным указаниям»? Или, игнорируя их, начать поиски в новом направлении?

Очевидно, прежде всего следует успокоиться, прийти в себя, чтобы трезвым взглядом оценить обстановку. Хотя бы определить глубину ямы, в которую угодили. Но как только становится чуть тише и спокойнее, раздаются привычные руководящие голоса, демонстрирующие традиционную нетерпимость. Снова обнаруживается, что наша яма окружена коварными, жаждущими нашей погибели врагами, что следует всеми силами крепить оборону любимой ямы, решительно искоренять в ней «деструктивные силы». Но для чего? По логике этих людей, получается, для того, чтобы выбраться из ямы. На деле же выходит, чтобы спокойно прозябать в ней, занимаясь любимым национальным хобби — классовым, национальным, идеологическим самоедством. Опыт новейшей истории убедительно свидетельствует, что на ничто иное мы и не способны. И все самое-самое из всех областей человеческой деятельности мы можем обратить только для упомянутых целей. Другие цели нас просто не интересуют. Это чуждые для нас цели.

Так, может, в конце концов, хотя бы в яме мы осознаем, кто мы есть на деле?

И первыми сделают это писатели?

А за осознанием последуют выводы. Первым из них должно явиться обращение к терпимости как непременному условию робкого шага к выживанию. Все остальное после.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ЛАРИСЫ ГЕНИУШ «ИСПОВЕДЬ». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДРУЖБА НАРОДОВ»

1991 г.

Более жестокой и несправедливой судьбы, чем та, которая была уготована Ларисе Гениуш, трудно себе и представить. За свою не очень продолжительную жизнь эта женщина изведала все: длительное мытарство на чужбине, нищенское существование на родине, тюрьмы и лагеря, глухую стену непризнания и подозрительности уже в наше, послесталинское, время. И за что? В чем была ее божеская и человеческая вина, лишившая ее общественного положения, достойного ее таланта, ее гражданской честности, ее человеческого достоинства, наконец?

Ныне можно со всей определенностью сказать, что не было за ней решительно никакой вины.

Если, конечно, не считать виной ее неизбывную любовь к родной стороне и ее трудовому народу, его многовековой культуре, низведенной сталинизмом до уровня лагерного обслуживания, к древнему его языку, над которым далеко не сегодня нависла реальная угроза исчезновения. Но сегодня мы имеем возможность хотя бы говорить о том, побуждать общественность к действию, дабы не дать ему вовсе исчезнуть. А что могла молодая белорусская женщина, в канун большой войны очутившаяся на чужой земле, в узком кругу эмигрантов, земляков, студентов,— таких же, как и она, страдальцев, изнывавших в тоске по утраченной родине? Естественно, что она попыталась писать, сочинять стихи на языке своих предков. Начались публикации в белорусских эмигрантских журналах, недюжинный ее талант был замечен. И, наверное, все в ее судьбе сложилось бы более-менее благополучно, если бы не война...

Мы теперь много и правильно говорим о последствиях прошлой войны в жизни нашего народа, о нашей героической борьбе с немецким фашизмом, на которую встал весь советский народ. Но много ли мы знаем о том, в каком положении оказались наши земляки, по разным причинам очутившиеся на той стороне фронта, в различных странах оккупированной Европы. По ряду причин большинство из них не принимало сталинского большевизма на их

родине, но не могло принять оно и гитлеризм. Оказавшись между молотом и наковальней, эти люди были подвергнуты труднейшим испытаниям, некоторые из них этих испытаний не выдержали. После войны положение эмигрантов усугубилось еще и тем, что вина некоторых была распространена на всех, за некоторых ответили все. В первые же годы после победы они значительно пополнили опустевшие за войну бесчисленные лагпункты знаменитого Гулага. Началось новое испытание новыми средствами, среди которых голод, холод, непосильные работы были, может быть, не самыми худшими. Худшим, несомненно, было лишение человеческой сущности и в итоге полное расчеловечение, физическое и моральное.

Лариса Гениуш выдержала все, пройдя все круги фашистско-большевистского ада. Настрадалась «под самую завязку», но ни в чем не уступила палачам. Что ей дало для этого силу, видно из ее воспоминаний — это все то, чем жив человек, что для каждого должно быть дороже жизни. Это — любовь к родине, верность христианским истинам, высокое чувство человеческого достоинства. И еще для Ларисы Гениуш много значила ее поэзия. В отличие от порабощенной, полуголодной, задавленной плоти ее дух свободно витал во времени и пространстве, будучи неподвластным ни фашистским гаулейтерам, ни сталинскому наркому Цанаве, ни всей их охранительно-лагерной своре. Стихи в лагерях она сочиняла украдкой, выучивала их наизусть, делясь только с самыми близкими. Иногда, впрочем, их передавали другим — даже в соседние мужские лагеря, где изнеможженные узники нуждались в «духовных витаминах» не меньше, чем в хлебе насущном. Надежд публиковаться даже в отдаленном будущем решительно никаких не предвиделось, да и стихи эти не предназначались для печати. Они были криком души, проклятием и молитвой.

Последние годы своей трудной жизни Лариса Антоновна провела в низкой старой избушке под высокими деревьями в Зельве, существовала на содержание мужа. Добрейший и интеллигентнейший доктор Гениуш, выпускник Карлова университета в Праге, до самой кончины работал дерматологом в районной больнице. Лариса Антоновна растила цветы и писала стихи, которые по-прежнему нигде не печатались. Жили бедно, пенсии им не полагалось, так как Гениуши числились людьми без гражданства. Зато каждый их шаг находился под неусыпным присмотром штатных и вольнонаемных стукачей, районного актива и литературоведов в штатском. Всякие личные контакты с внешним миром решительно пресекались, переписка перлюстрировалась. Воспоминания свои Лариса Антоновна писала тайком, тщательно хоронясь от стороннего взгляда. Хуже было

с перепечаткой — стук машинки невозможно было утаить от соседей. Написанное и перепечатанное по частям передавала в разные руки с надеждой, что что-нибудь уцелеет, сохранится для будущего.

И вот теперь «Исповедь» публикуется.

Из этих созданных человеческим умом и страстью страниц читатель узнает об еще одной трудной жизни, проследит еще один путь в литературу и к человеческому достоинству. Что касается Ларисы Гениуш, то у нее эти два пути слились в один, по существу, это был путь на Голгофу. Все пережитое на этом пути способствовало кристаллизации поэтического дара Ларисы Гениуш, к которому мы приобщаемся только теперь. Белорусские литературные журналы печатают большие подборки ее стихов, сборники их выходят в наших издательствах. И мы вынуждены констатировать, что талант такой пронзительной силы едва не прошел мимо благосклонного внимания современного читателя. Хотя разве он первый. Литературы всех наших народов открывают ныне новые произведения некогда известных авторов, а также личности самих авторов — погибших в лагерях, расстрелянных в тюрьмах, казалось, навсегда изъятых из культурного обихода народов. Но вот они воскресают, хотя с опозданием, доходят до человеческого сознания. И среди них волнующая «Исповедь» замечательной белорусской поэтессы Ларисы Гениуш.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРАВА НАЦИЙ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

Май 1991 г.

Процессы, происходящие ныне в нашей многострадальной стране, характеризуются немалой сложностью и запутанностью. Развиваясь в каждом регионе по-своему, они тем не менее имеют довольно общее происхождение, очевидную основу которого представляет преодоление тоталитаризма, последствий порабощения человека властью, давнего и всестороннего подавления его прав. Надо заметить, что независимо от того, ставилось ли это подавление в качестве советского социалистического идеала или получилось по ходу, само собой, именно в этой области наша коммунистическая система достигла наиболее полной победы. За 70 лет господства этой системы человек не только был поставлен на колени, не только была подавлена его воля к какому-либо сопротивлению, но и была создана позорная культура «существования на коленях», от которой мы во многих случаях не торопимся избавиться и поныне. Мы все еще во власти ее

иллюзий. Не из нее ли происходят многие несостоятельные тенденции наших дней — от призывов к иллюзорному плюрализму, диалогам с недавними надсмотрщиками, переставшими по команде щелкать кнутами, до безуспешных попыток организации круглых столов с ними, на которых, все распри позабыв, можно о чем-то договориться. Увы! Практика показывает, что раб и господин не могут договориться ни о чем ином, кроме как о новом рабстве и новом господстве. За стол переговоров могут сесть лишь свободные люди, равноправные партнеры, объединенные поисками способов согласия, а не возможностей удержания ускользающей власти. Я не ястреб, я демократ, и я не понимаю, о чем молено договориться с людьми, которые еще вчера отдавали каннибальские приказы о применении газов против собственных граждан, организовывали кровавые бани возле зданий парламента, по трупам штурмовали танками национальное телевидение, а сегодня устраивают кровавые стычки на границах суверенных республик, несомненно с целью расширения так полюбившегося им карабахского опыта. Под предлогом защиты интересов национальных меньшинств они грубо попирают исконные интересы целых больших наций, вся вина которых состоит лишь в том, что те наконец проявили политическую волю к свободе и самоопределению. В такой ситуации диалог с ними будет безрезультатен, сколько бы он ни велся, и послужит лишь маскировке истинных целей «большой силы», придания ей демократического благообразия. Надо отчетливо видеть, что о плюрализме, диалоге и терпимости к инакомыслию первыми заговорили те, кто еще вчера не признавал никакого плюрализма и никакой терпимости, чья политика целиком основывалась на классовой непримиримости, а единственным приемлемым способом общения с инакомыслящими были колонии усиленного режима и психушки. За годы перестройки в этой области изменилось не многое. Как известно, эта система вообще лишена способности к переменам и саморазвитию, это изначально закостенелая система. Со временем меняются лишь пропагандистские клише да символы, обозначающие ее сущность. «Контрреволюционер», «враг народа», «идеологический диверсант» — ЧК, ГПУ, НКВД, ВКП(б), МГБ, КПСС, КГБ, «спецназ», «омон» — вот этапы этих «кардинальных» изменений за 70 с лишним лет ее владычества.

Весьма свободно обходясь с нормами человеческой нравственности и морали, система свободна в выборе собственных политических и особенно полицейских средств, бесконечно изобретая их в указах, уголовных кодексах, постановлениях и законах. Нередко случается, что положения, совершенно недопустимые в демократическом

обществе, у нас вполне допустимы и даже обретают силу закона. Это мы лукавим, когда репрессии 30-х годов квалифицируем как акты беззакония — все и тогда делалось по законам. Только по бесчеловечным законам, в этом все дело. В различных обществах законы могут быть разные, но антидемократические законы могут появиться только в антидемократических обществах. В таких же обществах возможно самое вольное обращение и с демократическими законами. Недавно обнаружилось, что Декларация Копенгагенской конференции прошлого года, подписанная в числе прочих и советскими представителями, переведена на русский язык таким удобным образом, что дает возможность использовать ее против смысла, а именно против требований о департизации государственных структур. Другое положение этой декларации — об обязательности альтернативности воинской службы — просто игнорируется путем замалчивания. Генерал Макашов не приемлет никакой иной армии, кроме той, которой научился командовать, и общество бессильно против него. Так же, как бессильно против бесчинств «омона» на литовских границах. Лукавое, однако, бессилие, возможное лишь в государстве, где и права человека, и права наций — не более чем пропагандистская фигура, фиговый листок на могучем теле матерого тоталитаризма.

Впрочем, на эту тему можно говорить долго и много, и, я надеюсь, такой разговор состоится. И о святом, божеском праве наций на самоопределение, и о неотъемлемом праве каждого рожденного под солнцем не только на жизнь, но и на свободу. И о праве гражданина полностью реализовать его, Богом данные ему способности в самых благоприятных условиях, предоставленных и организуемых для него государством. Конечно, каждое государство — определенная система регламентаций и ограничений, но вовсе не карцер с решеткой и намордником, в который оно давно превратилось у нас. В идеале это скорее лаборатория, мастерская для разумной жизнедеятельности гражданина. В противном случае зачем ему государство? Суверенитет нации — не порочная идеология университетских профессоров и не преступное политиканство «деструктивных сил», как это некоторым кажется, а единственно возможная форма выживания наций в современных разрушительных условиях. Теперь уже ясно, что без полного суверенитета ни одна нация с ослабленным (в условиях долголетнего имперского существования) менталитетом сохраниться не сможет. Поэтому — полный суверенитет для тех наций, которые для него созрели, полная демократизация общественных отношений и полное устранение из жизни общества коммунистической идеологии и морали как средств тупикового варианта общественного развития. В

этом категорический императив нашего времени, если мы всерьез озабочены намерением вернуться в семью цивилизованных народов Европы и мира.

ВЫСТУПЛЕННЕ НА КАНГРЭСЕ БЕЛАРУСІСТАЎ

Май 1991 г.

Беларусы — мабыць, адна з самых няшчасных нацый Еўропы. Не зважаючы на ўсе нашы зусім неблагія, Богам дадзеныя чалавечыя якасці, мы дагэтуль не маем таго, чаго варта мець кожная нацыя свету, для чаго, па сутнасці, яна і існуе пад небам. І ўсё таму, што з нейкага капрызу гісторыі мы ўпусцілі свой нацыянальны цягнік і апынуліся ў ролі вечных паязджан, пазбаўленых прыстойнага лёсу, здатнага прытулку дзяржаўнасці. Можа, толькі цяпер гісторыя дае нам пэўны і надта сумніцельны шанец, і ўсё залежыць ад таго, ці пакарыстаемся мы ім. Ці ён у каторы раз выслізне з нашых няўмелых рук. Асабліва калі ёсць надта спрытныя рукі, якія б'юць спрактыкавана, пад дых.

Зноў, як і заўжды, найбольшыя спадзяванні на нашу мову, гэты галоўны нацыянальны набытак, наша гістарычнае апірышча. Нездарма яе так вынішчалі ў стагоддзях — забаранялі, аплёўвалі, адвучвалі ад яе цэлыя пакаленні — у імперыі патрэбна была адна, унітарная мова. Але калі мы, нацыянальна панішчаныя, класава раз'яднаныя, спаскуджаныя шматгадовай маной, нешта ўсё ж значым у сусветнай суполцы народаў, дык найперш праз гэтую нашу мову. Без яе ад нас не засталося б і следу, як не засталося яго ад колішніх тутэйшых ятвягаў. Мова верна служыла народу ў добры і благі час, ратавала яго існаванне і ніколі не здраджвала яму. Гэта ёй нярэдка і няўдзячна здраджвалі на Беларусі, за што заўжды былі бязлітасна караны Богам і гісторыяй.

На гэтай мове праз пэўную долю маны і пустаслоўя створаны, аднак, самы светлы і высакародны фальклор, напісана немалая літаратура. І сёння я рады вітаць у гэтай зале нашых братоў у выгнанні, а таксама нашых знакамітых паслоў, паўнамоцных прадстаўнікоў беларушчыны ў розных краінах свету. Гэта іх намаганнямі народы пазналі Беларусь і беларусаў — высакароднасць нашага сэрца, наш бясхітрасны розум і наш неспатольны боль. Так, боль. Менавіта боль — гэты наш гістарычны спадарожнік, які ні на год не пакідаў нас у мінулым, не пакідае і зараз. У нашай імперыі даўно ўжо няма шчаслівых народаў, але беларусы, як ужо сказана, можа, самыя

нешчаслівыя сярод іх. Бо, не зважаючы на гаманкую імітацыю рэфармізму, на Беларусі нічога не мяняецца, па-ранейшаму кашай афіцыйнай рэлігіяй застаецца сацыялістычная дэмагогія, наш парламент — не болей чым гаманкая сходка камуністаў, занепакоеных адзінай праблемай — утрыманнем улады. У нас беззваротна панішчана сялянства, гэты традыцыйны асяродак беларускасці, наш рабочы клас робіць толькі першыя няўмелыя спробы ўстаць з каленяў, а наша нацыянальная інтэлігенцыя ў масе сваёй — тыповае ўвасабленне лакейскага канфармізму. Менавіта ў гэткіх варунках беларускі народ наблізіўся да краху нацыянальнай культуры і дзяржаўнай эканомікі, наперадзе нас чакае татальны заняпад і голад з усімі яго жахлівымі наступствамі. Перспектыва выжывання нацыі, густа засыпанай радыенуклідамі, абсалютна няпэўная, калі не зусім змрочная. У гэткіх варунках ашчаднікамі нашай нацыянальнай існасці можа стаць беларуская дыяспара, выгнанне, дзе высілкамі беларускіх патрыётаў можа захавацца наш нацыянальна-культурны генафонд. У нас, на Беларусі, тое ўжо немагчыма, тое панішчыцца калі не пад кіраўніцтвам камуністычнай партыі, якая не паспела гэтага зрабіць у свой час, дык ва ўмовах рыначнай эканомікі. Гістарычны вопыт паказвае, што зберагчы сябе ды сваю існасць нацыя здольна толькі ва ўмовах абсалютнага суверэнітэту. Дзяржаўны суверэнітэт, поўная культурная самастойнасць і палітычная незалежнасць — не заганная ідэалогія і не сепаратысцкае палітыканства, як гэта сцвярджаюць шавіністы-дзяржаўнікі. Гэта адзіна магчымая форма нацыянальнага выжывання ў сучасных, савецкіх умовах. Без поўнай палітычнай незалежнасці нацыя з такім аслабленым у нацыянальных адносінах менталітэтам выжыць не можа. Успомнім мудры запавет мужнага Яські з-пад шыбеніцы, у ім уся справа. Таму зусім наіўнымі, калі не яўна спекулятыўнымі, з'яўляюцца намеры тых нашых псеўдапатрыётаў, якія цешаць сябе ілюзіямі дамагчыся захавання на беларушчыне метаду прыручэння да яе «правільнай», «нескажонай» камуністычнасці, бальшавізму з «ласкавым» тварам. Які ў бальшавізму твар, чалавецтва добра ўжо ўведала, і нідзе той твар не меняецца. Ён нязменны.

Так, спадзяванак у нас няшмат, і можа, апошняя наша надзея на несмяротную сутнасць народа. Усё ж дзеля чагосьці ён быў створаны Богам на гэтай благаславеннай зямлі. І мы цешым сябе думкаю, што Беларусь яшчэ неяк паслужыць на ёй, калі не нам, дык наступным пакаленням, а можа, і сусветнай цывілізацыі. У гэтым сэнсе мы і вызначаем наш абавязак і бачым нашу святую надзею,

якія мы і ажыццяўляем, наколькі тое нам дадзена бязлітасным лёсам і не меней жорсткай гісторыяй.

ГУТАРКА З КРЫТЫКАМ ВАНКАРЭМАМ НІКІФАРОВІЧАМ

1991 г.

Ванкарэм Нікіфаровіч. Васіль Уладзіміравіч, здарылася так, што нашу гаворку пра сённяшні стан і шляхі далейшага развіцця беларускай нацыянальнай культуры мы вядзём адразу пасля параўнальна добра арганізаваных на вашай радзіме, на Віцебшчыне, першых усесаюзных дзён, прысвечаных жыццю і творчасці вашага выдатнага земляка, славутага мастака Марка Шагала. Ці не сімвалічна гэта? Бо мы, калі можна так сказаць, неўзабаве пераступім парог новага, дваццаць першага стагоддзя. Што з духоўных здабыткаў пяройдзе туды, што чалавецтва возьме з сабой? Такое пытанне, натуральна, не можа не цікавіць усіх дзеячаў культуры. Мне здаецца, што Марк Шагал — менавіта той мастак, які сваім жыццём і сваёй творчасцю, той культурна-сацыяльнай аурай, якая складалася і будзе складвацца вакол яго, якраз вызначае сутнасць нашага, дваццатага стагоддзя, яго, так бы мовіць, аблічча.

Васіль Быкаў. Будучы на Шагалаўскіх днях у Віцебску, я думаў вось пра якую з'яву. Час — гэта бязлітасны фактар у нашым жыцці, дый наогул у гісторыі. Час робіць вялікі адбор з таго, што існуе ў мастацтве. Дык вось, я думаю, што з усяго нашага мастацтва, не сказаць — беднага, хутчэй наадварот — развітога і багатага, час адбярэ для будучыні вельмі нямногія імёны. Але ў ліку іх абавязкова ў наступнае стагоддзе пяройдзе імя Марка Шагала. Таму што ён — эпахальны мастак, якому будучыня належыць гэтак жа непадзельна, як і мінулае. Не часта так здараецца ў мастацтве, што прызнаны пры жыцці мастак карыстаецца такім жа прызнаннем і ў будучым. Часта бывае наадварот. Мы ведаем з гісторыі мастацтва мноства прыкладаў, калі вялікае прызнанне прыходзіла да мастака толькі пасля яго смерці. І вельмі рэдкія выпадкі, як з Маркам Шагалам. Ён быў прызнаны пры жыцці, увесь свет пакланяўся перад яго талентам. Гэта, канечне, шчаслівы лёс. Хіба што гэты лёс мае прыкрае выключэнне на яго радзіме, дзе М. Шагал даволі доўгі час, прынамсі пры яго зямным жыцці, быў не толькі не прызнаны, проста яго не ведалі нашы людзі. Хоць гэта і вельмі дзіўная з'ява. Ну, але што рабіць, наш час багаты на такія дзіўныя з'явы. Марка Шагала не прызнавалі на Беларусі, не прызнавалі ў Віцебску, ды і ўвогуле не

прызнавалі яго ў нашай магутнай дзяржаве. Таму было многа прычын. А галоўная з іх — гэта наш дзяржаўны таталітарызм, наша, так бы мовіць, вузкая, недарэчная ідэалагізацыя ўсёй культуры. Будзем спадзявацца, аднак, што ўсё гэта мінула. Марк Шагал навечна прапісаны ў Беларусі, у Віцебску, і яго слава будзе расці так, як яна таго заслугоўвае.

В. Н. Будзем спадзявацца, што так і будзе, што сапраўды ў нас сёння змяніліся адносіны многіх кіраўнікоў і чыноўнікаў культуры да Шагала, да яго творчасці. Тым не меней, мне здаецца, што праблема вяртання спадчыны, праблема сённяшняга выкарыстання тых духоўных здабыткаў, якія ствараліся і ствараюцца на гэтай зямлі, стаіць перад намі вельмі востра і актуальна. Калі мы звернемся да нашай беларускай культуры, беларускай літаратуры, мы павінны нагадаць, што толькі зусім нядаўна мы пачалі на ўвесь голас называць імя выдатнага паэта Алеся Гаруна. Мы пачалі знаёміцца з творамі, напрыклад, яшчэ аднаго найцікавейшага пісьменніка, драматурга Францішка Аляхновіча. Але знаёмства чытачоў з ім чамусьці пачалося з яго лагерных запісах, зразумела, з запісаў вельмі хвалюючых, але Францішак Аляхновіч — гэта перш за ўсё драматург, аўтар вельмі многіх цікавых п'ес. Ёсць яшчэ некалькі імёнаў, якіх не ведаюць сённяшнія і чытачы і гледачы. І трэба абавязкова вярнуць іх у наш культурны кантэкст.

В. Б. Гэта было б справядліва. У мінулым шмат што з нашага мастацтва, літаратуры было выключана з нашага жыцця. Вядомы прычыны, чаму так адбылося. І цяпер, калі час змяніўся, натуральна, тое трэба паправіць хаця б у імя элементарнай справядлівасці. Аднаўленне культурнага асяродка паступова адбываецца сёння на фоне палітычнай рэабілітацыі. Змяніўся палітычны клімат у краіне, з'явілася магчымасць для таго, каб прагледзець многія справы з пакараннем, са знішчэннем многіх грамадзян нашай краіны, у тым ліку і дзеячаў культуры. Таму працэс гэты натуральны. Аднак ідзе ён вельмі запаволена. І зусім не таму, што тут патрэбны нейкія разбірацельствы. Усё даўным-даўно вядома. Што датычыць некаторых імёнаў і тых, якія вы назвалі, дык пісьменнікі даўно ўжо хадайнічалі за іх перад уладай. Адразу пасля ХХ з'езда КПСС мы прасілі рэабілітаваць жыццё і творчасць такога найвыдатнейшага паэта, як Алесь Гарун. Але для таго каб сапраўды яго рэабілітаваць і ўвесці ў літаратурны ўжытак, спатрэбілася чвэрць стагоддзя. Канечне, рэакцыйныя сілы ўсяляк гэтаму перашкаджалі. Перашкаджаюць яны, дарэчы, і цяпер. Варта толькі паглядзець некаторыя беларускія выданні апошняга часу, нават апошніх месяцаў, каб зразумець, што

пасля некаторай перадышкі тыя сілы зноў узнімаюць галаву, робяць спробы абвінаваціць нават тых, каго па два разы ўжо рэабілітавалі. Гэта вельмі дзіўная справа.

Першая рэабілітацыя, якая адбылася недзе ў канцы 50-ых, аказваецца, патрабавала яшчэ і паўторнай рэабілітацыі: усё яшчэ знаходзяцца людзі — «вучоныя» і «публіцысты», якія настойваюць на тым, што асуджаныя былі ў чымсць вінаватыя. І калі, напрыклад, якога-небудзь расстралянага пісьменніка ці вучонага рэабілітуе Вярхоўны суд рэспублікі, дык яны кажуць, што гэта ён рэабілітаваны ў крымінальным парадку, а творчасць яго ідэалагічна не рэабілітавана і знаходзіцца, як і раней, пад арыштам. Такое адбываецца, напрыклад, з Францішкам Аляхновічам і з некаторымі іншымі. І ў гэтым сэнсе работы, канечне, яшчэ вельмі многа. Я думаю, што патрэбны намаганні ўсёй грамадскасці, каб была паспяхова вырашана гэтая праблема.

В. Н. Вы маеце на ўвазе публікацыі ў «Политическом собеседнике», у адным з апошніх нумароў?

В. Б. Гэты часопіс вызначаецца такой рэакцыйнасцю, якую зараз проста цяжка сабе ўявіць. Я думаю, што на Захадзе проста не паверацъ, што ў час перабудовы і дэмакратызацыі ў Беларусі магчымы такія выданні.

В. Н. Але давайце ўсё ж вернемся да праблемы нашай спадчыны і да яе гучання сёння. Цікава было б пачуць вашу думку па такой вось праблеме. У публікацыях нашых некаторых крытыкаў, пераважна маладых, апошнім часам з'яўляецца, я б сказаў, нейкі іншы накірунак, назавём яго крайнасцю. Яны, вядома, максімалісты, яны прыйшлі ў жыццё, у літаратуру на хвалі нашага сённяшняга новага адраджэння мовы, культуры, гістарычнай спадчыны, у іх вялікая цікавасць да гісторыі, да ўсяго, што было ў нас. І гэта зразумела. Але яны часам кажуць: «Паглядзіце, што гэта такое — наша беларуская культура, беларуская літаратура? Ці ёсць сапраўды нешта ў ёй вартае, каштоўнае, тое, што сёння можа нас жывіць, сілкаваць, чым мы можам сапраўды ганарыцца? Ці не прыдумалі мы ўсё гэта?» Тым больш што мы сёння сапраўды пераглядаем многія ацэнкі, многія аспекты. Мы ведаем, што наша літаратуразнаўства і наша крытыка на працягу многіх дзесяцігоддзяў былі вульгарна-сацыялагічнымі, эстэтычны аналіз знік з нашых даследаванняў, артыкулаў, манаграфій. Гэта пытанне я чую ў галасах маладых: ці ёсць у нас што? Ці ёсць такая беларушчына і той духоўны мацярык, за якія трэба змагацца? А можа, усё трэба стварацъ нанова? Да таго ж, скажам, многія маладыя, у прыватнасці крытык Сяргей Дубавец,

ставяць пытанне так: гаварыць сёння пра аднаўленне мовы, нацыі, культуры немагчыма, скажам, без вырашэння такіх праблем, як Вільня, Віленшчына. Нібыта без Вільні, без Віленшчыны і няма беларушчыны. Мне здаецца, што ўсё гэта не зусім так, што патрэбны нейкі больш далікатны, больш дакладны падыход.

В. Б. Канечне, гэта праўда. Але я сказаў бы, што пэўны рыгарызм некаторых маладых прадстаўнікоў культуры і крытыкаў увогуле можна зразумець. Гэта адпаведная рэакцыя на нашу ранейшую палітыку. На ранейшы стан нашай культуры і праблемы культуралогіі. Канечне, ёсць пэўны сэнс у тым, што гаворыць той жа Дубавец. Хаця, безумоўна, важна яшчэ таксама, як гаварыць, у якім кантэксце і ў які час. Нельга забываць, што мы жывём у надзвычайнай палітычнай атмасферы, а калі браць сучаснасць, дык нават ва ўмовах празмернай палітызацыі ўсёй грамадскасці. І, безумоўна, ад тых, што выказваюць нейкія меркаванні ў гэтай галіне, патрабуецца асцярожнасць і абсалютная дакладнасць. Асабліва калі гаворка ідзе пра міжнацыянальныя адносіны. Канечне, гаворка пра Вільню павінна быць вельмі асцярожнай. Нават у тым выпадку, калі да яе ёсць пэўная падстава, імкненне да нейкай справядлівасці. Я б сказаў, што галоўная праблема не ў тым, што кажуць маладыя крытыкі, а ў той нашай палітычнай атмасферы, якая панавала многа гадоў у даперабудовачны перыяд. У тыя гады стваралася новая культура, адметная ад ранейшай. І, як цяпер аказалася, гэтая культура наогул не мела нічога агульнага з сапраўднай нацыянальнай культурай. Гэта была псеўдакультура. І вось мы маем сёння такую сітуацыю, калі некалькі пакаленняў прайшлі міма сапраўднае культуры. Многія пакаленні розных пластоў грамадства — і рабочага класа, і інтэлігенцыі, і сялянства — па сутнасці выраслі ў атмасферы поўнага бескультур'я. Гэта не значыць, што яны пэўным чынам не былі адукаваныя ці засталіся людзьмі нявыхаванымі. Іх старанна выхоўвалі і адукоўвалі, але сёння асабліва відно, што гэта была за адукацыя і што за выхаванне. Ацэнкі многіх культурных з'яў мінулага былі скажоныя, сапраўдныя каштоўнасці нацыянальнай культуры засталіся нам невядомыя. Я ўжо не кажу пра вялізны «забыты» пласт рэлігійнай хрысціянскай культуры на Беларусі. Амаль палова здабыткаў беларускай літаратуры мінулага была як бы вынесена за дужкі нацыянальнай культуры. Многія выдатныя культурныя дзеячы мінулага былі падвергнуты астракізму. На прыкладзе з Шагалам ці з тым жа Гаруном можна ў тым пераканацца. Адсюль можна зразумець, што засталося ад нашай нацыянальнай культуры, на чым маглі выхоўвацца пакаленні. І хоць такія імёны, як Скарына, Кастусь

Каліноўскі, ды і іншыя імёны дзеячаў беларускага нацыянальнага адраджэння, і былі вядомыя, іх нават вывучалі ў школе, ды ацэнка ім давалася абсалютна неадэкватная сапраўднаму іх значэнню. Можна зразумець, які быў характар той культуры, якой валодалі масы на працягу дзвюх трацей стагоддзя. А тое ж было не так ужо і даўно. Дастаткова ўспомніць Уладзіміра Караткевіча, найвыдатнейшага нашага пісьменніка, мастака нашай сучаснасці. Ён толькі цяпер, пасля смерці, пачынае набываць вартую яму адэкватную ацэнку ў нашай культуры. А раней, калі ён жыў і ствараў свае цудоўныя творы, сустракаў або адкрытае, або завуаліраванае процідзеянне з боку літаратурнай крытыкі, культурнага і партыйнага кіраўніцтва. І ўсё тое выдатнае, што ён напісаў, стварыў, зроблена не з дапамогай, а пераадольваючы вялізнае супраціўленне начальства.

В. Н. Калі гаворка зайшла пра Уладзіміра Караткевіча, я магу многае прыгадаць... У канцы пяцідзесятых —пачатку шасцідзесятых я якраз працаваў у выдавецтве. Тады гэта было адно толькі ў рэспубліцы выдавецтва. Яно называлася «Дзяржаўнае выдавецтва БССР». Я помню, як перакідваўся з плана ў план яго раман «Каласы пад сярпом тваім», пакуль ён з такім спазненнем прыйшоў да чытачоў. Адзін з лепшых твораў Уладзіміра Караткевіча — раман «Леаніды не вернуцца да зямлі» (так ён называўся спачатку, цяпер ён вядомы як раман «Нельга забыць») быў ужо набраны, была другая карэктура. І як мы ні супраціўляліся ў выдавецтве, але па загаду начальства набор быў рассыпаны. Можна нагадаць не толькі імёны, але і творы, якія былі доўгі час забаронены, творы вядомых нашых пісьменнікаў, нават класікаў. Янка Купала, наш нацыянальны геній, напісаў у 1922 годзе п'есу «Тутэйшыя», найвыдатнейшую п'есу, якая столькі гадоў праляжала, яе забаранялі ставіць і друкаваць. Вельмі мала, на жаль, захавалася звестак пра тое, як у 1926 годзе тэатр, які сёння носіць імя Янкі Купалы, падрыхтаваў прэм'еру гэтага спектакля, але на генеральную рэпетыцыю, яшчэ тады, заўважце — у 1926 годзе, прыйшло начальства і катэгарычна забараніла паказваць спектакль. І з таго часу п'еса ляжала пад забаронай. Была адна спроба: рэжысёр Валерый Маслюк паспрабаваў паставіць яе, аб яднаўшы з «Адвечнай песняй» Я. Купалы, задача была стварыць пераважна этнаграфічны спектакль, але і гэта спроба не знайшла афіцыйнай падтрымкі. І вось толькі ў канцы мінулага года «Тутэйшыя» ўбачылі святло рампы на сцэне тэатра імя Янкі Купалы ў пастаноўцы рэжысёра Мікалая Пінігіна. Мне здаецца, што з нашай духоўнай спадчыны мы павінны перш за ўсё браць і набліжаць тое, што заснавана, грунтуецца на глебе агульначалавечай культуры,

агульначалавечай маралі, якая выпрацоўвалася на працягу стагоддзяў. Яшчэ зусім нядаўна які быў галоўны крытэрый: гэта твор сацрэалізму, значыць, ён добры. У адным з нумароў часопіса «Огонек» змешчаны быў артыкул Аляксандра Генка пра сучасную літаратуру, пра шляхі яе развіцця. Аўтар там так ставіць пытанне: што сёння рабіць пісьменнікам, якія цяпер у іх духоўныя перспектывы? Бо ўсё лепшае, што было створана ў савецкія гады, нават творы такога пісьменніка, як А. Платонаў, было асветлена пэўным ідэалам, ідэалам, скажам так, камуністычным, марксісцкім, вялікім, як мы звыклі казаць. Але сёння многія ідэалы па сутнасці аказаліся іншымі, многія зніклі, размыліся. Пытанняў намнога болей, чым адказаў на іх.

В. Б. Я думаю, што катэгорыю ідэалу ў мастацтве трэба разумець крыху іначай, чым гэта было прынята ў эпоху сацыялістычнага рэалізму. Проста значна шырэй разумець. Мы ўжо пражылі тыя часы, калі ідэалы вызначаліся органамі ўлады. Натуральна, на кожным гістарычным этапе яны былі розныя — і органы, і ідэалы. Час паказаў усю беспадстаўнасць такой метадалогіі. У мастацтве ідэал павінен вынікаць з агульначалавечых каштоўнасцей, і такім мне бачыцца толькі гуманістычны ідэал. Кожны мастак, калі ён гуманіст, павінен бачыць перад сабой перш за ўсё чалавека — канкрэтную асобу ці ўвесь народ, якому патрэбна праўда. Прытым трэба памятаць, што нярэдка чалавецтву кепскую службу служыла імкненне рамантызаваць, таксама як і ідэалізаваць, сучаснасць і будучыню. Звычайна імкненні такога роду не апраўдвалі спадзяванняў людзей. Так было амаль з усімі сацыялістычнымі ідэаламі, не кажучы ўжо пра камуністычныя. Сапраўды гуманістычнае мастацтва павінна ўмець гаварыць праўду. Чалавеку патрэбна праўда, якая і з'яўляецца сутнасцю мастацкага ідэалу. Але вядома, што выяўленню праўды ў мастацтве найбольш верна служыць прынцып адмаўлення. Справа ў тым, што мастаку рэдка калі шчасціць вывесці нейкі дадатны вобраз, вобраз для пераймання. Звычайна атрымліваецца ідэалізаваная фігура, у якой заўжды будзе прысутнічаць прыблізнасць і фальш. А вось пра чалавечыя заганы, ад якіх павінен пазбавіцца чалавек ці грамадства, аб тым сапраўдны мастак ведае значна лепш. Па сутнасці ўся рэалістычная літаратура пабудавана менавіта на ідэале адмаўлення. Ідэал адмаўлення служыць мастацтву з найлепшым вынікам. І таму не трэба патрабаваць ад мастака «рашэння задач» і стварэння мастацкіх куміраў. Мастацтва зусім не павінна таго рабіць. Мастацтва павінна даць праўдзівы вобраз жыцця, паказаць складанасць чалавечага існавання ў ім. Чалавек сам зробіць выбар і, зыходзячы са свайго пераканання, вызначыць, як трэба ладзіць тое жыццё. Не трэба яму

нічога навязваць, усё роўна навязанага ён не прыме. На гэтыя самыя важныя, самыя элементарныя для мастацтва прынцыпы мы, на жаль, проста забыліся, мы грэбавалі імі. Дзесяцігоддзямі для нас найважнейшым было стварыць ідэалы, сімвалы веры, тое, да чаго мы павінны імкнуцца. Жывое жыццё мы падтасоўвалі менавіта пад гэтыя сімвалы. А жыццё супраціўлялася, вельмі неахвотна падладжвалася пад нашыя шаблоны. Ну, а пра мастацтва і гаварыць няма чаго. Яно проста гінула ў абсурднай атмасферы тых патрабаванняў, яно пераставала быць мастацтвам. У тым ліку і літаратура. Прыгадайце, колькі было «выдатных» па тым часе твораў, адзначаных прэміямі, твораў, пра якія пісалі вельмі станоўча, якія шырока распаўсюджваліся, якімі захаплялася начальства ды і грамадства таксама. Але многія з гэтых твораў проста не перажылі нават фізічнае жыццё іх аўтараў. Звычайна бывае так: як толькі пакідае жыццё аўтар, абсалютна адразу забываюцца і яго творы. І толькі нямногія творы сапраўдных гуманістаў вытрымліваюць выпрабаванне часам.

В. Н. Будзем спадзявацца, чытачы зразумеюць, што пісьменніку сёння, у сённяшніх умовах, безумоўна, складаней, але і магчымасці іншыя. Час патрабуе не меншых намаганняў душы, намаганняў сэрца, самааддачы. Мне здаецца, што і сёння можна, паўтараючы радкі вядомых сучасных рускіх паэтаў, пісьменнікаў, сказаць, што «поэт в России больше, чем поэт» і — «отечественная литература — отечественная война».

В. Б. Безумоўна, у нас усё так. У нашай краіне паэт заўсёды быў «больше, чем поэт», літаратура на пэўным этапе ў нас зрабілася рэлігіяй. Гэта адбывалася ва ўмовах, калі не было іншай рэлігіі, калі хрысціянская або мусульманская рэлігіі былі адхілены ад грамадства, а тая «рэлігія», якую нам узмоцнена насаджалі, адтаргалася грамадствам на працягу дзесяцігоддзяў. І тады духоўную нішу так ці інакш заняла літаратура. У тым ліку і сапраўдная, высокая літаратура. Мы ведаем, якую выратавальную ролю ў галіне маральнасці выканала наша класіка, багацейшая скарбонка нашага фальклору. Калі-небудзь даследчыкі вызначаць іх ролю і значэнне ў маральным выратаванні нацыі, яе духоўнага клімату. Але ж, відаць, маюць рацыю тыя крытыкі і тыя філосафы, якія сцвярджаюць, што мастацтва павінна выконваць у грамадстве чыста мастацкія функцыі, літаратура — літаратурныя, палітыка ж — гэта справа палітычных спецыялістаў: палітолагаў і палітычных функцыянераў. Усё гэта, безумоўна, нармальна і натуральна, але ва ўмовах дэмакратычнага грамадства. Мы ж да гэтага грамадства яшчэ не дажылі, і я не ведаю, калі тое здарыцца.

Таму значэнне мастацтва і літаратуры ў бліжэйшы час будзе яшчэ даволі вялікім, не трэба таго недаацэньваць.

В. Н. Што ж, сапраўды добра было б: мастацтву — мастацкае... Але ж апошнім часам у пас распачалося пэўная работа па аднаўленню беларускай мовы, па аднаўленню цікавасці да нацыянальнай гістарычнай спадчыны, да культуры, да мінулага, увогуле, пачалі тое, што мы сёння называем нацыянальным адраджэннем, новай хваляй нацыянальнага адраджэння. Прыняты быў і дзяржаўны Закон аб мовах. Але прайшоў час, і мы бачым, што Закон аб мовах не дзейнічае, не выконваецца, нічога істотнага не адбываецца. Праблема існавання, выжывання беларускай мовы як была, так і засталася, нават горш таго: асіміляцыйныя працэсы, што пачаліся некалькі дзесяцігоддзяў назад, не спынены, наадварот, яны паскорыліся. Беларускамоўныя раней выданні пераходзяць на паўмоўе, друкуюць нават цэлыя палосы на рускай мове. Уплыў асіміляцыі добра адчуваецца, напрыклад, у тэатры імя Я. Купалы, куды прыходзіць усё меней і меней гледачоў, якія ведаюць беларускую мову, і ў неабходным кантакце «сцэна — глядач» гэта адразу адчуваецца. Мне здаецца, калі прымалі ў нашым Вярхоўным Савеце Закон аб мовах у Беларускай ССР, народныя дэпутаты зыходзілі з памылковага навуковага разумення такой з'явы, як білінгвізм. Па-рознаму складваецца білінгвізм на тэрыторыі Савецкай краіны, розных рэспублік. Скажам, у рэспубліках, дзе мовы далёкія адна ад адной, мовы розных лінгвістычных груп, сітуацыя зусім іншая. Напрыклад, там, дзе далёкія мовы — грузінская і руская або латышская і руская, — там можа быць сапраўднае раўнапраўе моў. Там і павінны быць усім мовам створаны адны і тыя ж умовы існавання. Але ж білінгвізм роднасных моў, блізкіх моў — гэта зусім іншае, іншая сітуацыя. І тут — я упэўнены ў гэтым, — калі не будзе — я скажу канцылярскую фразу — «рэжыму найбольшага спрыяння» нацыянальнай мове, дык мы яе не захаваем. Мова колькасна вялікага парода з моцна развітай культурай, як бы мы эмацыянальна да гэтага ні ставіліся, хацелі б ці не хацелі, яна ўрэшце выцесніць роднасную мову народа меншай колькасці, яго культуру.

В. Б. Як вядома, нашымі заканатворчымі органамі прымаецца вельмі многа законаў. Законы прымаюцца парламентам у Маскве, парламентам у Мінску і ў такой колькасці, што іх не толькі немагчыма выканаць — іх немагчыма вывучыць, як гэта належыць зрабіць выканаўчым органам. Ствараецца ўражанне, што пасля доўгага перыяду беззаконня грамадства кінулася забяспечыць усе свае накопленыя заканатворчыя патрэбы. Але справа ў тым, што ў грамад-

стве ахвотна выконваюцца тыя законы, у якіх ёсць арганічная патрэба, калі грамадства саспела для пэўнага закона. Калі закон, так бы мовіць, кладзецца на душу грамадства, тады яно яго лёгка выконвае. Вядома, такое — у ідэале. У нас жа кожны закон сустракае супраціўленне пэўных сфер або эканомікі, палітыкі, або ўсяго грамадства. Тады вярхоўныя заканадаўчыя органы імкнуцца да дэталізацыі закона, каб абсалютна ўсё прадугледзець — усе дробязі, нюансы, і закон становіцца вельмі вялікім, вельмі складаным. Такім складаным і супярэчлівым, што яго наогул немагчыма прымяніць на практыцы. Ніжэйшыя выканаўчыя органы да гэтых законаў прымаюць уласныя інструкцыі, так званыя падзаконныя акты, і ўрэшце закон ператвараецца ў пустую паперу. Нешта падобнае атрымалася, напрыклад, з Законам аб мовах. Вядома, што ў Беларусі вельмі наспела вострая праблема захавання беларускай мовы. Мабыць, заканадаўча яе можна было вырашыць проста: узяць нейкія кардынальныя моманты і абгрунтаваць іх у заканадаўчым парадку. Гэтага зроблена не было. Былі зноў-такі распісаны ўсе падрабязнасці, усе дэталі выканання. Была выдадзена, як вы памятаеце, пастанова аб увядзенні ў дзеянне закона. Я ўдзельнічаў у абмеркаванні гэтай праблемы ў Вярхоўным Савеце на заключным этапе. Калі я адчуў, што гэты падзаконны акт будзе прыняты, дык зразумеў, што ён — не што іншае, як канчатковы помнік беларускай мове. Узяць хоць бы тэрміны ўвядзення закона ў дзеянне, якія расцягнуты аж да наступнага стагоддзя. А як вы ведаеце, усе нашы вялікія праграмы, вялікія замахі на вялікія справы і на доўгі час заканчваюцца нічым. Як гэта здарылася з той жа Харчовай праграмай. Праз два-тры гады пасля ўвядзення ў дзеянне гэтая праграма забылася, пра яе ўжо ніхто і не ўспамінае. Такі ж лёс чакае і Закон аб беларускай мове. Мабыць, уся справа ў тым, што грамадства яшчэ не саспела для таго, каб прыняць з рук улады гэты закон і тут жа ўзяцца за яго выкананне. Асабліва калі ўлада і не настойвае на тым выкананні. Болей таго, калі ў кожным артыкуле між радкоў нібы гаворыцца, што і не трэба нічога выконваць. Таму натуральна, што з беларускай мовай адбываецца тое, што рабілася з ёю даўно: яна патроху і памалу гіне, сфера яе ўжытку катастрафічна звужваецца. Зноў жа ва ўмовах новага гаспадарання, калі многія культурныя ачагі пераходзяць на кааператыўныя, рыначныя адносіны, калі сродкаў на культуру выдзяляецца вельмі мала, зусім ужо можна прадказаць, на колькі гадоў хопіць нашае мовы. Нават на колькі месяцаў. Калі не будуць прыняты дзейсныя меры (я нават не ведаю, якія меры, гэта нават цяжка зразумець), то ўжо ў самы бліжэйшы час пачнецца ліквідацыя многіх асяродкаў беларускай

культуры: газет, часопісаў, тэатра, і пачнецца заключны этап нашай беларускай культуры і нашай мовы.

В. Н. Песімістычная думка, песімістычныя словы, і ўсё ж: няўжо нашы ўлады і Вярхоўны наш Савет не могуць карэнным чынам змяніць адносіны да праблемы, каб знайсці сапраўды дзейсны механізм ратавання нацыянальнай мовы і культуры?

В. Б. Ёсць дзейсны сродак выратавання, але, мабыць, не той, які пакуль што мае на ўвазе наш Вярхоўны Савет. Калі гаварыць пра мову, дык мы лечым не прычыны яе хваробы, а сімптомы тае хваробы. Мы стараемся пазбавіцца ад сімптомаў. І я думаю, што толькі ў тым выпадку захаваецца наша культура, наша мова, калі Беларусь набудзе сапраўдны суверэнітэт. Толькі суверэнітэт і незалежнасць могуць выратаваць нашу нацыянальную культуру. Цяпер ужо пэўна, што калі мы не даможамся суверэнітэту, дык можна будзе навек развітацца з усёй нашай нацыянальнай асобнасцю.

В. Н. Мне здаецца, што падыход да праблемы з гэтага пункту гледжання можа даць свае вынікі. Прынцыпамі сапраўднага суверэнітэту павінна вывярацца ўсё, што мы робім. Многае залежыць канкрэтна ад нас саміх, ад кожнага, ад таго, як мы непасрэдна, з малога пачынаючы, мяняем свае ранейшыя адносіны да надзённых праблем развіцця культуры. Хочацца зазначыць, што ў апошнія гады на вашай радзіме, на Віцебшчыне, склалася даволі невялікая, але моцная група таленавітых людзей, паэтаў, мастакоў, артыстаў, музыкантаў. Дзякуючы іх намаганням прайшлі па ўсёй вобласці цудоўныя дні Уладзіміра Караткевіча і тое свята, якое было ў Віцебску, а потым у Оршы. Вось і Шагалаўскія дні, своеасаблівае вяртанне майстра на Віцебшчыну — я думаю, што вы згодзіцеся са мною, — гэта вялікая непасрэдная заслуга паэта Давіда Сімановіча. Значыць, не ўсё яшчэ страчана, трэба змагацца, верыць і думаць пра тое, што яшчэ многа можна зрабіць, захаваць многае, вярнуць каштоўнасці і нашы, нацыянальныя, і каштоўнасці іншых народаў, якія павінны арганічна ўвайсці ў наш духоўны здабытак.

В. Б. Што ж, як кажуць, дай Бог... Толькі я б хацеў зазначыць, што ў культуры не трэба змагання, у культуры трэба жыць, спажываць і тварыць яе, а не змагацца. У палітыцы, відаць, патрэбна змаганне, а тут важна адпаведная дэмакратычная атмасфера, у якой павінна натуральна існаваць чалавечае грамадства. А вось тое, што ў нас звычайна робіцца ў культуры, нагадвае менавіта няспыннае змаганне. Таму многія культурныя з'явы ў нас набываюць форму кампанейшчыны і штурмаўшчыны. Праводзяцца мерапрыемствы (звычайна яны праводзяцца і няблага, у тым ліку і на Віцебшчыне).

Бывае нават з помпай, большай ці меншай. Усё гэта вельмі эфектна пачынаецца і вельмі эфектна заканчваецца. Пасля наступае доўгая паўза. Усё ж гарманічна развітае грамадства павінна мець паўсядзённую патрэбу ў культуры. Уся вытворчая дзейнасць у нармальным грамадстве — прамысловая, сельскагаспадарчая, інтэлектуальная — павінна адбывацца ў ауры культуры. Культура павінна пранізваць усё. Пачынаючы ад тэхналогіі і заканчваючы побытам, паўсядзённым жыццём. Але для таго патрэбна, па-першае, сама культура, па-другое, неабходна пэўнае стаўленне да гэтай культуры. Мы бачым, што цяпер, ва ўмовах нашых палітычных і грамадскіх катаклізмаў, масы, якія не былі падключаны да сапраўднай культуры, не авалодалі ёю, усё больш і больш аказваюцца пад уплывам касмапалітычнай масавай культуры. Масавая культура — таксама культура, хаця і са сваімі асаблівасцямі, і з ёй таксама змагацца не трэба. Усякае адміністрацыйнае, валявое, валюнтарысцкае змаганне з масавай культурай, нават з эрзацамі гэтай культуры, відаць, безвыніковае і недапушчальнае. Натуральна, масы павінны падняцца і паднімуцца з ніжэйшага прыступка культуры на больш высокі. Але ўсё павінна адбывацца паслядоўна і без дыктату. У нас жа хочуць адразу ад балалайкі перайсці да Моцарта. Такога, відаць, не бывае. Таму павінны быць нейкія прамежкавыя стадыі, адной з якіх і з'яўляецца маскультура. Але зноў жа, каб масы навучыліся і авалодалі высокімі здабыткамі высокай культуры, для таго патрэбны пэўныя ўмовы, час і сродкі, якіх у нас пакуль гэтак мала.

А на Віцебшчыне сапраўды многае мяне сёння радуе. Землякі ў вельмі складаных, цяжкіх умовах глыбокага крызісу ў краіне зрабілі рывок, я б сказаў, гераічны рывок, які можна параўнаць хіба што з пэўнымі момантамі барацьбы ў мінулай вайне. І чагось дамагліся. Пажадана, каб былі пэўныя поспехі і ў галіне культуры. Калі яны будуць дасягнуты, то Віцебшчына, я ўпэўнены, зноў з'явіцца нейкім аазісам, пэўнай культурнай Меккай, да якой будуць імкнуцца мастацкія сілы краіны. Як ужо было пасля рэвалюцыі і грамадзянскай вайны... Дай Бог! Хай ён дапаможа і Віцебшчыне, і ўсёй Беларусі.

ЖУРНАЛ «РОДИНА», № 6

1991 г.

Теперь это общепризнанный факт, что не только страна, но и ее руководящая сила — партия большевиков вступила во вторую мировую войну неподготовленной во всех отношениях. Впрочем,

иначе и не могло быть. Сделав ставку на вечную дружбу с Гитлером, Сталин всю партийную пропаганду ориентировал на подготовку противостояния с «англо-американским империализмом». С началом войны в Европе освещение ее в нашей прессе велось только по сообщениям немецкого информбюро (по типу которого было создано и Советское информбюро), газеты и радио сообщали о блистательных победах славного вермахта во Франции, Югославии, Норвегии. Красноармейцы воспитывались в атмосфере дружбы с немецкими солдатами, а на гарнизонных стрельбищах маячили мишени с характерным силуэтом английского солдата в каске-шляпе, к которому должен был привыкнуть глаз стрелка. Вся эта огромная организационно-пропагандистская система, не лучшим образом ориентированная на случай войны, рушилась в одночасье 22 июня 1941 года, как, впрочем, и вся наша наивная и ошибочная военная доктрина. Говорят, Сталин растерялся, и было отчего. Следовало все перестраивать, переиначивать и делать это под огнем, под бомбами, под гусеницами наступающих немецких танков. И тут, надо отдать ему должное, Сталин в трудный для него час проявил нужную гибкость и способность учиться прежде всего у его соперника Гитлера.

Как известно, Сталин держал партию, что называется, в черном теле, безжалостно расправляясь с малейшими зачатками оппозиции. И в то же время он сам являлся пленником этой партии и без нее не мог ничего. С началом войны почти вся партбюрократия мужского пола влилась в армию, разумеется, на руководящие, комиссарские должности. Недавние парторги и партийные секретари, никогда прежде не служившие в армии или служившие в ней в должностях младших командиров, привинтили в петлицы шпалы и ромбы и наравне с кадровыми командирами принялись руководить войсками. Какое это было руководство, обнаружилось уже в первые месяцы войны. Существует немало свидетельств о той чудовищной обстановке неразберихи, сумасбродных решений, патологической подозрительности и доносительства, которую нередко создавали именно политические комиссары, ставленники партии в войсках. Многие командиры и генералы явились жертвами именно такой обстановки или прямых репрессий со стороны бериевских органов, у которых были свои помощники и инициаторы. Стоит упомянуть хотя бы одного из них, наиболее известного и властного в партии и в войсках, армейского комиссара первого ранга Льва Мехлиса.

Нападение гитлеровской Германии явилось для страны полной неожиданностью, однако не понадобилось ни много времени, ни большой разъяснительной работы, чтобы народ со всей очевидностью

понял, что Родина в опасности. Это осознание пришло, наверное, уже на третий день войны, именно оно вынудило сплотиться в едином порыве — отстоять Родину. Единственно, что требовалось для того, так это умелое руководство страной и войсками и материальное обеспечение их. Увы, ни того, ни другого как раз и не хватало.

Немецкий вермахт, как известно, не имел политического аппарата, все управление на всех уровнях осуществлялось высокоподготовленным кадровым командным составом. По всей видимости, Гитлер не терпел в армии политиканов, болтунов, людей некомпетентных в своем деле. Не сразу, но и Сталин наконец понял, что пресловутый институт политкомиссаров победы ему не принесет, что эффективно управлять войсками может лишь командный состав на основе традиционного для армии принципа единоначалия. Именно это обстоятельство вынудило его в труднейший период войны летом 1942 года ликвидировать институт политкомиссаров. Огромное количество партийных функционеров, разумеется, не имело никакого желания расставаться с «авангардной ролью» и вливаться в стрелковые цепи, где жизнь, как известно, была короче заячьего хвостика. И Сталин понимал это. Именно поэтому прежний институт он заменил новым, впрочем, мало чем отличавшимся от предыдущего, институтом заместителей командиров по политической части. Шпалы и ромбы в петлицах остались прежние, только вместо нарукавных комиссарских звезд в уголках петлиц появились эмблемы родов войск, специалистами которых в одночасье стали недавние политработники. Ну и, разумеется, специалистами по пропаганде и организованности, которой, впрочем, нам никогда достичь не удалось. Единственно, в чем преуспело военное (в том числе и партийное) руководство во время войны, — так это в безоглядной требовательности, нередко доходящей до слепой жестокости. Именно она, эта жестокость, явилась одной из главных причин наших неви данных в истории потерь, когда жизнь солдата стоила меньше цинкового ящика винтовочных патронов, когда только гибель (безразлично, бойца или соединения) могла стать уважительной причиной невыполнения спущенного сверху приказа, далеко не всегда обеспеченного хотя бы элементарной целесообразностью. И гибли. Миллионы людей, десятки и сотни частей и соединений. Иные из командиров начинали заведомо безнадежную операцию в полной очевидности ее гибельного исхода. Но альтернативы не было. На страже строгого выполнения приказа стояли, кроме вышестоящих командиров и штабов, также военная прокуратура, смерш, вездесущие политорганы. Это было их одной из главнейших обязанностей.

Ну, а как другие обязанности этой многочислен ной, разветвленной всеохватной системы? В чем они заключались на практике?

Немаловажной обязанностью была также работа с массами, митинги и доклады, беседы и политинформации — все то, что на солдатском языке называлось «толкать мораль». Вот, пожалуй, и все, если не считать еще рутинно» партийной обязанности — вовремя оформлять и пуще глаза хранить партдокументацию. Не маловато ли для могучей, тоталитарной партии в войсках? Да и эти обязанности, насколько они были нужны и обоснованны? Примитивные, импровизированные на ходу политбеседы и политинформации практически никого ни в чем не убеждали, так как строились по типу агитации полуграмотной красноармейской массы времен гражданской войны. В Отечественную же основной контингент бойцов, особенно из молодежи, был уже гораздо выше в своем политическом развитии, чем их предшественники послереволюционных лет, а главное, вовсе не нуждался в надобности убеждать себя воевать за свободу родной земли. Необходимостью того было изначально проникнуто сознание всех — от командующего до последнего повозочника транспортной роты. Другое дело — как достичь победы над сильным, организованным, отлично вооруженным врагом? Но тут штатные партийные пропагандисты в офицерских погонах ничего нового предложить не могли, привычно агитируя солдат бесстрашно отдавать жизнь за Родину. И отдавали. Но вовсе не потому, что к тому их вдохновили беседы замполитов.

Из этого, разумеется, не следует, что в среде политорганов не было людей честных и храбрых. Были разные, как и везде. Но вся эта система была и остается чуждой для армии, бесполезной как в мирное время, так и на войне. Лучшие, может, самые совестливые из политработников давно осознали собственную далеко не блестящую роль в войне. Еще летом 44-го великий Александр Твардовский сравнил воюющего солдата с образом взмокшего от напряжения дровосека, глядя на которого агитаторы из политорганов сочувственно хакают, воображая, что тем помогают ему. Другой всемирно известный писатель, участник войны как-то съязвил, что советская литература о войне свелась в конце концов к доказательству того, как русский солдат торопился отдать жизнь за Родину и как трудно было генералам водить пальцем по карте. Сарказм этой мысли очевиден. Как всякий сарказм, он содержит известное преувеличение, но также и известную истину.

В эту нелегкую пору в жизни страны, когда из нашей недавней истории исчезают многие белые пятна, когда развенчиваются многие

пропагандистские мифы, настало время разобраться и с одним из самых распространенных и устойчивых заблуждений прошлой войны.

МОНОЛОГ, ЗАПИСАННЫЙ СЕРГЕЕМ ШАПРАНОМ. «МЕГАПОЛИС-ЭКСПРЕСС»

Июль 1991 г.

У меня не было счастливого детства. И поэтому воспоминания о нем радости мне не приносят... Пришлось оно на тяжелые тридцатые годы — ужаснейшие в социальном и политическом отношениях. Голод, бесправие. Конечно, дети не переживали в полной мере того, что пришлось на долю родителей. Но эта атмосфера сказывалась на формирующейся детской психологии. И моя эмоциональная память сохранила много печали... Что же касается последующих лет, то они были еще хуже. Оглядываясь ныне на прошедшую жизнь, вижу, что только к пенсионному возрасту у человека моего поколения появилась возможность обрести более или менее достойное существование. Однако и это время оказалось кратким: начавшаяся перестройка принесла не высвобождение, а новые проблемы, и без того осложнившие бытие. Общеизвестно, как многие, особенно из среды интеллигенции, восприняли перестройку — как зарю нового счастливого дня. Когда если не нам, то нашим внукам замерцала новая, счастливая жизнь. Но все оказалось весьма иллюзорным и проблематичным. И вера в благоприятный исход перестройки все более меркнет.

У перестройки есть прецедент — хрущевская оттепель, вселившая было бурные надежды. После XX съезда было позволено говорить то, о чем до тех пор молчали. И я написал несколько рассказов, которые напечатал сатирический журнал «Вожык». Но вскоре период оттепели сменился длительными заморозками. Я переключился на военную тему: написал повесть «Журавлиный крик». Тогда я не думал, что стану писателем, работал в областной газете. После приема в Союз писателей много лет работал литконсультантом с окладом 80 рублей в месяц.

Послевоенная литература создавалась в атмосфере эйфории от нашей действительно исторической победы. Тогда казалось, что главное сделано — немецкий фашизм побежден, остальное наладится само собой. Но не наладилось. Диктаторский режим в стране не только не устранился, но в общем еще и усовершенствовался. И после ухода из жизни Сталина тоталитаризм оставался в полной силе. Но мы, воспитанные несвободой, не очень задумывались над тем. Нас

утешало мирное существование, гарантом которого, как утверждалось, была политика правящей партии. Эта политика десятилетиями оставалась неизменной, и главный ее смысл был в безмерном вооружении страны. Производство оружия достигло немыслимых размеров. Когда половина общественного продукта стала уходить на нужды армии и военно-промышленного комплекса, крах всей экономики стал неотвратим.

Конечно, самые умные и честные из литераторов видели и понимали, что происходит. Но их возможность влияния на общественное сознание была всемерно ограничена государством. И здесь, наверное, стоит упомянуть, что в своем большинстве «укрощение литературы» производилось руками самих же писателей, так сказать, коллег по ремеслу, состоящих на службе в редакциях, журналах, издательствах и рьяно осуществлявших там политику своей партии. Сколько приходилось выслушивать редакторских претензий на тему идеологической несостоятельности произведения, политических перекосов; о том, что автор вольно или невольно льет воду на чужие мельницы. Никто из писателей не был свободен от этого партийно-государственного пресса. Если мы оглянемся на творчество таких выдающихся мастеров литературы, как Алексей Толстой, Михаил Шолохов, других, в чьих художнических способностях мир не сомневается, то увидим, насколько стеснено и их творчество. И все это — по причине господства особой системы, название которой соцреализм. И хотя до сих пор нет бесспорного определения соцреализма, я это понятие связываю с государственной системой подавления.

Если я не реагировал непосредственно (хотя я не мог этого не делать, поскольку мои «ошибки» подчеркивались красным карандашом и произведение не пускалось в набор, пока подчеркнутое не исправлялось), то при работе этот незримый автор всегда присутствовал! Происходила трудная борьба с внутренним цензором. Но к своим произведениям я не возвращаюсь. То, что написано, отторгается от меня как от автора и дальше существует по своим законам. Я считаю, что нет надобности что-то перестраивать, тем более усовершенствовать. Вторжение в живую плоть произведения не всегда проходит безнаказанно, а главное — не всегда служит совершенству. Нередко слишком усердное отношение автора к своему произведению разрушает последнее. Поэтому пусть живет таким, каким появилось на свет.

Что же касается темы войны, над которой я работал много лет, то жаль, что в свое время не удалось отработать многие стороны этого действительно эпохального события. Наша литература, и я в том числе, больше сосредоточивалась на аспекте героического. Здесь не

надо было прибегать к уловкам и лжи. Но дело в том, что на войне, кроме героического, была масса другого, о чем наша литература молчала, поскольку это нам не было дозволено. На военных снимках почти нет наших убитых — фотографировать их было запрещено. Убитых немцев — сколько угодно. Так создавался определенный образ войны. Но как можно исключить из искусства о войне (а фотография — тоже искусство), может быть, самое главное — смерть? Она витала над каждым — все жили с мыслью о смерти: когда она настигнет? Как? Но, похоже, многое неизвестное о войне уходит безвозвратно вместе с военными поколениями и навсегда останется за пределами истории и искусства.

Долгое время проживая в провинции, я все-таки чувствовал там себя свободнее. Конечно, это была иллюзорная свобода, т.к. любой провинциал в полной мере зависит от власти, тамошнего начальства, которое в провинции гораздо жестче и гораздо невежественнее, чем в столицах. Но там было больше свободного от службы времени, которое можно было употребить для литературы. В Минске же эта власть для меня несколько ослабла, хотя появились новые проблемы. Я не состою ни на каких штатных должностях, но времени для личной жизни мало, или его нет совсем. Да и для литературы не хватает. Самые разные надобности общественного порядка отнимают все свободное время.

Я был избран народным депутатом от общественной организации — Союза писателей. Очень скоро, однако, обнаружилось, что обязательства, принятые мною во время избирательной кампании, невыполнимы. Современная система власти исключает это. И Верховный Совет, и Съезд народных депутатов оказались в своем большинстве сугубо консервативными органами. Поэтому я скоро понял, что действия демократов обречены на провал. Еще на 1-м Съезде народных депутатов Евтушенко предложил существенные поправки к Конституции СССР, которые, если бы они были приняты, могли значительно изменить ход нашей жизни. Но нынешний состав депутатского корпуса на такие шаги не способен. И вся его «деятельность» — не более чем топтание на месте, имитация законотворчества.

У меня большие претензии к белорусской интеллигенции. Конечно, ее аморфность и бесхребетность можно понять. На протяжении своего существования в недемократических тоталитарных условиях интеллигенция подвергалась наибольшему гнету со стороны властей и претерпела ряд социальных и психологических деформаций. Скажем, русская интеллигенция была уничтожена физически. Белорусская интеллигенция, которая являла собой тонкий слой в обществе, после

чудовищных репрессий просто растворилась. Прежде она была представлена учительством, низовым медперсоналом, некоторыми служащими. Но во что превратилось сельское учительство, сплошь задавленное неустроенным бытом и партийной властью? Главным для него стало не учить, а проводить политику партии на селе, участвовать в различных и многочисленных ее кампаниях. Городская же интеллигенция (и прежде всего ее гуманитарная часть) также была занята осуществлением коммунистических функций, в то время как техническая элита сплошь была задействована в военно-промышленном комплексе. Среди этого довольно тонкого интеллигентского слоя национальная белорусская интеллигенция составляла совсем уж ничтожную прослойку. К ее чести, однако, следует признать, что именно она не дала вовсе погибнуть национальной культуре, белорусскому языку, ее усилиями началось национальное возрождение Белоруссии. Именно национальная интеллигенция создала Народный фронт, ряд политических партий. Конечно, ей еще не удалось должным образом поднять народ и даже преодолеть в нем до конца национальный нигилизм. Но она вселила надежду. Хотя процесс этот невероятно труден и не свободен от многочисленных неудач и срывов. Вот, например, как повела себя творческая интеллигенция Белоруссии во время известной апрельской рабочей стачки. Произошло историческое событие, может быть, пик того, на что способен был рабочий класс Белоруссии. И удивительно, что Союз писателей остался в стороне от этой политической акции. Уже на исходе ее, так сказать вдогонку, Рада Союза писателей опубликовала свою поддержку стачкомам. Но тут же нашлись именитые, между прочим, писатели, которые поспешили публично отмежеваться от этой поддержки. Позорнейший этот факт свидетельствует о том, чьи на деле интересы защищает определенная часть творческой интеллигенции и под чьей пятой она продолжает находиться на шестом году перестройки.

Сейчас не только белорусская, но и вся советская литература находится в состоянии своеобразной творческой прострации. Литература потеряла ориентиры: коммунистические обнаружили свое полное банкротство, общечеловеческие еще не стали общепризнанными для всей литературы. Нынешняя литература по существу питается произведениями, либо нелегально созданными в прежние, застойные, годы, либо написанными в эмиграции. За перестроечный период в литературе ничего значительного, кажется, не создано. А ведь мы переживаем судьбоносное время, время колоссальных политических и социальных ошибок. Надо полагать, оно обязательно найдет свое отражение в литературе независимо от того, провалится перестройка

или осуществится. Но произойдет это, по всей видимости, гораздо позже.

Патриотизм, национализм, космополитизм — понятия, очень тесно смыкающиеся друг с другом, часто вытекающие одно из другого. Полагаю, что здоровый, умеренный национализм — явление вполне нормальное. Национальное чувство дается человеку, по-видимому, от рождения. На основе именно этого чувства создана национальная культура народов и многое другое. Очевидно, национальная идея — одна из самых древних и самых сильных жизнеорганизующих идей, дожившая до нашего времени. Она питает многие современные демократические государственные образования Европы, Азии. Другое дело, что существует крайний национализм. И здесь я делаю следующее разделение: «нормальный» национал любит свою национальность, Родину, свою культуру. Националист, впадающий в крайности, не столько любит собственное, сколько ненавидит соседское, чужое. Космополитизм же — это, видимо, состояние будущего. Но опять же — к нормальному космополитизму нет другого пути, кроме как через нормальный национализм. И основа космополитизма все-таки — совокупность национального. Но нам до этого еще далеко: чтобы обогатить мировую культуру, надо развить собственную.

Хорошо, конечно, как можно дольше оставаться молодым. Но в нашем обществе не многим удается сохранить молодость души до старости. Советская жизнь довольно жестокая штука, она основательно выматывает все элементы молодости. Годам к пятидесяти от молодости мало что остается. Не только в физическом, но и в духовном смысле. Все дело в том, что у нас человек — не хозяин своей личности. Он целиком во власти общества, обстоятельств, начальства. Его собственная воля лишь в малой степени распространяется на собственную личность...

Мое поколение — это поколение несчастных людей. Оно не имело счастья в прошлом и, видимо, будет лишено его в ближайшем будущем. Это поколение жалких людей. Людей, обделенных Богом и в значительной мере — самими собой.

ТЕКСТ ЛИСТОВКИ, РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ «МОСКОВСКИМИ НОВОСТЯМИ» 19 АВГУСТА 1991 г.

Час пробил, мы опять у роковой черты, наша судьба — снова на ладони провидения, и нам, как всегда, решать: кто — кого? Им кажется, что победа у них в кармане, куда ее положат верные им ГБ,

внутренние войска, армия. Но времена меняются, ни армия, ни милиция, ни даже КГБ уже не те, что были прежде, чем были всегда. Приверженцы марксистской диалектики, они на деле проигнорировали ее законы: в одну кровавую реку нельзя вступить дважды — народ не тот, что был все 70 лет их безраздельного господства. Народ потерял чувство страха, владевшее им постоянно, это было последнее, что он мог потерять. И он, обобранный, униженный, остался свободным — один на один со своей совестью. И вот теперь они встрепенулись, испугавшись, что народная совесть может оказаться самым опасным для них оружием, и вывели на улицы танки.

Но и на танках люди.

Те самые, которых они обрекли на нищету, на издевательство «дедовщиной», на бесквартирье и произвол заевшегося на княжеских дачах генералитета. Эти люди в форме будут последними дураками, если побегут умирать за шкурные интересы этих широколампасных «дедов», предавших народ, родину, президента, который их так неосмотрительно лелеял и холил, постоянно уступая им, идя у них на поводу. Они предадут кого угодно, потому что это люди не только без креста на груди, но и без всякой морали, без совести, наделенные бульдожьим инстинктом хватать того, кто послабее.

Тем радостнее узнать, что даже среди их затурканных, бессловесных, связанных дисциплиной подчиненных нашлись люди с Совестью, истинные граждане и патриоты многострадальной России. Может, в первый раз за долгие годы бесправия они обрели возможность оправдать свое армейское предназначение — выполнить долг, защитить Правду. Теперь от их стойкости зависит судьба не только парламента и президента России, но и мировой цивилизации. Независимо от того, чем кончится схватка, те немногие из военных — солдаты, офицеры и генералы, вставшие сегодня у Российского Белого дома для его защиты, на наших глазах поименно вписывают себя в историю.

Исполать им!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Сентябрь 1991 г.

Траурные мелодии, возникнув над Москвой, плывут над нашей безбрежной Родиной, плывут над миром...

Столица отдает последние почести народным героям — жертвам кровавого произвола, последней отрыжки тоталитаризма. Поборов

наш извечный, почти генного уровня страх, они встали на пути большевистских носорогов и погибли. Светлая гибель, святая победа! Кажется, она заставила мир вздрогнуть в тревожном восхищении, проникнуться сознанием смертельной опасности. Множество прежних смертей мало чему нас научили, понадобился этот чудовищный шоковый удар вероломного злодейства, чтобы миллионы наконец поняли, в чем дело.

Ряд лет мы слушали теле- и радиосообщения о произволе, насилии, убийствах, внимали объяснениям штатных пропагандистов, бойко рассуждавших о сложностях национальных отношений, рецидивах исторических межусобиц, происках контрреволюции. Человеческое сознание не слишком задело явное побоище и тайные похороны в Новочеркасске. Не надолго возмутила кровавая драма Тбилиси, а ее палач-генерал едва не стал национальным героем России. Истерзанная имперской деспотией Литва почти каждый месяц зарывала в песчаные пригорки своих кладбищ лучших своих сыновей. Немало похоронила их Латвия, Азербайджан; продолжает хоронить многострадальная Армения. Многим казалось: нас это не очень касается, это их проблемы. К тому же — националисты, фанатики, сепаратисты. Совсем не наши, даже не русскоязычные. «Нашими» быстро становились другие — ловкие молодые парни в красиво сидящей униформе, которым дозволялось все. Их воспевало телевидение, наставляли министры, им потакал президент...

Эх, президент, президент! Знал бы он, ведал, кого пригрел на своей груди. Но не знал. И, похоже, не торопился знать. Приверженец «социалистического выбора», он твердо уверовал, что его противники — «так называемые демократы». Которые в итоге и спасли его. Вот она, коммунистическая логика вкупе с марксистско-ленинской диалектикой!

И теперь эти похороны...

И убили их не сепаратисты, не националисты и даже не «так называемые демократы». Убили такие же милые ребята, облаченные в привычную для нас военную форму. И стали убийцами. Но ведь не по своей воле — выполняя приказ. «Приказ командира — закон для подчиненных». Что ж, теперь полагается их наградить. Ведь они образцово выполнили приказ. В полном соответствии с присягой, в духе решения последнего партийного собрания. Вот она, наша доведенная до абсурда коммунистическая мораль! Рожденная в тихих кабинетах на Старой площади, испытанная на кровавых полигонах Афганистана. Теперь ее полигоном становится Москва. Кровь, обильно обагрившая кавказские камни, брусчатку прибалтийских городов,

разлилась на московском асфальте, угрожая залить страну. И мир ужаснулся.

Но кто виноват? Кто нас вынуждает десятилетиями проливать кровь, терять человеческий облик, превращаясь в нравственных мутантов, самоубийц национального масштаба?

Наша «любимая» партия! «Ум, честь и совесть нашей эпохи», беспрерывно находящаяся во власти сменяющихся проходимцев и выродков.

Это не сенсационное открытие, это — вопль нашего исторического опыта. Истина, столь же простая и банальная, как та, что Волга впадает в Каспийское море. Мы только закрывали глаза и зажимали уши, стараясь не замечать ее. Десятки лет мы существовали в горячем тумане насилия, абсолютного порабощения, тоталитарного извращения человеческой сущности — совести, психики, культуры. Экономики тоже. При полном безмолвии, при абсолютном подчинении дуракам и преступникам. Но им и этого оказалось мало. В броневой камере нашего заключения оказались проржавевшие дыры, через которые начал проникать кислород, поименованный гласностью. Это их и взбесило. И они бросили танки. Огромные, отлично снаряженные танковые полчища, которых нам так не хватало в нашей большой войне с немецким фашизмом. Теперь их набралось с избытком. Ими уже вооружали КГБ. Но для чего? Против кого? Не для войны же с внешним врагом, который пошел на разоружение, на мирное добрососедское существование. Не для противостояния с НАТО, тягаться с которым, как оказалось, у них кишка тонка. Значит, для внутреннего потребления. Для нас с вами. Чтобы раз навсегда поставить на колени. Чтобы перекрыть жалкие глотки гласности, проникавшие извне. Чтобы не трепыхались. Чтобы подонкам со Старой площади было легко и просто управлять нами, не отрывая грузных задов от мягких кресел, не протягивая руки дальше телефонной трубки. В этом вся их высокая политика, их заветная цель, имя которой — власть. И это — конечный продукт их иезуитской марксистско-ленинской философии, их кровавой семидесятилетней практики.

Да, мы не стали на колени, мы победили.

Но не успели прах убиенных предать земле, как послышались сладкозвучные голоса о милосердии к падшим. О недопущении по отношению к ним методов, которые применяли они. Могу успокоить особенно щепетильных: даже при огромном желании демократы не наберут в своем карательном арсенале и десятой доли того, что по отношению к ним применило одно лишь ведомство Крючкова. Опять

же, прежде чем возвышать голос о помиловании, сперва надо бы осудить. А то: «Партия не виновата, миллионы простых рабочих, крестьян...» Да, конечно, крестьяне здесь не при чем. Хотя пора бы уже и самым «простым» понять, какой банде они пособничали столько кровавых лет, и принять решение. Кстати, самые совестливые давно уже его приняли. Другие принимают сейчас. Ну, а остальные, которых тоже немало. Которых большинство. Чего они дожидаются, очень мне интересно.

Впрочем, это пустой вопрос. В Белоруссии они уже дождались. Их республиканский фюрер уже объявил, что КПБ выходит из состава КПСС и действует на суверенной основе. Возможно, она будет строить свой коммунизм под обновленным названием. Этот бес поразительно изворотлив: ты его гонишь в дверь, а он лезет в окно. Я поздравляю моих земляков — их ждет веселенькая компания в грядущем суверенитете.

Пока мы рассуждали о милосердии и «фактах вандализма», людей продолжали хоронить. Хоронили русских, латышей, литовцев, до сих пор хоронят армян и азербайджанцев. На берегах далекой Адриатики хоронят сербов и хорватов, хоронят несчастных афганцев. Не пора ли понять, чьи это жертвы?

Жертвы издыхающего коммунизма, который, даже будучи мертвым, хватает живых.

Несчастную нашу, едва ожившую демократию, между прочим.

© OCR: Камунікат.org, 2013
© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2013
© PDF: Камунікат.org, 2013

ЗМЕСТ

Выступленне на V з'ездзе СП БССР, чэрвень 1966 г.
Выступленне на вечары Рыгора Барадулін, люты 1985г
Выступленне на пленуме СП БССР, чэрвень 1985 г.
Выступленне на пленуме СП БССР, лістапад 1985 г.
Газета «Литературна Украина», апрель 1986 г.
Выступленне на сходзе, прысвечаным 150 угодкам з дня смерці А. Пушкіна, студзень 1987 г.
Газета «Літаратура і мастацтва», верасень 1987 г.
Прадмова да кнігі А. Лукашука
Журнал «Дружба народов», № 9, 1987 г.
Газета «Советская культура», февраль 1988 г.
Газета «Советская Белоруссия», март 1988 г.
Газета «Советская культура», июнь 1988 г.
Газета «Літаратура і мастацтва», чэрвень 1988 г.
Журнал «Огонек», ноябрь 1988 г.
Встреча со студентами и преподавателями МГУ им. Ломоносова.«Литературная газета», январь 1989 г.
Выступленне на VII з'ездзе СП БССР, май 1989 г.
Прамова на I з'ездзе БНФ, чэрвень 1989 г.
Еженедельник «Неделя», июнь 1989 г.
Еженедельник «Московские новости», сентябрь 1989 г.
Зварот да выбаршчыкаў, красавік 1989 г.
Газета «Правда», лістапад 1989 г.
Предисловие к двухтомнику Владимира Короткевича. Издательство «Художественная литература», 1990 г.
«Литературная газета», апрель 1990 г.
Газета «Известия», сентябрь 1990 г.
Журнал «Политика» (Вильнюс), июль 1990 г.
Газета «Комсомольская правда», август 1990 г.
Газета «Комсомольская правда», сентябрь 1990 г.
Выступление на Римском конгрессе литераторов, октябрь 1990 г.
Газета «Комсомольская правда», ноябрь 1990 г.
Еженедельник «Московские новости», декабрь 1990 г.
Выступление на радиостанции «Свобода», январь 1991 г.
Выступленне на Шагалаўскіх чытаннях у Віцебску, студзень 1991 т.
Прадмова да зборніка «Инакомыслящие». Выдавецтва «Беларусь», 1991 г.
Прадмова да кнігі З. Пазьняка. Выдавецтва «СП Вся Москва», 1991 г.
Выступленне на II з'ездзе Беларускага народнага фронту, сакавік 1991 г.
Гутарка з народным дэпутатам БССР С. Навумчыкам, сакавік 1991 г.
Выступленне на кангрэсе згуртавання «Бацькаўшчына», красавік 1991 г.
Газета «Комсомольская правда», апрель 1991 г.
Предисловие к книге Ларисы Гениуш «Исповедь». Издательство «Дружба народов», 1991 г.
Выступление на международной конференции «Права наций, права человека», май 1991 г.
Выступленне на кангрэсе беларусістаў, май 1991 г.
Гутарка з крытыкам Ванкарэмам Нікіфаровічам, 1991 г.
Журнал «Родина», № б, 1991 г.
Монолог, записанный Сергеем Шапраном. «Мегаполис экспресс», июль 1991 г.
Текст листовки, распространяемой «Московскими новостями» 19 августа 1991 г.
Еженедельник «Московские новости», сентябрь 1991 г.